

П. Кропоткинъ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

**ВЪ РУССКИХЪ
И ФРАНЦУЗСКИХЪ
ТЮРЬМАХЪ.**

Съ англійскаго. Переводъ Батуринаго
подъ редакціей автора.

Единственное изданіе, разрѣшенное для Россіи авторомъ.

Цѣна 1 рубль.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1906.

П. Кропоткинъ. Томъ четвертый. Въ русскихъ и французскихъ тюрьмахъ.
//Издание товарищества „ЗНАНИЕ“, Спб., Невский, 22, 1906
FB2: "navd ", 2013-07-21, version 1.1
UUID: B49B1B7D-DA0A-4569-AFCD-3C72847765B0
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Петр Алексеевич Кропоткин

В русских и французских тюрьмах

С английского. Перевод Батуринского под редакцией автора.

Единственное издание, разрешенное для России автором.

Цена 1 рубль.

Типография «Север», Спб., Садовая, 60.

Содержание

Предисловие автора к русскому изданию . . .	0005
Введение	0013
Глава I	0022
Глава II Русские тюрьмы	0042
Глава III Петропавловская крепость	0109
Глава IV. Отверженная Россия На пути в Сибирь	0154
Глава V Ссылные в Сибири	0186
Глава VI Ссылка на Сахалин	0241
Глава VII Иностранцы о русских тюрьмах . . .	0271
Глава VIII Во французских тюрьмах	0289
Глава IX О нравственном влиянии тюрем на заключенных	0340
Глава X Нужны ли тюрьмы?	0388
Приложение А Роль ссыльных в деле колонизации Сибири (К стр. 116-121)	0428
Приложение В Выдержки из речи г-на Шакеева, произнесенной в Петербургском дворянском собрании 17 февраля 1881 года (К стр. 130) . .	0431
Приложение С (К стр. 163)	0436
Приложение D О «неисправимых преступниках» (К стр. 211)	0438

**Петр Алексеевич Кропоткин
В русских и французских
тюрьмах**

Предисловие автора к русскому изданию

Книга «В русских и французских тюрьмах» составилась большею частью из статей, которые я написал для английского журнала Ninetechlh Esclary в начале восьмидесятых годов. В Англии тогда начал пробуждаться интерес к русскому освободительному движению; в печать, долго находившуюся под влиянием агентов русского правительства, стали проникать, наконец, правдивые сведения об ужасах, которым подвергали в тюрьмах заарестованных и приговоренных революционеров. Меня попросили написать об русских тюрьмах, и я воспользовался этим предложением, чтобы рассказать про ужасное состояние наших тюрем *вообще*.

– «Революционеры», думал я, ведут войну с правительством, и как бы с ними ни обращались их враги, им противно плакаться на свою судьбу. Они знают, что они – воюющая сторона, и пощады не просят. Правда на их стороне, и они верят в успех своей борьбы.

«Но есть сотни тысяч людей из народа, которых хватают каждый год ни за что ни про что, морят по острогам, гонят в Сибирь, и над которыми издевается всякий, кто только натянет на себя мундир. Об них надо писать, думаю я, и попытался рассказать англичанам и американцам, что такое эта ужасная система русских острогов, центральных тюрем, пересыльных тюрем, этапов и каторги, в Сибири и на Сахалине.»

Сделать это пришлось, конечно, вкратце, так как интерес к русским тюрьмам, у иностранных читателей, может быть только косвенный. В материалах тогда недостатка не было. Русская печать, пользуясь временною свободою при Лорис-Меликове, давала много поразительных данных.

Весьма вероятно, что я ничего не сказал бы в моих очерках о том, как обращаются в России с политическими заключенными, если бы агенты русского правительства не вынудили меня к этому. Встревоженные известиями, начинавшими проникать в английскую печать, они принялись отрицать самые твердоустановленные факты зверств, совер-

шенных в центральных тюрьмах, а Петропавловскую Крепость они начали выставлять, как образец самого кроткого, человеческого обращения со злодеями-революционерами. Это – как раз в то время, когда в Алексеевском равелине происходили ужасы, недавно рассказанные в печати Поливановым!

В особенности вынудил меня к этому некий английский священник, Лансделль (Л. Н. Толстой превосходно охарактеризовал его в «Воскресении»), промчавшийся на курьерских по Сибири, ничего, конечно, не видевший и написавший преподленькую книжку об русских тюрьмах. Наши тюрьмы были тогда под управлением некоего Галкина-Врасского, – чиновника с претензиями, который собирался созвать международный тюремный конгресс в Петербурге, чтобы усилить свое влияние в Аничковом Дворце, и нашедший в Лансделле нужного ему хвалителя его «тюремных реформ».

Министр Внутренних Дел, Толстой, тоже покровительствовал этому хвалителю, и даже велел показать ему Петропавловскую Крепость – т.е., конечно, не равелины, а Трубец-

кой бастион. Когда же я разобрал в английской печати книжку этого Лансделля, то ответ на мои замечание был написан, как я узнал впоследствии, в Петербурге. Тот же г. Галкин-Врасский прислал ответную статью, которую английский священник должен был напечатать за своею подписью – и напечатал в *Coutemporary Review*. Мой ответ на эту статью составляет главу VII этой книги.

Кстати, – два слова по поводу этого ответа. Писал я его в Лионской тюрьме. Ответить Лансделлю – т.е, русским чиновникам – было необходимо; Сергея Кравчинского тогда еще не было в Англии; и я торопился написать мою ответную статью, как раз перед тем, как идти на суд, и тотчас после суда, куда нас еще не отправили отбывать наказание в какую-нибудь «Централку». Статья была готова. Но первою заботою французского правительства было – строжайше запретить, чтобы что бы то ни было писанное мною против русского правительства выходило из французской тюрьмы. Мне сказали, поэтому, когда я захотел послать мою статью в Лондон, что это – невозможно. Надо отослать ее на просмотр в

Париж, в министерство, где ее задержат, если она против русского правительства.

К счастью, доктором Лионской тюрьмы был г-н Лакассань, писатель по антропологии, который заходил раза два ко мне в камеру поговорить об антропологических вопросах. Жена его знала хорошо по-английски, и он предложил, чтобы она проценировала мою статью. Директор тюрьмы согласился, лишь бы его ответственность была покрыта. А госпожа Лакассань, конечно, сразу увидела, что статья – именно из тех, которые не должны выйти из тюрьмы; а потому – взяла грех на свою душу и поторопилась на другой же день отослать мою статью в Лондон. – Хоть теперь, заочно, позволю себе поблагодарить ее. Добрые люди везде есть.

Известно, что русские министры думали таким же образом воспользоваться американцами Кеннаном и Фростом, которых послал один американский журнал проверить на месте состояние русских тюрем. Но они осеклись. Кеннан выучился по-русски, перезнакомился со всеми ссыльными в Сибири и правдиво рассказал то, что узнал.

Теперь ссылка в Сибирь – по крайней мере, по суду – отменена, и кое-где внутри России понастроили «реформированных» тюрем. По отношению к русским тюрьмам моя книга имеет, таким образом, интерес преимущественно исторический. Но пусть же она будет хоть историческим свидетельством того, с какой невообразимой жестокостью обращалась с русским народом наша бюрократия целые тридцать или сорок лет после уничтожение крепостного права. Пусть же знают все, что они поддерживали, как они противились тридцать лет самым скромным преобразованием, – как попирали они все самые основные права человека.

А впрочем, – точно ли теперешние русские тюрьмы изменились к лучшему? Белил, да тертого кирпича тратят теперь побольше, – спора нет – в разных «Предварительных» и образцовых «Крестах». Но суть, ведь, осталась та же. А сколько сотен самых ужасных старых острогов, пересыльных тюрем и этапов остается по сию пору в руках всяких мундирных злодеев! Сколько тысяч народа ссылается по-прежнему в Сибирь – только подаль-

ше – административным порядком! Сколько злодейств совершается сейчас, в настоящую минуту, по набитым до невозможности тюрьмам! Полы, может быть, моются чище; но та же система аракчеевщины осталась, или еще стало хуже, сделавшись хитрее, ехиднее, чем прежде. Кто же заведует этими тюрьмами, как не те же ненавистники русского народа?

Одна из глав этой книги посвящена описанию того, что я видел во французских тюрьмах: – в Лионской, губернской и в «Централке», в Клерво. Тем, которые не преминут сказать, что тут, может быть, есть преувеличение, замечу только, что этот очерк, переведенный в Temps, был признан во Франции настолько объективным, что им пользовались как документом в Палате, в прениях о тюремной реформе. Во Франции, как и везде, вся система тюрем стоит на ложном основании и требует полнейшего пересмотра, – честного, серьезного, вдумчивого пересмотра со стороны общества.

Две последние главы моей книги посвящены, поэтому, разбору глубоко вредного влияния, которое тюрьмы повсеместно оказывают

на общественную нравственность, и вопросу о том, — нужно ли современному человечеству поддерживать эти несомненно зловерд-ные учреждение?

Если бы мне предстояло теперь написать сызноа об этом последнем вопросе, я мог бы доказать свои положение с гораздо большею полнотою, на основании целой массы накоп-ленных тех пор наблюдений и материалов, а также некоторых новых исследований, кото-рыми обогатилась литература. Но именно обилие наличных материалов заставляет меня отказаться от мысли разработать сызноа этот в высшей степени важный вопрос. Впрочем, он настолько настоятелен, что несомнен-но найдутся молодые силы, которые возьмут-ся за эту работу в указанном здесь направле-нии. В Америке такая работа уже начата.

Бромлей. Англия.

Февраль, 1906 г.

Введение

В сутолоке жизни, когда внимание наше поглощено повседневными житейскими мелочами, мы все бываем склонны забывать о глубоких язвах, разъедающих общество, и не уделяем им того внимания, которого они в действительности заслуживают. Иногда в печать проникают сенсационные «разоблачения», касающиеся какой-либо мрачной стороны нашей общественной жизни и если эти разоблачения успевают хоть немного пробудить нас от спячки и обратить на себя внимание общества, – в газетах, в течении одного-двух месяцев, появляются иногда превосходные статьи и «письма в редакцию» по поводу затронутого явления. Нередко в этих статьях и письмах проявляется не мало здравого смысла и высокой гуманности, но обыкновенно подобная, внезапно поднятая в прессе и обществе, агитация вскоре замирает. Прибавив несколько новых параграфов к существующим уже сотням тысяч узаконений; сделав несколько микроскопических попыток с целью бороться, путем единичных усилий, с

глубоко укоренившимся злом, которое можно победить лишь усилиями всего общества, — мы снова погружаемся в мелочи жизни, не заботясь о результатах недавней агитации. Хорошо еще, если, после всего поднятого шума, положение вещей не ухудшилось.

Такова судьба многих общественных вопросов, и в особенности — вопроса о тюрьмах и заключенных. В этом отношении очень характерны слова мисс Линды Джильберт (американской м-рс Фрай): «едва человек попал в тюрьму, общество перестает интересоваться им». Позабывшись о том, чтобы арестант «имел хлеба для еды, воды для питья и побольше работы», — общество считает выполненными все свои обязанности по отношению к нему. От времени до времени кто-либо, ознакомленный с тюремным вопросом, поднимает агитацию по поводу скверного состояния наших тюрем и других мест заключения. Общество, в свою очередь, признает, что необходимо что-нибудь предпринять для излечения зла. Но все усилия реформаторов разбиваются о косность организованной системы, так как приходится бороться с общерас-

пространенным предубеждением общества против тех, кто навлек на себя кару закона; а потому борцы скоро устают, чувствуя себя одинокими: никто не приходит им на помощь в борьбе с колоссальным злом. Такова была судьба Джона Говарда (Howard) и многих других. Конечно, небольшие группы людей, обладающих добрым сердцем и недюжинной энергией, продолжают, не взирая на общее равнодушие, хлопотать об улучшении быта арестантов или, точнее выражаясь, об уменьшении вреда, приносимого тюрьмами их невольным обитателям. Но эти деятели, руководимые исключительно филантропическим чувством, редко решаются критиковать самые принципы, на которых покоятся тюремные учреждения; еще менее занимаются они исследованием тех причин, вследствие которых каждый год миллионы человеческих существ попадают за стены тюрем. Деятели этого типа пытаются лишь смягчить зло, но не подрезать его у самого корня.

Каждый год около миллиона мужчин, женщин и детей попадают в тюрьмы одной Европы, и на содержание каторжных и участко-

вых тюрем тратится ежегодно около 100,000,000 рублей, не считая расходов на содержание той сложной судебной и административной машины, которая поставляет материал для тюрем. А между тем, за исключением немногих филантропов и профессионально заинтересованных лиц, – кого интересуют результаты, достигаемые при таких громадных затратах? Оплачивают ли наши тюрьмы громадную затрату человеческого труда, ежегодно расходуемого на их содержание? Гарантируют ли они общество от возникновения снова и снова того зла, с которым оно, – как предполагается, – неустанно борются?

В виду того, что обстоятельства моей жизни дали мне возможность посвятить некоторую долю внимание этим важным вопросам, я пришел к заключению, что, может быть, будет не бесполезным поделиться с читающей публикой, как моими наблюдениями над тюремной жизнью, так равно и теми выводами, к которым меня привели мои наблюдения.

С тюрьмами и ссылкой мне пришлось впервые познакомиться в Восточной Сибири,

в связи с работами комитета, учрежденного в целях реформы русской системы ссылки. Тогда я имел возможность ознакомиться, как с вопросом о ссылке в Сибирь, так равно и с положением тюрем в России; тогда же мое внимание впервые было привлечено к великим вопросам «преступление и наказание». Позднее, с 1874 по 1876 гг., в ожидании суда, мне пришлось провести почти два года в Петропавловской крепости в С.-Петербурге, где я мог наблюдать на моих товарищах по заключению страшные последствия одиночной системы. Оттуда меня перевели в только что выстроенный тогда Дом Предварительного Заключения, считавшийся образцовой тюрьмой в России; наконец, отсюда я попал в военную тюрьму при С.-Петербургском военном госпитале.

Когда я находился уже в Англии, в 1881 г., ко мне обратились с предложением сообщить в английской печати о положении в русских тюрьмах людей, арестуемых по обвинению в политических преступлениях; правдивое сообщение подобного рода являлось настоятельной необходимостью, в виду системати-

ческой лжи по этому поводу, распространявшейся одним агентом русского правительства. Я коснулся этого вопроса в статье о русской революционной партии, напечатанной в *Fortnightly Review* (в июне 1881 г.). Хотя ни один из фактов, приведенных в вышеупомянутой статье, не был опровергнут агентами русского правительства, но в то же время были сделаны попытки провести в английскую прессу сведение о русских тюрьмах, изображавшие эти тюрьмы в самом розовом свете. Тогда я, в свою очередь, вынужден был в ряде статей, появившихся в «*Nineteenth Century*», разобрать, что такое представляют собою русские тюрьмы и ссылка в Сибирь. По возможности воздерживаясь от жалоб на притеснение, претерпеваемые нашими политическими друзьями в России, я предполагал дать в своих статьях понятие о состоянии русских тюрем вообще, о ссылке в Сибирь и о результатах русской тюремной системы; я рассказал о невыразимых мучениях, которые испытывают десятки тысяч уголовных арестантов в тюрьмах России, на пути в Сибирь и, наконец, в самой Сибири, – этой колоссальной уго-

ловной колонии российской империи. Чтобы пополнить мои личные наблюдения, которые могли устареть, я познакомился с обширной литературой предмета, посвященную тогда, за последнее время, в России тюремному вопросу. Но именно это изучение убедило меня, во-первых, в том, что положение вещей осталось почти таким же, каким оно было двадцать пять лет тому назад; во-вторых, в том, что, хотя русским тюремным чиновникам очень хочется иметь подголосков в Западной Европе, с целью распространение изукрашенных известий об их якобы гуманной деятельности, все же они не скрывают суровой правды ни от русского правительства, ни от русской читающей публики. И в официальных отчетах и в прессе они открыто признают, что тюрьмы находятся в отвратительном состоянии. Некоторые из этих официозных признаний я привожу ниже.

В скором времени после того, как я писал о русских тюремных порядках в английской прессе, – а именно – с 1882 по 1886 г., – мне пришлось провести три года во французских тюрьмах: в Prison Départementale в Лионе и в

Maison Centrale в Клэрво (Clairvaux). Описание обеих этих тюрем было дано мной в статье, появившейся в «Nineteenth Century». Мое пребывание в Клэрво, в близком соседстве с 1400 уголовных преступников, дало мне возможность присмотреться к результатам, получаемым от заключения в этой тюрьме, – одной из лучших не только во Франции, но, насколько мне известно, и во всей Европе. Мои наблюдения побудили меня заняться рассмотрением с более общей точки зрения вопроса о моральном влиянии тюрьмы на заключенных, в связи с современными взглядами на преступность и её причины. Часть этого исследования послужила темой реферата, прочтенного мной в Эдинбургском Философском Обществе.

Включая в настоящую книгу часть моих журнальных статей по тюремному вопросу, я подновил их фактический материал на основании сведений, в большинстве случаев заимствованных из русских официальных изданий, а также выключив из них полемический элемент. Вновь написанные главы о ссылке на Сахалин и об одном эпизоде из

жизни ссыльных поляков в Сибири служат дополнением общего описание русских карательных учреждений.

Глава I

Мне впервые пришлось ознакомиться с русскими тюрьмами в 1862 г., в Забайкальской Области. Я тогда только что приехал в Иркутск, – молодым казачьим офицером, не достигшим еще двадцати-летнего возраста, – и, месяца два спустя после моего прибытия, был уже назначен секретарем местного комитета, занимавшегося вопросом о реформе тюрем. Считаю не лишним сделать здесь несколько необходимых пояснений.

Образование мое в то время ограничивалось курсом военной школы. Мы, конечно, посвящали много времени математике и естественным наукам, но еще более времени уходило на изучение военного искусства, искусства уничтожение людей на полях битв. Но мы переживали тогда в России эпоху великого пробуждения мысли, наступившую вслед за Крымским разгромом; немудрено поэтому, что даже на образовательном курсе военных школ отразилось влияние этого великого движения. Нечто, стоявшее выше милитаризма, проникало даже сквозь стены Пажеч-

ского Корпуса.

Начиная с 1859 года русская печать получила некоторую свободу и со страстью отдавалась обсуждению политических и экономических реформ, которые должны были сгладить следы тридцати-летнего военного режима Николаевщины; отголоски напряженной интеллектуальной деятельности, волновавшей страну, долетали и до наших классовых комнат. Некоторые из нас много читали, стремясь пополнить свое образование. Вообще, мы проявляли горячий интерес к предполагавшейся перестройке наших архаических учреждений и нередко, – между уроками тактики и военной истории, – завязывались оживленные толки об освобождении крестьян и об административных реформах. Уже на другой день после обнародования указа о давно ожидаемом и многократно откладываемом освобождении крестьян, несколько экземпляров объемистого и запутанного «Положение» попали в нашу маленькую, залитую солнечным светом, библиотечную комнатку, где мы немедленно занялись усердным изучением и комментированием «Положение».

Итальянская опера была забыта, — мы стали посвящать свободное время обсуждению возможных результатов освобождения и его значение в жизни страны. История вообще и в особенности история иностранных литератур обратилась в лекциях наших профессоров в историю философского, политического и социального роста человечества. Сухие принципы «политической экономии» Ж. Б. Сея и комментарии русских гражданских и военных законов, которые прежде рассматривались, как предметы совершенно излишние в схеме образования будущих офицеров, теперь, в приложении к нуждам страны, казалось, получили новую жизнь.

Рабство пало, и умы всех были заняты предстоящими реформами, которые должны были увенчаться конституционными гарантиями. Страна ожидала немедленных и широких реформ. Все наши учреждения требовали коренной переработки, являясь странной смесью законов, унаследованных от старого Московского периода, узаконений Петра I, пытавшегося создать военную державу путем указов из Петербурга, законов, возникших по

прихоти придворных куртизанов развратных императриц и законов Николая I, каждая строка которых была пропитана военным деспотизмом. Мы жадно читали журналы и газеты того времени, в которых горячо обсуждалась необходимость всесторонних реформ.

Но в это время, на ряду с общим оживлением, начали показываться зловещие признаки реакции. Почти накануне освобождение крестьян Александр II испугался собственного дела, и реакционная партия мало по малу начала приобретать влияние в Зимнем Дворце. Николай Милютин – душа крестьянской реформы в бюрократических сферах, – был внезапно удален в отставку за несколько месяцев до обнародования указа об освобождении, и труды либеральных комитетов были переданы для новой редакции, более благоприятной для помещиков, комитетам второго созыва, членами которых были назначены в большинстве рабовладельцы старого закала, так называемые «крепостники». На прессу снова надели намордник; свободное обсуждение «Положение» было воспрещено; номер за номером конфисковался. *День*, газета Ивана Ак-

сакова, который тогда был довольно радикален, проповедывал необходимость созыва Земского Собора и даже ничего не имел против отозвание русских войск из Польши. Сравнительно незначительные крестьянские волнение в Казанской губернии и большой пожар в Петербурге в мае 1862 г. (приписанный полякам и революционерам) послужили поводом к усилению реакции. Длинный ряд политических процессов, сделавшихся в скором времени характерной чертой царствование Александра II, начался ссылкой в каторжные работы известного поэта и публициста, Михаила Михайлова.

Реакционная волна, поднявшаяся в Петербурге с 1861 года, еще не успела докатиться до Сибири. Михайлова, на пути его в Нерчинские рудники, чествовал обедом Тобольский губернатор. Герценовский «Колокол» был широко распространен в Сибири, а в Иркутске, куда я попал в сентябре 1862 года, культурные слои общества были еще полны оптимистических надежд. «Реформы» были тогда на языке у всех в Иркутске, и одной из наиболее горячо обсуждаемых реформ была необходи-

мость полной реорганизации системы ссылки.

Я был назначен адъютантом к Забайкальскому губернатору, генералу Болеславу Казимировичу Кукелю, литвину, вполне симпатизировавшему либеральным идеям той эпохи, и, месяц спустя, очутился в большой сибирской деревне Чите, которая была возведена Муравьевым в чин главного города Забайкалья.

В Забайкальской области находятся известные Нерчинские рудники. Сюда посылают со всех концов России осужденных на каторжные работы; немудрено поэтому, что вопрос о ссылке и каторге часто служил предметом наших разговоров. Почти каждый обыватель или чиновник был знаком с теми ужасными условиями, при которых происходило препровождение арестантов, принуждаемых совершать пешком весь путь от Перми до Забайкальской области. Всем было известно ужасное состояние мест заключения, как в самых рудниках Нерчинского округа, так и по всей России. В виду этого Министерство Внутренних Дел, в связи с пересмотром общеим-

перского уголовного положение и вопроса о ссылке, намеревалось предпринять целый ряд радикальных реформ, касавшихся положение тюрем в России и Сибири.

– «Мы получили циркуляр из Министерства Внутренних Дел» – говорил мне однажды Кукель. – «Нас просят собрать всевозможные сведения о положении тюрем и сообщить наше мнение относительно необходимых реформ. Вы знаете – какая масса дел у нас на руках, за эту работу положительно некому взяться. Каторжными тюрьмами Нерчинского округа заведывает Горное Ведомство. Мы делали ему запросы обычным путем, но нам никто ничего не отвечает. – Не возьметесь ли вы за это дело?» – Я, конечно, ответил, что, в виду моей молодости и полного незнакомства с предметом работы, я не могу взяться за нее. В ответ на это, Кукель очень просто ответил:

– «Конечно. Но займитесь этим вопросом, изучите его! В „Журнале Министерства Юстиции“ вы найдете ряд прекрасных статей о всевозможных тюремных системах. Что же касается практической стороны работы, – мы по-

стараясь найти точные сведения о том, как стоит дело теперь. Обойдите тюрьмы, осмотрите их. А потом, полковник Педаменко, г-да Андреев и Ядринцев, а также некоторые горные чиновники помогут вам. Мы обсудим каждую мелочь сообща с людьми, практически знакомыми с предметом; но прежде всего, – надо собрать данные, подготовить материал для обсуждения».

Таким образом, я нежданно – негаданно оказался секретарем Забайкальского комитета по тюремной реформе. Нечего и говорить, что я глубоко радовался этому и принялся за работу со всей энергией юности. Циркуляр министерства вдохновил меня. Он был написан в высоком стиле. Само министерство указывало на недостатки русской тюремной системы и выражало полную готовность предпринять в этой области радикальные реформы самого гуманного характера. В циркуляре указывались, между прочим, различные системы наказаний, практикуемых в Западной Европе, но они не удовлетворяли министерство, которое красноречиво предлагало возвратиться «к основам, провозглашенным ве-

ликою прабабкой и великим дедом ныне благополучно царствующего монарха». Для всякого русского, более или менее знакомого с историей его отечества, эти упоминание о знаменитом «Наказе» Екатерины II, написанном под влиянием энциклопедистов и о гуманитарных тенденциях, которыми были проникнуты первые годы царствование Александра I, уже являлись целой программой. Мой энтузиазм лишь удвоился после прочтение циркуляра.

Но дело, увы, вовсе не пошло так гладко, как я ожидал. Горное Ведомство, в ведении которого находились каторжане, работавшие в Нерчинских заводах, очень мало заботилось о «великих основах», провозглашенных Екатериной II и, вероятно, держалось того мнения, что чем – меньше реформ – тем лучше. Многократные запросы губернатора оставались без всякого ответа, – может быть, впрочем, потому, что Департамент находился в прямом подчинении не губернатору, а «Кabinetу Его Величества» в Петербурге. Долгое время Департамент отделялся упорным молчанием и когда, наконец, прислал кипу

«ведомостей», из последних нельзя было ничего извлечь, нельзя было даже определить ни величины расходов на содержание заключенных, ни стоимости их труда.

К счастью, в Чите было не мало людей, хорошо знакомых с состоянием каторжных тюрем, и кое-какие указания были охотно даны мне некоторыми горными чиновниками. Оказывалось, между прочим, что ни один из серебряных, а также некоторые из золотых рудников, обрабатываемых при помощи каторжного труда, не давал никакого дохода, и горное начальство считало необходимым закрыть большинство этих рудников. Произвол и деспотизм начальников тюрем не имел пределов, и ходившие по всему Забайкалью ужасающие слухи о зверствах одного из них, — некоего Разгильдеева, — по исследованием оказались вполне верными. Страшные цынготные эпидемии ежегодно уносили арестантов сотнями, а из Петербурга в это время слали приказание, чтобы побольше добывалось золота; в результате, — голодных людей заставляли работать сверх сил. Сведения о тюремных зданиях могли во-истину поверг-

нуть в отчаяние: тюрьмы набивались битком арестантами и насквозь прогнили от грязи, заведенной целыми поколениями заключенных. По словам отчетов, никакие паллиативы не могли помочь, необходимы были коренные реформы. Я лично посетил несколько тюрем и убедился в справедливости отчетов. Забайкальское начальство настаивало поэтому, чтобы число арестантов, посылаемых в эту область, было сокращено, указывая на физическую невозможность найти для них не только работу, но даже помещение.

Не лучше обстояло дело и с пересылкою ссыльных по этапу; оно было в самом плачевном состоянии. Честный молодой чиновник, инженер по профессии, был послан с целью осмотра всех этапов, и заявил, что все они должны быть выстроены заново; многие из них прогнили до основания и ни один не был достаточно обширен для помещения того количества арестантов, которое иногда скоплялось в них. Я посетил несколько этапов, видел арестантские партии в пути и мог лишь усиленно рекомендовать полное прекращение всей этой ужасной системы, приносящей без-

цельное мучительство тысячам мужчин, женщин и детей.

Когда дело дошло до местных острогов, служивших местами заключения для местных арестантов, – мы нашли их даже в обычное время переполненными до крайности; но легко вообразить, что должно было происходить, когда в них задерживались, вследствие разлива рек или суровых сибирских морозов пересыльные арестантские партии. Все эти местные остроги были точными копиями «Мертвого Дома», описанного Достоевским.

Небольшой комитет, составленный из хороших людей, собиравшийся от времени до времени в доме губернатора, деятельно занялся обсуждением вопроса, – каким образом можно было бы поправить дело, не обременя новыми расходами ни государственное казначейство, ни уже отягченный областной бюджет? Комитет единогласно пришел к заключению, что ссылка, в её существующей форме, является позором для человечества; что она ложится тяжелым бременем на Сибирь, и что Россия может сама позаботиться о своих арестантах, вместо того, чтобы посы-

лать их в Сибирь. При такой постановке вопроса оказывалась необходимой не только реформа уголовного уложение и судебной процедуры, обещанная в министерских циркулярах, но и введение в самой России новой тюремной системы.

Наш комитет набросал в общих чертах план такой системы, главными чертами которой являлись: отмена одиночного заключение, разделение арестантов на группы по 10-20 человек в камерах, сравнительная краткосрочность заключение, и продуктивный, хорошо оплачиваемый труд. В своем отчете наш комитет взывал к энергичной работе в самой России, с целью превращение её тюрем в заведение исправительного характера, причем Забайкальская область объявлялась вполне готовой приступить к реформе своих тюрем по указанному плану, не требуя никаких новых затрат со стороны казны. В отчете указывалось на желательный характер работ в тюрьмах, причем, по мнению авторов отчета, содержание тюрем должно оплачиваться трудом самих арестантов, что, при правильной организации, является вполне достижи-

мым. Комитет высказывал надежду, что новые люди, необходимые для проведения в жизнь подобной всесторонней реорганизации тюремного дела, найдутся в достаточном количестве; в то время, как при старых порядках трудно было найти честного тюремщика, новая система без сомнения вызовет к деятельности новых честных работников на этом поприще.

Я должен признаться, что в то время я все еще верил в возможность превращение тюрем в исправительные заведения и думал, что лишение свободы совместимо с нравственным возрождением: оттого я так горячо излагал все эти заключения... Но ведь мне тогда было всего двадцать лет! Вся эта работа заняла месяцев восемь или девять, а реакция в это время в России все усиливалась. Польское возстание явилось подходящим предлогом, чтобы реакционеры сбросили маски и начали открытую агитацию, взывая о возвращении к старому порядку, к идеалам крепостничества. Благие намерение 1859-62 годов были забыты при дворе; возле Александра II очутились новые деятели, которые умели

чрезвычайно искусственно запугивать его и пользоваться его слабыхарактерностью. Министры разослали новые циркуляры, на этот раз лишённые стилистических красот, заменённых обычной, казенной фразеологией; в этих циркулярах не было и помину о реформах, а вместо них указывалось на необходимость сильной власти и дисциплины.

В один прекрасный день губернатор Забайкальской области получил приказание сдать свою должность и возвратиться в Иркутск, впредь до дальнейшего распоряжения. Оказалось, что на него был подан донос: его обвиняли в том, что он черезчур хорошо обошелся с ссыльным Михайловым, что он позволил ему жить на частном руднике Нерчинского Округа, арендованном его братом; наконец, что он выказывал симпатию к полякам. С прибытием в Забайкалье нового губернатора, нам пришлось переделывать наш отчет о тюрьмах заново, так как губернатор отказывался подписать его. Мы изо всех сил боролись, чтобы отстоять главные выводы отчета и, пожертвовав формой, так энергично отстаивали сущность, что губернатор в конце кон-

цов дал свою подпись и отчет был отправлен в Петербург.

Какова была его судьба? Вероятно, он до сих пор мирно покоится на полках министерских архивов. В течении следующих десяти лет вопрос о реформе тюрем был совершенно забыт. Затем, в 1872 году, 1877-78 гг., и позже, были организуемы специальные комиссии для разработки этого вопроса. Все эти комиссии снова и снова критиковали устаревшие порядки, все они создавали новые системы, — но старый порядок остался несокрушенным доселе. Более того, все попытки реформ фатально заканчивались возвращением к старому типу русского «острога».

Правда, за это время в России было построено несколько центральных тюрем, в которых содержатся каторжане в течении 4-6 лет, впредь до высылки в Сибирь. С какой целью введена была эта мера? Может быть, с целью «сократить» число каторжан путем вымирание, так как смертность в центральных тюрьмах достигает ужасающих размеров. За последние годы выстроено семь таких тюрем[1]: в Вильне, Симбирске, Пскове, Тобольске, Пер-

ми и две в Харьковской губернии. Но, судя по официальным отчетам, они в сущности ничем не отличаются от тюрем старого типа: «та же грязь, та же праздность арестантов, то же презрение к самым примитивным требованиям гигиены», – так характеризует центральные тюрьмы полуофициальный отчет. Во всех этих тюрьмах в 1880 г. находилось в заключении 2,464 ч., т.е. больше, чем тюрьмы могли вмещать, хотя в то же время количество каторжан-централистов было незначительно, по сравнению с общим числом каторжан, ежегодно ссылаемых в Сибирь. Таким образом, ко всем бедствиям, претерпеваемым каторжанами, было безцельно прибавлено новое суровое заключение в центральных тюрьмах; таков результат «реформы», поглотившей несколько миллионов народных денег.

Ссылка, в общем, осталась такой же, какой я знал ее в 1862 г., за исключением, пожалуй, одного важного нововведение в методе транспортировки арестантов. Оказалось, что вместо того, чтобы посылать «пешим этапом», казне обойдется дешевле – перевозить еже-

годно около 20,000 человек (почти две трети из них ссылаемых без суда) от Перми до Тюмени, т.е. от Камы до бассейна Оби, на лошадях, а оттуда на баржах, буксируемых пароходами. Одно время добывание серебра в Нерчинских рудниках было почти прекращено, вследствие чего прекратилась и ссылка каторжных в эти чрезвычайно нездоровые рудники, пользующиеся (напр. Акатуй) наихудшей репутацией. Но, по слухам, собираются опять начать их разработку, а пока что, – создали новый ад, хуже Акатуя: каторжан теперь ссылают на верную смерть на Сахалин.

В заключение, я должен упомянуть о новых этапах, построенных на протяжении 3000 верст, между Томском и Стретенском (на реке Шилке); передвижение арестантских партий по этому пути до сих пор производится пешком[2]. Старые этапы обратились в руины; оказалось невозможным подновить эти кучи гнилых бревен и пришлось строить новое здание. Они обширнее старых, но и арестантские партии, в свою очередь, стали более многочисленными и вследствие этого на новых этапах господствует та же скученность и та же

грязь, как и в старые времена.

На какие дальнейшие «улучшение» можно указать за эти двадцать пять лет? Я почти забыл упомянуть о петербургском «Доме предварительного заключения», которым обыкновенно хвалятся пред иностранцами. В нем имеется 317 одиночек и несколько камер больших размеров, так что, в общем, в нем может быть помещено 600 мужчин и 100 женщин, содержимых в тюрьме в ожидании суда. Вот, кажется, и все «улучшение». При въезде в любой русский город вы увидите грязный, старый, мрачный «острог»; ничто не изменилось в быте этих острогов за последние 25 лет. Кое-где построены новые тюрьмы, кое-где поправлены старые; но тюремная система и обращение с арестантами остались те же: в новых зданиях прочно засел дух старого режима, и ждать действительного обновление в тюремном мире можно будет лишь тогда, когда обновится весь строй русской жизни. В настоящее же время всякого рода «реформы» нередко ведут к ухудшению положение.

Каковы ни были недостатки тюрем в прежнее время, все же в 1862 г. над всей стра-

ной пронеслось дуновение широкого гуманизма, проникавшее самыми разнообразными путями даже в недра русских тюрем. А теперь... «держите их в ежовых рукавицах», — эхом проносится по русским тюрьмам.

Глава II Русские тюрьмы

Общественное мнение наиболее просвещенных людей Европы давно пришло к тому заключению, что наши карательные учреждения далеки от совершенства и, в сущности, являются живыми противоречиями современным теориям о разумном способе обращения с заключенными. Нельзя больше ссылаться на старый принцип *lex talionis* – права общественной мести преступнику. Мы понимаем теперь, что и преступники и герои – в равной степени являются продуктами самого общества; мы, в общем, признаем, по крайней мере в теории, что, лишая преступника свободы, мы взамен должны озаботиться об его исправлении. Таков – идеал, но действительность является горькой насмешкой над этим идеалом. Убийцу мы, без дальнейших размышлений, отдаем в руки палача; человек, попавший в тюрьму, вместо нравственного исправления – выносит из неё усиленную ненависть к обществу. Унизительные формы подневольного тюремного труда – внушают ему отвращение к работе вообще. Ис-

пытав всякого рода унижение со стороны более счастливых членов общества, умеющих грешить не преступая законов, или людей, которых условия жизни оградили от искушений, ведущих к преступлению, – преступник научается глубоко ненавидеть этих благополучных людей, унижавших его, и проявляет свою ненависть в форме новых и новых преступлений.

Если карательные учреждения Западной Европы оказались не в силах – хотя бы до известной степени – приблизиться к тем идеалам, осуществление которых являлось единственным оправданием их существования, – что же остается сказать о карательных учреждениях России? Невероятная продолжительность подследственного, предварительного заключения; отвратительная обстановка тюрем; скучивание сотен арестантов в крохотных, грязных камерах; вопиющая безнравственность тюремных надзирателей, практически всемогущих, вся деятельность которых сводится к застрачиванию, угнетению и выжиманию из арестантов тех несчастных грошей, которые им уделяет казна; вынужден-

ная отсутствием работы лень; совершенное невнимание к нравственным нуждам арестантов; циническое презрение к человеческому достоинству и развращение арестантов, – таковы характерные черты тюремной жизни в России. Причина этих явлений лежит, конечно, не в том, чтобы принципы русских карательных учреждений были менее возвышенны, чем те же начала в Западной Европе. Наоборот, я склонен думать, что дух этих учреждений в России гуманнее. Несомненно, что для арестанта менее унижительно заниматься полезным трудом в Сибири, чем проводить жизнь, щипая смоленый канат, или лазя как белка, по вертящемуся колесу[3]; а если уже выбирать из двух зол, то русская система, не допускающая смертной казни, предпочтительнее западноевропейской. К несчастью, в бюрократической России самые гуманные принципы делаются неузнаваемыми, когда их начинают применять к делу. Поэтому, рассматривая русскую тюрьму и ссылку такими, какими они стали, вопреки духу закона, мы должны признать, вместе со всеми исследованиями, действительно изучав-

шими русские тюрьмы, что они являются оскорблением человечества.

Одним из лучших результатов либерального движения 1859-62 гг. была судебная реформа. Старые суды с их бумажной волокитой, колоссальным взяточничеством и продажностью, отошли в область предание. Суд с присяжными, уже существовавший в древней Руси, но задавленный московскими царями, был введен снова. «Положением» об освобождении крестьян были введены волостные суды для разбора мелких крестьянских тяжб. Новый судебный устав, обнародованный в 1864 году, вводил мировых судей, в России избираемых населением, а в Польше и Литве назначаемых короной.

Все обвинения, влекущие за собою лишение гражданских прав, были переданы в ведение окружных судов, с участием присяжных и с разбирательством при открытых дверях. Решение этих судов могли быть обжалованы в апелляционные суды, а вердикты присяжных – в суды кассационные. Предварительное следствие, однако, сохранило прежний, тайный характер; т.е., в противополож-

ность английской системе и в согласии с французской, адвокат не допускается к подсудимому во время предварительного следствия и допроса; но в то же время была гарантирована независимость судебных следователей (вполне уничтоженная позднейшими законами). Таковы в немногих словах были главные черты реформированного суда, согласно Судебным Уставам 1864 года. Относительно общего духа этого закона по справедливости можно сказать, что – за исключением процедуры предварительного следствия – он вполне совпадал с наиболее либеральными идеями, бывшими тогда в ходу в юридическом мире Европы.

Почти одновременно с обнародованием нового судебного устава, были отменены (указом 17 апреля 1863 г.) наиболее позорные пережитки старого уголовного судопроизводства – публичное наказание кнутом и клеймение преступников. Эта отмена в значительной степени была вызвана общественным мнением страны, возмущенной позорным наследием варварской старины; это возмущение было настолько значительно, что в неко-

торых местностях губернаторы отказывались утверждать приговоры к наказанию кнутом; а некоторые губернаторы (Кукель был в их числе) предупреждали палача, что, если он не ограничится лишь воображаемым наказанием, едва касаясь тела преступника кнутом (эта доходная отрасль искусства была хорошо знакома палачам), то он сам жестоко за это поплатится. Телесное наказание, таким образом, было отменено, хотя, к сожалению, и не вполне: за волостными судами все-таки было оставлено право наказание розгами, и розга была оставлена также в дисциплинарных батальонах, и, вместе с плетью, – в каторжных тюрьмах. Женщины могли быть подвергаемы телесному наказанию лишь в том случае, если они предварительно были лишены всех прав состояние.

Но, подобно другим реформам этого периода, обе законодательные реформы, о которых мы говорили выше, были в значительной степени парализованы изменениями, внесенными в них позднее, а также их незаконченностью. Уложение о наказаниях, совершенно не соответствовавшее новому духу, осталось ста-

рое. Двадцать лет минуло с тех пор, как был обещан пересмотр этого Уложение; комиссии заседали одна за другой; еще недавно в газетах появилось известие, что назначен окончательный срок для пересмотра устаревших уголовных законов, и что варварские узаконение 1845 года будут отменены. Но, пока что, устав, вышедший из недр комиссий Николая I, все еще остается в силе, и, в исправленном издании 1857 года все еще красуется § 799, согласно которому арестанты могут быть наказываемы плетью в размере от 5 до 6000 ударов и приковываемы к тачкам на срок от одного до трех лет[4].

Еще печальнее была судьба судебной реформы: она не успела войти в силу, как была уже задушена министерскими циркулярами. Прежде всего, она не была введена на всем пространстве империи и в 38 губерниях оставлена была старая система судопроизводства, благодаря чему в них продолжало господствовать старое взяточничество. До 1885 г. старая система была удержана во всей Сибири и когда, наконец, устав 1864 г. был введен в трех сибирских губерниях, он был до того

искажен, что потерял свои лучшие черты. Суд присяжных все еще остается лишь в области мечты за Уралом. Литовские губернии, Польша, Балтийские провинции, а равным образом некоторые юго-восточные и северные губернии (включая архангельскую) все еще остаются при старом судопроизводстве; в Виленской и Минской губерниях новый устав изуродован реакционными тенденциями теперешнего правительства[5].

В тех губерниях России, где был введен устав 1864 г., реакционерами были употреблены все средства, чтобы, не отменяя устава фактически, всячески затормозить его влияние. Судебным следователям вовсе не было дано возможности воспользоваться независимостью, гарантированной новым уставом; это было достигнуто очень простым путем: судебные следователи назначались лишь в качестве «исправляющих должность»; таким образом министерство юстиции могло перемещать и увольнять их, как ему заблагорассудилось. Члены Окружных Судов были поставлены все в большую и большую зависимость от министра юстиции, которым они назнача-

лись и по воле которого они могли быть перемещаемы из одной губернии в другую, т.е., напр. из Петербурга в... Астрахань. Свобода защиты отошла в область предание и немногие адвокаты, пытавшиеся проявить хотя бы некоторую независимость в своих речах во время защиты политических преступников, без церемоний были отправляемы в ссылку по распоряжению ИИИ-го отделение. Вполне независимые присяжные, разумеется, немислимы в стране, где крестьянин-присяжный прекрасно знает, что любой полицейский может избить его у самых дверей суда. Да и самые вердикты присяжных не принимаются во внимание, если они почему-либо не нравятся губернатору: несмотря на оправдательный вердикт, оправданные могут быть арестованы вновь, при выходе из суда, и посажены в тюрьму по административному распоряжению. Достаточно указать хотя бы на дело крестьянина Борунова. Он явился в Петербург в качестве ходока от своей волости, с целью пожаловаться царю на несправедливость чиновников и попал под суд в качестве «бунтовщика». Суд оправдал его и, тем не менее, он

был снова арестован на подъезде суда и выслан в Колу. Подобный же характер носит ссылка раскольника Тетенова и массы других. Вере Засулич, оправданной присяжными, грозил новый арест при выходе из здание суда и, несомненно, она была бы арестована, если бы её товарищи не успели увезти ее, причем один из её освободителей был убит в происшедшей при этом схватке с полицией.

Третье отделение, придворная знать и губернаторы смотрели на новые суды, как на своего роду язву и относились к ним с полным презрением. Масса дел рассматривается в административном порядке при закрытых дверях, ибо судебные следователи, судьи и присяжные, очевидно, являлись бы лишь «помехой» административному правосудию. Предварительное следствие во всех случаях, когда в деле подозревается «политический элемент», производится жандармскими офицерами, иногда в присутствии прокурора, сопровождающего жандармов при обысках и допросах. Этот прокурор, присоединенный к жандармам в голубых мундирах, внутренне презираемый своими сотоварищами, выпол-

няет своеобразную миссию: под видом охранение закона, он помогает беззаконию тайной полиции. Придает её действиям якобы законный характер. Приговор по политическим делам и размер наказание зависит целиком от администрации или от Департамента Государственной Полиции (видоизмененное наименование бывшего III отделение); таким образом тяжелыя наказание – вроде ссылки в полярные области Сибири, иногда на всю жизнь, налагаются лишь на основании донесений жандармов. Вообще русское правительство прибегает к административной ссылке во всех тех случаях, когда нет ни малейшей возможности достигнуть осуждение обвиненного, даже при помощи давление на суде. «Вы ссылаетесь административным порядком в Сибирь, *потому что* вас невозможно предать суду, в виду полного отсутствия доказательств преступление», – в такой цинической форме объявляется арестованному о его участи. «Вы должны радоваться, что отделались так дешево» – прибавляют чиновники. И людей ссылают на пять, десять, пятнадцать лет в какой-нибудь городишко в 500 жителей, где-

нибудь возле полярного круга. Таким образом расправляются не только с «политическими», с членами тайных обществ, но и с религиозными сектантами и вообще, с людьми, имеющими смелость выказать неодобрение действиям правительства, писателями, которых произведение считают «опасными», со всеми «политически-неблагонадежными»; с рабочими, проявившими черезчур большую деятельность во время стачек; со всеми, оскорбившими словесно «священную особу Его Величества, Государя Императора» (а таких, в течении шести месяцев 1881 года насчитывалось 2500 человек)... Вообще, к административной ссылке правительство прибегает в тех случаях, когда, выражаясь казенным слогом, при судебной процедуре можно было бы ожидать «возбуждение общественного мнение».

Что же касается процессов политического характера, то лишь революционные общества раннего периода подпали под закон 1864 года. Позднее, когда правительство убедилось, что судьи вовсе не расположены приговаривать к каторжным работам людей, подо-

зреваемых лишь в знакомстве с революционерами, политические процессы были переданы в ведение особых судов, судьи которых назначались правительством специально для этой цели. Исключением из этого правила был процесс Веры Засулич. Как известно, она была судима судом присяжных и оправдана. Но, по словам профессора Градовского в «Голосе» (позднее закрытом), «всем в Петербурге было известно, что дело Засулич попало на суд присяжных лишь благодаря ссоре между градоначальником с одной стороны, и третьим отделением и министрами юстиции и внутренних дел – с другой; лишь эти *jalousies de métier*, столь характерные для настоящего положение, дают нам возможность хоть изредка вздохнуть». Говоря проще, придворная камарилья поссорилась между собой; некоторые из её членов решили, что наступил удобный момент для дискредитирования Трепова, который тогда пользовался громадным влиянием у Александра II, и министру юстиции удалось получить дозволение императора передать дело Засулич суду присяжных. Он, конечно, никак не рассчитывал на её оправда-

ние, но он знал, что публичность суда сделает невозможным дальнейшее пребывание Трепова на посту петербургского градоначальника.

Опять-таки, вероятно, благодаря *jalousie de métier*, получило огласку путем суда скандальное дело тайного советника Токарева, генерал лейтенанта Лошкарева и их сообщников: заведывающего государственными имуществами в Минской губернии, Севастьянова, и исправника Капгера. Эти господа (Токарев был минским губернатором, а Лошкарев – чиновником министерства внутренних дел «по крестьянским делам») просто-на-просто украли 2000 десятин земли, принадлежавшей крестьянам Логишина, небольшого села Минской губернии, купив эту землю от казны за номинальную сумму 14.000 руб., с рассрочкой платежа на 20 лет, по 700 р. в год. Ограбленные крестьяне пожаловались в сенат и последний, признав за ними права на землю, издал указ о возвращении захваченного участка, но сенатский указ «затерялся»... а управляющий государственными имуществами сделал вид, что ему ничего неизвестно о

распоряжении сената. Между тем, губернатор уже начал взыскивать с Логишинских крестьян 5474 арендной платы за год; (сам уплачивал лишь 700 рублей за эту землю). Крестьяне отказались платить и отправили в Петербург «ходоков», но их жалобы в Министерство Внутренних Дел, где Лошкарев был «персоной», повели лишь к высылке их из столицы, как «бунтовщиков». Несмотря на это, крестьяне все-таки отказывались платить и тогда губернатор Токарев потребовал войска, чтобы, с их помощью, выжать деньги из крестьян. Друг Токарева, генерал Лошкарев, был немедленно, по распоряжению министра, послан во главе военного отряда, с целью «восстановить порядок» в Логишине. При содействии батальона пехоты и 200 казаков, он сек всех жителей села, пока они не заплатили «арендную плату», и вслед затем торжественно донес в Петербург, что он «усмирил волнение в одной из губерний Северо-Западного Края». Более того, он ухитрился за эту «военную экспедицию» выхлопотать орден св. Владимира своим друзьям, Токареву и исправнику Капгеру.

Это возмутительное дело, получившее широкую огласку по всей России, никогда не увидело бы суда, если бы не интриги в Зимнем Дворце. Когда Александр III, по вступлении на престол, окружил себя новыми людьми, новые царедворцы, очутившиеся у власти, сочли необходимым одним ударом покончить с партией Потапова, которая тогда старалась опять войти в милость царя. Надо было дискредитировать эту партию, и дело Лошкарева, мирно покоившееся в течении пяти лет в архивах, было отдано в ноябре 1881 года на рассмотрение Сената. Ему нарочно придали возможно широкую огласку, и в течение нескольких дней петербургские газеты были переполнены описаниями того, как чиновники грабили и обкрадывали крестьян, как засекали стариков-крестьян до смерти, как казаки, при помощи нагаек, вымогали деньги с Логишинских крестьян, землю которых заграбил губернатор. Но, на одного Токарева, осужденного Сенатом, сколько найдется таких же Токаревых, мирно пожинаящих плоды своего грабительства и в западных и в восточных губерниях, и в северных и в юж-

ных губерниях, в уверенности, что их деяние никогда не предстанут пред судом, или же, что всякое дело, поднятое против них, будет замолчано таким же манером, как в течении пяти лет замалчивалось дело Токарева, по приказанию министра юстиции.

Политические дела совершенно изъяты из ведение обычных судов. Несколько специальных судей, назначенных для этой цели, прикомандированы к сенату и они определяют меры наказаний и политическим преступникам, если правительству не заблагорассудится расправиться с ними каким-либо другим, более упрощенным способом. Многие политические дела рассматриваются военными судами; но, несмотря на то, что закон требует полной гласности в военном судопроизводстве, рассмотрение политических процессов в этих судах производится в строжайшем секрете.

Само собой разумеется, что полные достоверные отчеты о политических процессах никогда не появлялись в русской прессе. Раньше газеты должны были воспроизводить «проредактированные» отчеты из «Правительствен-

ного Вестника»; но теперь правительство нашло, что даже такие отчеты производят чересчур сильное впечатление на читателей, всегда вызывая симпатии к осужденным; вследствие этого, даже такие отчеты теперь больше не печатаются. Согласно закону, опубликованному в сентябре, 1881 г., генерал-губернаторы и губернаторы имеют право требовать, «чтобы все те дела, которые могут повести к возбуждению умов, выслушивались при закрытых дверях». Согласно тому же закону, присутствовать на таком процессе не могут даже чиновники министерства юстиции и допускаются лишь «жена или муж обвиняемых (часто также находящиеся под арестом), или отец, или мать, но никоим образом не более одного родственника на каждого обвиняемого»; делается это, очевидно, для того, чтобы речи обвиняемых или какие-либо позорящие правительство факты не проникли в публику. Во время процесса «Двадцати одного», в Петербурге, когда 10 человек было приговорено к смерти, лишь матери одного подсудимого, Суханова, было дано разрешение присутствовать на суде. Разбирательство многих дел со-

вершалось таким образом, что никто даже не знал, где и когда происходил суд. Так, напр., долго оставалась неизвестной судьба одного армейского офицера Богородского, (сына начальника Трубецкого бастиона в Петропавловской крепости), присужденного к каторжным работам за сношение с революционерами; о приговоре узнали лишь случайно из обвинительного акта, по другому, позднейшему политическому процессу. В «Правительственном Вестнике» нередко объявляется, что царь все милостивейше смягчил приговор суда и заменил смертную казнь подсудимым революционерам каторжной работой; но для публики остается неизвестным, как сам судебный процесс, поведший к осуждению, так равно и характер преступлений, за которые подсудимые были осуждены. Более того, даже последнее утешение осужденных на смерть – публичность смертной казни – отнято у них. Теперь вешают секретно, в четырех стенах крепости, без присутствия нежелательных свидетелей. Некоторым пояснением этой боязни публичности казней со стороны правительства, может быть, служит то обстоятельство,

ство, что об Рысакове разнесся слух, что, когда его поставили на эшафот, он показал толпе свои изуродованные руки и, заглушая бой барабанов, крикнул, что его пытали после суда. Его крик, говорят, был услышан группой либералов, которые, отрицая с своей стороны какую-либо симпатию к террористам, тем не менее сочли своей обязанностью опубликовать о случившемся в нелегальной литературе и обратить внимание общества на этот гнусный возврат к давно отжившей старине. Теперь, благодаря отсутствию публичности казней, общество не будет знать о том, что совершается в казематах Петропавловской крепости между судом и казнью.

Процесс четырнадцати террористов, среди которых были Вера Фигнер и Людмила Волькенштейн, закончившийся смертным приговором восьми подсудимым, был веден так секретно, что, по словам корреспондента одной английской газеты, никто не знал о заседании суда, даже в домах, ближайших к тому зданию, где происходил суд. В качестве публики присутствовало всего девять лиц, придворных, желавших убедиться в справедливо-

сти слухов о редкой красоте одной из героинь процесса; благодаря тому же английскому корреспонденту, сделалось известным, что двое подсудимых, Штромберг и Рогачев, были преданы смертной казни в обстановке строжайшей тайны. Это известие было потом подтверждено официально. В «Правит. Вестнике» было объявлено, что из восьми присужденных к смертной казни шесть «помилованы», а Штромберг и Рогачев повешены. Вот и все сведение, какие дошли до публики об этом процессе; никто даже не знал, где была совершена казнь. Что же касается «помилованных», которые должны были пойти на вечную каторжную работу, то они не были посланы на каторгу, а куда-то исчезли. Предполагают, что они были заключены в новую политическую тюрьму Шлиссельбургской крепости. Но какова их действительная судьба – остается тайной. Ходили слухи, что некоторые из Шлиссельбургских узников были расстреляны за предполагаемое или действительное «нарушение тюремной дисциплины». Но какова судьба остальных? Никто не знает. Не знают даже их матери, тщетно ста-

раующиеся провести что-либо о своих сыновьях и дочерях[6]...

Если подобные судебные зверства совершаются под покровом «реформированных Судебных Уставов», то чего же можно ожидать от «нереформированных» тюрем?

В 1861 году всем губернаторам было приказано произвести генеральную ревизию тюрем. Ревизия была выполнена добросовестно и её результатом был вывод, – в сущности, давно известный, – а именно, что тюрьмы, как в самой России, так и в Сибири, находятся в отвратительном состоянии. Количество заключенных в каждой из них нередко было вдвое и даже втрое более того числа, которое тюрьма по закону могла вмещать. Здание тюрем так обветшали и находились в таком разрушении, не говоря уже о невообразимой грязи, что поправить эти здания было невозможно, надо было перестраивать их заново.

Таковы были тюрьмы, так сказать, снаружи, – порядки же внутри их были еще печальнее. Тюремная система прогнила насквозь и тюремные власти требовали, пожалуй, более суровой реформы, чем сами тюремные зда-

ние. В Забайкальской области, где тогда скоп-
лялись почти все каторжане, ревизионный
комитет нашел, что значительное количе-
ство тюремных зданий обратилось в руины и
что вся система ссылки требует коренных ре-
форм. Вообще, на всем пространстве России,
комитеты пришли к заключению, что и тео-
рия и практика тюремной системы нуждают-
ся в полном пересмотре и реорганизации, что
мало ограничиться перестройкой тюрем, но
необходимо заново перестроить и самую тю-
ремную систему и обновить всю тюремную
администрацию, от высшей до низшей. Пра-
вительство предпочло, однако, остаться при
старых порядках. Оно построило несколько
новых тюрем, которые вскоре опять не могли
помещать ежегодно возрастающее число за-
ключенных; каторжан начали отдавать на
частные работы или нанимать золотопро-
мышленникам в Сибири; устроена была но-
вая ссыльная колония на Сахалине, с целью
колонизации острова, на котором никто не
хотел селиться по своей охоте; организовано
было Главное Тюремное Управление, – вот,
кажется, и все. Старый порядок остался в си-

ле, старые грехи – неисправленными. С каждым годом тюрьмы ветшают все более и более, тюремный штат, набираемый из пьяных солдафонов, остается все тем же по характеру. Каждый год министерство юстиции требует денег на починку тюрем и правительство неизменно сокращает эту смету необходимых расходов на половину и даже более; когда, напр., за период с 1875 по 1881 гг. министерство требовало свыше 6.000.000 рублей на самые необходимые починки, правительство разрешило израсходовать лишь 2.500.000 р. Вследствие этого, тюрьмы превращаются в постоянные центры заразных болезней и ветшают настолько, что, судя по недавним отчетам Тюремного Комитета, по меньшей мере 2/3 из их общего числа требуют капитальной перестройки. В действительности, если бы всех арестантов разместили, согласно требованием тюремных правил, то России пришлось бы построить еще столько же тюрем, сколько их теперь имеется в наличности. К 1 января 1884 года в России было 73.796 арестантов, между тем как помещений (в Европейской России) было лишь на 54.253 чел. В

некоторые тюрьмы, построенные на 200-250 человек, втискивают по 700-800 душ. В этапных тюрьмах, по пути в Сибирь, в которых арестантские партии задерживаются на продолжительные сроки, благодаря разливам, переполнение доходит до еще более ужасающих размеров. Главное Тюремное Управление, впрочем, не скрывает истины. В отчете за 1882 г., выдержки из которого были сделаны в русских подцензурных изданиях, указано, что, несмотря на то, что во всех тюрьмах империи имеется место лишь на 76.000 человек, в них помещалось к 1 января 1882 г. – 95.000 чел. В Петроковской тюрьме, по словам отчета, на пространстве, где должен помещаться *один* арестант, помещалось *пять*. В двух польских губерниях и семи русских количество арестантов было вдвое более того, сколько позволяло кубическое измерение пространства, сделанное по минимальному расчету на душу, а в 11 губерниях тоже переполнение выражалось пропорцией 3 на 2[7]. Вследствие этого тифозная эпидемия была постоянной гостьей в некоторых тюрьмах[8].

Чтобы дать понятие о переполнении рус-

ских тюрем, лучше всего будет привести несколько выдержек из рассказа г-жи К. (урожденной Кутузовой), которой пришлось на себе испытать прелести русского тюремного режима и которая рассказала о них в русском журнале «Общее Дело», издававшемся в Женеве. Вина г-жи К. заключалась в том, что она открыла школу для крестьянских детей, не испросив предварительно разрешение Министра Народного Просвещения. В виду того, что преступление её не было уголовного характера и, кроме того, она была замужем за иностранцем, генерал Гурко ограничился высылкой её за границу. Ниже я привожу её описание путешествия от Петербурга до прусской границы; комментарии к её словам излишни и я могу лишь подтвердить, в свою очередь, что описание это, включая мельчайшие детали, вполне согласно с истиной.

«Я была», – говорит г-жа К. – выслана в Вильно совместно с 50 другими арестантами, мужчинами и женщинами. С железнодорожной станции нас препроводили в тюрьму и держали в продолжении двух часов, поздней ночью, на тюремном дворе под проливным

дождем. Наконец, нас загнали в темный корридор и пересчитали. Два солдата схватили меня и начали обращаться со мной самым бесстыдным образом; я, впрочем, была не единственной в этом отношении, так как кругом, в темноте, слышались крики женщин. После многих проклятий и безобразной ругани был зажжен огонь и я очутилась в довольно обширной камере, в которой нельзя было сделать шагу, чтобы не наткнуться на женщин, спавших на полу. Двое женщин, занимавших одну кровать, сжалились надо мной и пригласили прилечь к ним... Проснувшись следующим утром, я все еще не могла опомниться от сцен, пережитых накануне; но арестантки, – убийцы и воровки – выказали такую доброту ко мне, что я понемногу оправилась. На следующий вечер нас выгнали на поверку из тюрьмы и заставили строиться к отправке под проливным дождем. Я не знаю, как мне удалось избежать кулаков тюремных надзирателей, так как арестанты плохо понимали, в каком порядке они должны выстроиться и эти эволюции проделывались под градом кулаков и ругательств; на тех, кото-

рые заявляли, что их не смеют бить, надевались наручни, и их в таком виде посылали на станцию, – вопреки закону, согласно которому арестанты посылаются в закрытых тюремных фурах без оков.

«По прибытии в Ковно, мы провели целый день в хождении из одного полицейского участка в другой. Вечером нас отвели в женскую тюрьму, где смотрительница ругалась с старшим надзирателем, угрожая выбить ему зубы. Арестантки уверяли меня, что она нередко приводит в исполнение подобного рода угрозы... Здесь мне пришлось провести целую неделю среди воровок, убийц, и женщин, арестованных „по ошибке“. Несчастье объединяет людей, поэтому каждая из нас старалась облегчить жизнь другим; все они были очень добры ко мне и всячески старались утешить меня. Накануне я ничего не ела, так как арестанты в день их прибытия в тюрьму не получают пайка; я упала в обморок от истощения и арестантки накормили меня, выказав вообще необыкновенную доброту ко мне. Тюремная надзирательница своеобразно выполняла свои обязанности:

она ругалась так бесстыдно, употребляя такие выражение, какие редкий мужчина решится произнести даже в пьяном виде... После недельного пребывания в Ковно, я была выслана пешим этапом в следующий город. После трех дней пути мы пришли в Мариамполь; ноги мои были изранены и чулки пропитались кровью. Солдаты советовали попросить, чтобы мне дали подводу, но я предпочла физическую боль выслушиванию ругани и грязных намеков со стороны конвойного начальства. Несмотря на мое нежелание, солдаты повели меня к конвойному офицеру, который заявил, что если я могла идти в течении 3-х дней, то смогу идти и еще один день. На следующий день мы прибыли в Волковыск, откуда нас должны были выслать на прусскую границу. Я и еще пять арестанток были временно помещены в пересыльную тюрьму. Женское отделение было полуразрушено и нас посадили в мужское... Я не знала, что мне делать, так как негде было даже присесть, разве что на поразительно грязном полу; но на нем не было даже соломы и вонь, поднимающаяся с пола, немедленно вызвала у меня

рвоту... Отхожее место было нечто вроде обширного пруда, через который была перекинута полусломанная лестница; она сломалась окончательно под тяжестью одного из арестантов, попавшего таким образом в смрадную грязь. Увидав это отхожее место, я поняла причину омерзительной вони в пересыльной тюрьме: пруд подходил под здание и пол его был пропитан и насыщен экскрементами.

„Здесь мне пришлось прожить два дня и две ночи, проведя все время у окна... Ночью внезапно открылась дверь и в камеру были втолкнуты с ужасными воплями пьяные проститутки. Вслед за ними был введен помещанный, совершенно ногой. Арестанты обрадовались ему, как забаве, додразнили его до бешенства и он, наконец, упал на пол в судорогах с пеной у рта. На третий день, еврей-солдат, служивший при пересыльной тюрьме, взял меня в свою комнату, крохотную камеру, где я и поместилась с его женой... Многие из арестантов рассказывали мне, что они были арестованы „по ошибке“, сидели по 7-8 месяцев и не высылались за границу вследствие будто бы неполучение ка-

ких-то документов. Можно себе представить их положение, после семимесячного пребывания в этой омерзительной обстановке, не имея даже возможности переменить белье. Они советовали мне дать взятку смотрителю и тогда меня немедленно доставят на прусскую границу. Но я была уже в течении шести недель в пути, денег у меня не было, а письма мои, очевидно, не доходили до моих родных... Наконец, солдат позволил мне отправиться в сопровождении его жены на почту, и я послала заказное письмо в Петербург“. У г-жи К. были влиятельные родные в столице и, спустя несколько дней, была получена телеграмма от генерал-губернатора о немедленной высылке её в Пруссию. „Мои бумаги“, – говорит г-жа К., – немедленно нашлись, я была выслана в Эйдкунен и выпущена на свободу».

Нужно сознаться, картина выходит ужасная, но в ней нет и тени преувеличение. Для любого русского, имевшего «тюремный опыт», каждое слово вышеприведенного рассказа звучит правдой, каждая сцена кажется нормальной в стенах русской тюрьмы... Ругань, грязь, зверство, побои, взяточничество,

голод – все это можно наблюдать в любой тюрьме; от Ковно до Камчатки и от Архангельска до Эрзерума. Будь у меня больше места, я мог бы привести массу подобных же рассказов.

Таковы тюрьмы Западной России. Но они не лучше на Востоке и на Юге. Корреспондент, которому пришлось пробыть в Пермской тюрьме, следующим образом отзывается о ней в газете «Порядок»: «Тюремным смотрителем здесь некий Гаврилов. Постоянное битье „в морду“, сечение, заключение в мерзлые темные карцеры и голодание арестантов – таковы характерные черты этой тюрьмы. За каждую жалобу арестантам „задают баню“ (т.е. секут) или запирают в темный карцер... Смертность в тюрьме ужасная». Во Владимирской тюрьме была такая масса покушений на побег, что нашли необходимым сделать по этому поводу специальное расследование. Арестанты заявили ревизору, что вследствие незначительности отпускаемых на их прокормление сумм, они находятся в состоянии хронического голодания. Они многократно пробовали жаловаться «по начальству», но из

этого ничего не выходило. Наконец, они решили обратиться с жалобой в Московский Окружной Суд, но тюремный смотритель узнал о затеваемой жалобе, произвел обыск в тюрьме и отобрал у арестантов прошение, которое они собирались послать. Легко можно себе вообразить, каков процент смертности в подобных тюрьмах; впрочем, русская тюремная действительность превосходит даже все, что может представить самое пылкое воображение.

Каторжное отделение гражданской тюрьмы было выстроено в 1872 г. на 120 чел. Но уже в конце того же года в нем помещалось 240 чел., из них 90 черкесов, этих злосчастных жертв русского завоевание, бунтующихся против казацких нагаек и сотнями высылаемых в Сибирь. Эта каторжная тюрьма состоит из 3-х камер, в одной из которых (27 ф. длины, 19 ф. ширины, и 10 ф. высоты) заключены 31 арестант. Такое же переполнение наблюдается и в других двух камерах, так что, в общем, приходится от 202 до 260 куб. фут. пространства на человека, другими словами, это равносильно тому, как если бы человека застави-

ли жить в гробу 8 ф. длины. 6 ф. ширины и 5 ф. высоты. Не мудрено, что арестанты умирают, как мухи осенью. С конца 1872 года по 15 апреля 1874 г. в тюрьму прибыло 377 русских и 138 черкесов; им пришлось, в самой антисанитарной обстановке, терпеть от пронизывающей сырости и холода, не имея даже одеял. В течении 15 месяцев умерло 90 русских и 86 черкесов, т.е. 24 % всего числа русских арестантов и 62 % всех черкесов, не говоря, конечно, о тех, которые умерли, выйдя из этой тюрьмы, на пути в Сибирь. Причины этой ужасающей смертности не были результатом какой-либо специальной эпидемии; арестанты страдали разнообразными формами цынги, нередко принимавшей злокачественный характер и часто заканчивавшейся смертью [9].

Несомненно, что ни одна полярная экспедиция не сопровождалась такою смертностью, какую грозит заключение в одной из русских центральных тюрем. Что же касается Пермской пересыльной тюрьмы для арестантов, ссылаемых в Сибирь, то в том же официальном издании приводятся прямо неверо-

ятные сведения о ней; она оказывается гораздо хуже даже каторжного отделения. Со стен течет; совершенное отсутствие какой бы то ни было вентиляции; переполнение её в летние месяцы доходит до того, что на каждого арестанта приходится всего 124 куб. фут. пространства (т.е. гроб 8 ф. длины, 5 ширины и 3 высоты)[10].

Священник первой Харьковской центральной тюрьмы заявил в 1868 г., во время проповеди (см. «Харьковские Епархиальные Ведомости» за 1869 г.), что в течении 4-х месяцев из 500 арестантов, бывших в этой тюрьме, умерло от цынги *200 человек*. Из 330 арестантов, находившихся там в 1870 году, 150 умерло в течении этого года, а 45 – в течении следующего затем полугодия, при том же общем количестве арестантов[11].

Киевская тюрьма являлась рассадником тифозной эпидемии. В течении лишь одного месяца (в 1881 г.) арестанты в ней умирали сотнями и в камеры, только что освобожденные от умерших, загонялись новые пришельцы, чтобы, в свою очередь, умереть. Обо всем этом сообщалось в русских газетах. Год спустя

(12 июня, 1882 г.) циркуляр Главного Тюремного Управление так объяснил причины этой эпидемии: «1) Тюрьма была страшно переполнена, хотя имелась полная возможность перевести многих арестантов в другие тюрьмы; 2) Камеры очень сыры, стены покрыты плесенью и полы во многих местах прогнили; 3) Отхожая места находятся в таком состоянии, что почва вокруг них насыщена экскрементами» и т. д. и т. д. В заключение отчета говорится, что, благодаря тем же антисанитарным условиям, многим другим тюрьмам угрожает та же эпидемия.

Можно бы предположить, что с того времени введены некоторые улучшения, что приняты меры против подобных эпидемий. По крайней мере, этого можно было ожидать, судя по официальным сведениям статистического комитета [12]. Но кое-какие факты заставляют относиться подозрительно к точности официальных цифровых данных. Так, в трех губерниях (Пермской, Тобольской и Томской) показано за 1883 г. всего 431 умерших арестантов всех категорий. Но если мы заглянем в другое издание того же министерства, в

медицинский отчет за тот же 1883 г. – оказывается, что в тех же трех губерниях, в тюремных госпиталях умерло 1017 арестантов[13]. И даже в 1883 г., хотя тюрьмы не страдали от эпидемий, смертность в двух Харьковских центральных тюрьмах показана 104 на 846 арестантов, т.е. 123 на тысячу; и те же самые отчеты показывают, что цынга и тиф продолжали быть постоянными гостями большинства русских тюрем, особенно лежащих на пути в Сибирь.

Главная тюрьма в Петербурге, так наз. «Литовский Замок», несколько чище других, но вообще, это здание, старого фасона, сырое и мрачное, давно пора было бы срыть до основание. Уголовным арестантам дают работу, но политических держат в одиночках в вынужденном бездействии и некоторые из моих друзей, герои процесса «193», которым пришлось провести по 2 года и более в стенах этой тюрьмы – описывали ее мне, как одну из худших. Камеры малы, темны и сыры; тюремный смотритель Макаров был просто дикий зверь. О последствиях одиночного заключение в этой тюрьме я говорю в другом месте.

Отмечу лишь, что обычный денежный паек на покупку пищи арестантам равняется *семи копейкам* в день (арестанты из привилегированных сословий получают 10 к.), а фунт черного хлеба стоит 4 коп...

Но предметом похвальбы нашего правительства, тюрьмой, которую показывают иностранцам, – является новый «дом предварительного заключения» в С-Петербурге. Это, так наз., «образцовая тюрьма» – единственная в этом роде в России, – выстроенная по плану Бельгийских тюрем. Я знаком с ней по личному опыту, пробыв в её стенах три месяца до перевода моего в тюрьму при Военном Госпитале. Это едва ли не единственная в России тюрьма для уголовных арестантов, отличающаяся чистотой. Да, на грязь в этой тюрьме нельзя пожаловаться... Метла и целые потоки воды, щетка и тряпка там в постоянном ходу. Тюрьма эта является в своем роде «выставкой» и арестанты должны держать ее в ослепительном блеске. Целое утро они выметают, вымывают и полируют асфальтовые полы, дорого расплачиваясь за их блеск. Атмосфера тюрьмы насыщена частицами асфальта (я од-

нажды прикрыл газовый рожок в моей камере бумажным колпаком и, уже спустя несколько часов, мог рисовать пальцем узоры на пыли, которой он покрывался); и этим воздухом приходится дышать! Три верхние этажа насыщаются испарениями нижних и, благодаря плохой вентиляции, по вечерам, когда все двери закрыты, арестованные буквально чуть не задыхаются. Один за другим было назначено несколько комитетов, со специальной задачей – найти средства для улучшения вентиляции. Позднейший из этих комитетов, под председательством статс-секретаря Грота, заявил в своем отчете (в июне 1881 г.), что необходимо перестроить все здание (которое стоило вдвое дороже таких же тюрем в Бельгии и Германии), так как никакие самые радикальные поправки не могут улучшить вентиляцию. Камеры в этой тюрьме – 10 фут. длины и 5 ширины и, одно время в числе обязательных правил было – открывать форточки в дверях камер, чтобы мы не задохнулись. Впоследствии это правило было отменено и форточки держали закрытыми, предоставляя нам справляться, как знаем,

с температурой, колебавшейся между удушающей жарой и сибирским холодом. Если бы не общение с товарищами, – путем перестукивание, то я, пожалуй, пожалел бы о моем мрачном и сыром каземате в Петропавловской крепости. Мне кажется, я никогда не забуду детей, которых мне пришлось встретить однажды в коридоре дома предварительного заключения. Они, подобно нам, по месяцам и даже годам ожидали суда; их желтосерые, изможденные лица, их испуганные, растерянные взгляды говорили лучше целых томов отчетов и исследований о «благодетельном влиянии одиночного заключения» в образцовой тюрьме. Относительно администрации этой тюрьмы, я думаю, достаточно сказать, что даже русские подцензурные издание открыто указывали на то, как тюремное начальство присваивало себе арестантские пайки. В 1882 году по этому поводу было назначено расследование, из которого выяснилось, что действительность далеко превосходила мрачные слухи. Но все это мелочи, по сравнению с тем, как в этой тюрьме обращаются с арестантами. Именно в этой тюрьме генерал Трепов

приказал высечь Боголюбова, потому что последний не снял шапки перед всемогущим са-трапом и приказал связать и избить других арестантов, которые протестовали против этого насилия, а затем протестующие были посажены на пять дней в карцеры, покрытые экскрементами, где, от соседства с прачешной, температура доходила до 45 градусов. В виду всего этого, какой горькой иронией звучит похвала английского панегириста, священника Лансделля, который писал: «желающие убедиться в том, чего России *может* достигнуть, должны посетить дом предварительного заключения». О, да, императорская России *может* строить тюрьмы, где арестованных грабят и секут, при чем самые здание этих тюрем надо перестраивать через пять лет после того, как они воздвигнуты.

Наказание, налагаемые нашими уголовными законами, могут быть в общем разделены на четыре категории. К первой из них принадлежат каторжные работы, с лишением всех гражданских прав. Имущество осужденного переходит к его наследникам; он рассматривается, как умерший гражданской

смертью и жена его имеет право снова выйти замуж; его может сечь розгами или плетью *ad libitum* каждый пьяный тюремщик. После отбытия каторжных работ в Сибирских рудниках или на заводах, его поселяют где-нибудь в Сибири. Второй категорией является ссылка на поселение, с лишением всех, или по состоянию присвоенных гражданских прав; в действительности это наказание представляет пожизненную ссылку в Сибирь. К третьей категории принадлежат все арстанты, присужденные к заключению в арстантских ротах, без лишения гражданских прав. Наконец, в четвертую категорию (опускающая менее значительные наказания) входят люди, ссылаемые в Сибирь без суда, административным порядком, на всю жизнь, или на неопределенный срок.

Раньше каторжане посылались прямо в Сибирь: в рудники, принадлежавшие «Кабинету Его Величества», т.е. другими словами, составляющие частную собственность императорской фамилии. Некоторые из этих рудников, однако, выработаны; относительно других было найдено, (или администрация

нашла удобным найти), что их разработка в руках казны невыгодна и поэтому они были проданы частным лицам, нажившим на них громадные состояния. Благодаря всему этому, Европейской России самой пришлось озаботиться судьбой своих каторжан. В России было построено несколько центральных тюрем, где осужденные отбывают одну треть или четвертую часть своего наказания, а вслед затем ссылаются на Сахалин. Общество привыкло рассматривать каторжан, как наиболее вредный разряд преступников; но в России подобное отношение к ним едва ли справедливо. Убийство, грабеж, кража со взломом – все эти преступления наказываются каторгой; но каторгой в России наказываются и покушение на самоубийство, а также святотатство, богохуление, которые часто бывают лишь проявлением своеобразных религиозных убеждений; также наказываются и «возмущение», или точнее то, что в России называется возмущением, т.е., простое неповиновение каким-нибудь приказанием начальства. Каторга назначается также за всякого рода политические преступления, а равно за

«бродяжество». Даже среди убийц не мало людей, которые совершили убийство при таких обстоятельствах, что, попади дело на суд присяжных или в руки честного адвоката, они наверное были бы оправданы. Во всяком случае, меньше трети всех ссылаемых ежегодно на каторгу, т.е. всего от 700 до 800 мужчин и женщин, приговариваются как убийцы. Остальные же – почти в равной пропорции, – или «бродяги» или люди, осужденные за какое-либо из вышеупомянутых нами преступлений.

Постройка центральных тюрем была вызвана желанием придать наказанию возможно суровый характер. Решили, что с арестантами надо обращаться самым жестоким образом, а если они не выдержат и будут умирать в больших количествах, – беда не велика! С этой целью смотрителями и надзирателями этих тюрем были назначены люди самые жестокие по характеру, в большинстве случаев из отставных военных; при чем арестанты были отданы в полное распоряжение этих деспотов, с приказанием свыше – не стесняться размерами и характером наказаний. Тю-

ремщики оправдали доверие начальства: центральные тюрьмы действительно превратились в застенки; и ужасы сибирской каторги побледнели пред жизнью в «централках». Все те, кому пришлось пробыть в них некоторое время, заявляют, что день, когда арестант из централки высылается в Сибирь, он считает счастливейшим днем своей жизни.

Изследуя эти тюрьмы, в качестве «почетного посетителя», ищущего сильных ощущений, вы будете очень разочарованы. Вы увидите лишь грязное здание, битком набитое ничем не делающими арестантами, лениво валяющимися на нарах, устроенных вдоль стен и непокрытых ничем, кроме толстого слоя грязи. Вам могут дозволить заглянуть в камеры для «секретных» или политических арестантов; но, если вы начнете расспрашивать обитателей тюрьмы, вы почти всегда услышите от них стереотипный ответ, что они «всем довольны». Для того, чтобы ознакомиться с тюремной действительностью, надо самому побывать в шкуре арестанта. Рассказов людей, перенесших на себе это испытание, насчитывается немного, но все же они

существуют и один из наиболее ярких я привожу ниже. Он был написан офицером, приговоренным к каторжным работам за оскорбление, нанесенное в запальчивости; офицер этот позднее был помилован царем после нескольких лет заключения. Его рассказ был опубликован в консервативном журнале («Русская Речь», январь 1882 г.), в то время, когда, под влиянием недавнего режима Лорис-Меликова, было много разговоров о необходимости тюремной реформы и существовала некоторая свобода печати; вышеупомянутый нами рассказ не встретил никаких опровержений и опыт наших друзей вполне подтверждает справедливость описаний автора.

Собственно говоря, описание материального положения, в котором приходится жить арестантам этой центральной тюрьмы, не представляет ничего особенного, ибо положение это почти одинаково во всех русских тюрьмах. Указав на то, что тюрьма была построена на 250 человек, а вмещала 400, мы не будем больше останавливаться на её санитарных условиях. Пища тоже была не лучше и не хуже, чем в других тюрьмах. Семь копеек в

день – не особенно щедрый паек для арестанта, в особенности приняв во внимание, что тюремный смотритель и старший надзиратель – «люди семейные», старающиеся урвать и из этого нищенского пайка что-нибудь в свою пользу. Четверть фунта черного хлеба на завтрак; щи, сваренные из бычачьего сердца и печенки, или из 7 фунтов мяса, 20 ф. затхлой овсяной крупы и 20 ф. кислой капусты – такова обычная арестантская еда и многие русские арестанты вполне довольны ею. Моральные условия жизни далеко не так удовлетворительны. Целый день арестантам нечего делать и это безделье тянется недели, месяцы, годы. Правда, при тюрьме имеются мастерские, но в них допускают лишь опытных рабочих (трусами которых наживается тюремное начальство). Для остальных же арестантов нет не только никакой работы, но нет даже и надежды на работу, разве иногда в снежное время смотритель заставит одну половину арестантов сгребать снег в кучи, а другую – разбрасывать эти кучи. Убийственное однообразие арестантской жизни нарушается лишь наказаниями. В тюрьме, кото-

рую я имею в виду, наказание отличались разнообразием и замысловатостью. За курение и другие проступки этого же рода арестанта заставляли стоять два часа на коленях, на каменных плитах, в таком месте тюрьмы, которое избиралось специально для этой цели, и по которому гуляли зимние сквозные ветры. Другим наказанием за подобные же проступки были карцеры, один из них теплый, а другой – холодный, в подполье, с температурой, при которой замерзала вода. В обоих карцерах арестантам приходилось спать на каменном полу, при чем продолжительность заключения целиком зависела от каприза смотрителя.

«Некоторых из нас», – говорит вышеупомянутый нами автор, – «держали в этих карцерах в продолжении двух недель; по истечении этого срока некоторых пришлось буквально вытащить на свет Божий и затем они отправились в ту страну, где нет ни печали, ни воздыхание». Мудрено ли, что в течении четырех лет, проведенных автором в этой тюрьме, смертность в ней достигала 30 % в год? «Не должно думать», – говорит автор да-

лее, – «что люди, которых постигали столь тяжкие наказание, были закоренелыми преступниками; нас подвергали им, если мы прятали кусок хлеба, оставшийся от обеда или ужина, или если у арестанта находили спичку». Непокорных наказывали другим способом. Один из них, напр., был заперт в течении девяти месяцев в одиночной темной камере (первоначально предназначенной для страдающих глазными болезнями) – и вышел оттуда слепым, потеряв рассудок. Но это еще цветочки, по сравнению с тем, что автор рассказывает далее.

«По вечерам», – говорит он, – «смотритель обыкновенно осматривал тюрьму и предавался своему любимому занятию, – сечению арестантов. Приносилась очень узкая скамейка и вскоре вся тюрьма оглашалась воплями, в то время как смотритель, покуривая сигару, созерцал и считал удары. Розги употреблялись необычайной величины и пред наказанием размачивались в воде, чтобы сделать их более гибкими. После десятого удара вопли в большинстве случаев прекращались и слышались лишь стоны. Секли обыкновенно

группами, по пяти, десяти, и более человек и когда экзекуция, наконец, прекращалась, её место всегда можно было определить по большой луже крови. Наши соседи за стенами тюрьмы, если им случалось в это время проходить мимо, спешили переходить на другую сторону улицы, в ужасе осеняя себя крестным знамением. После каждой такой сцены дня на два, на три наступало затишье; очевидно, порка действовала успокаивающим образом на нервы зрителя. Но вскоре он опять принимался за работу. Когда он был сильно пьян, причем его левый ус беспомощно повисал, или когда он приходил домой с охоты с пустым ягдташем, мы уже знали, что вечером розги будут в ходу». Мы не будем приводить других столь же возмутительных сцен из жизни этой тюрьмы, но мы хотели бы обратить внимание иностранных путешественников на следующую подробность в рассказе нашего автора.

«Однажды», – говорит он, – «к нам явился тюремный инспектор. Посмотрев на бак с пищей, он спросил: довольны ли мы едой? и вообще, не имеем ли мы каких-нибудь жалоб?»

Арестанты не только ответили, что они всем довольны, но перечислили даже такие пищевые продукты, которых мы никогда и не нюхали. И это – вполне естественно, замечает автор. – Если бы были какие-либо жалобы, инспектор пожурил бы немного смотрителя и уехал бы во-свояси, между тем как оставшимся арестантам пришлось бы расплачиваться за свою смелость под розгами и в карцерах».

Тюрьма, о которой говорилось выше, находится вблизи С.-Петербурга. Читатели легко могут себе представить, что происходит в более отдаленных провинциальных тюрьмах. Я уже говорил выше о Пермской и Харьковской тюрьмах; судя по сведениям «Голоса», центральная тюрьма в Симбирске является гнездом казнокрадства и хищничества. Лишь в двух из всех центральных тюрем, Виленской и Симбирской, арестантов занимают полезным трудом. В Тобольске начальство, после долгих размышлений о том, чем бы им занять арестантов, откопало закон 27-го марта 1870 года, согласно которому арестанты должны заниматься переноской песка, камней, или пушечных ядер с одного места на другое

и обратно. Тобольское начальство, в течении некоторого времени применяло этот закон, с целью дать занятие арестантам и предупредить распространение цынги. В других же каторжных тюрьмах, за исключением мелких работ и починок, которыми занимаются очень немногие из арестантов, большинство заключенных проводят жизнь свою в абсолютной праздности. «Все арестанты находятся в том же отвратительном положении, как и в старые времена», – говорит один русский исследователь[14].

Одной из наихудших каторжных тюрем была Белгородская, в Харьковской губернии, и именно эта тюрьма была выбрана для политических преступников, осужденных на каторжные работы; они содержались здесь с 1874 по 1882 г., до высылки их в Сибирь. Три первые группы наших друзей: по процессу Долгушина и Дмоховского, по московскому процессу 50 и по процессу 193-х, – были посланы в эту тюрьму. Самые ужасающие слухи ходили об этой тюрьме – могиле, в которой были погребены семьдесят политических преступников, лишенных возможности сносить-

ся каким-либо образом с внешним миром, и в то же время лишенных каких-либо занятий. У них были матери, сестры, которые, не смотря на постоянные отказы, неустанно обивали пороги у всякого петербургского начальства, добиваясь разрешение повидать, – хотя бы лишь в течении нескольких минут, – своих сыновей и братьев. Жителям Белгорода было известно, что с арестантами обращаются самым возмутительным образом; но, в общем, о том, что происходило в тюрьме, знали мало; изредка лишь доносилась глухая весть, что кто-либо умер или сошел с ума. Но даже государственные секреты с течением времени перестают быть тайнами. Сначала разрешили одной из матерей иметь свидание с её сыном раз в месяц в течении одного лишь часа в присутствии смотрителя тюрьмы и она не задумалась поселиться под самыми стенами острога ради этих редких и кратких часов свидание с любимым сыном. Вслед затем, в 1880-м году в Петербурге пришли к заключению (после взрыва в Зимнем Дворце), что немислимо больше замучивать политических арестантов в Белгороде, отказывая им в

их праве – быть сосланными на каторжные работы в Сибирь. Таким образом, в октябре 1880 г. тридцать наших товарищей были переведены из Белгорода в Мценск. В виду того, что они не могли по слабости здоровья отправиться немедленно в далекий путь к Нерчинским рудникам, их оставили на некоторое время в Мценске, пока они несколько оправятся. Тогда долго скрываемая правда сделалась, наконец, известной. Сведения об условиях тюремного заключения в Белгороде появились в русской революционной прессе и частью проникли даже в петербургские газеты; помимо этого, по рукам ходили литографированные и гектографированные воспоминания отбывших наказание в Белгородской тюрьме. Из этих воспоминаний публика узнала, что заключенных держали от трех до пяти лет в одиночном заключении, в оковах, в темных, сырых камерах, длиною в 10 и шириною в 6 фут.; что их держали в абсолютной бездеятельности, совершенно изолированными от какого-либо соприкосновения с внешним миром и людьми. Так как казна отпускала на их содержание всего пять копеек в день, они пи-

тались хлебом и водою; три или четыре раза в неделю им, впрочем, давали маленькую чашку горячей похлебки, сваренной из горсти овсянной крупы с примесью разной дряни. Десятиминутная прогулка по двору через день, по мнению начальства, вполне удовлетворяла потребность арестанта в свежем воздухе. У них не было ни кроватей, ни подушек, ни тюфяков, ни одеял; спать приходилось на голом полу, подложив под голову кое-что из платья и накрывшись серым арестантским халатом. Невыносимое одиночество, абсолютное молчание и вынужденная бездеятельность! Лишь после трех лет подобной пытки им было разрешено чтение некоторых книг.

Зная, по более чем двухлетнему опыту, тяжесть одиночного заключения, я смело могу сказать, что оно, в той форме, какая практикуется в России, является одной из самых жестоких пыток. Здоровье арестанта, как бы оно ни было крепко до вступления в тюрьму, непоправимо разрушается одиночным заключением. Военная наука говорит нам, что во всяком осажденном гарнизоне, которому в течение нескольких месяцев выдается умень-

шенный паек, смертность возрастает в громадных размерах. Это наблюдение еще более верно по отношению к людям, находящимся в одиночном заключении. Недостаток свежего воздуха, отсутствие необходимого упражнения для ума и тела, вынужденное молчание, отсутствие той неисчислимой массы впечатлений, которые мы, будучи на свободе, бессознательно воспринимаем каждый час, уже самый факт, что вся умственная работа сводится исключительно к деятельности воображения, – комбинация всех этих условий делает одиночное заключение одной из самых жестоких и верных форм медленного убийства. Если удастся устроить сообщение с соседом по камере (путем легких постукиваний по стене), то это уже является таким облегчением, громадное значение которого могут вполне оценить лишь те, которым пришлось в течение года или двух пробыть в полном отчуждении от остального мира. Но это облегчение иногда является новым источником мучений, так ваши собственные нравственные страдания увеличиваются все растущим с каждым днем убеждением, что рас-

судок вашего соседа начинает помрачаться; в выстукиваемых им фразах вы начинаете различать ужасные призраки, гнетущие его измученный мозг. Таково тюремное заключение, которому подвергаются политические арестанты иногда в течении трех-четырёх лет в ожидании суда. Но их положение значительно ухудшается, когда они попадают в Харьковскую центральную тюрьму. Не только камеры в ней темнее и сырее, не только пища хуже, чем где бы то ни было, но, кроме всего этого, арестантов нарочно держат в абсолютной праздности. Им не дают ни книг, ни письменных принадлежностей, ни инструментов для ручного труда. Они лишены средств занять чем-либо измученный ум, сосредоточить на чем-либо нездоровую деятельность мозга, и, по мере того, как телесные силы арестанта ослабевают, его душевная деятельность принимает все более ненормальный характер; человек впадает иногда в мрачное отчаяние... Люди могут переносить самые невероятные физические страдания; в истории войн, религиозного мученичества и на госпитальных койках вы найдете массу

примеров этого рода. Но моральные мучение, когда они продолжаются несколько лет подряд, – совершенно непереносимы и наши друзья испытали это на себе. Запертые сначала в крепостях и домах предварительного заключения, переведенные затем в центральные тюрьмы, они быстро ослабевали и вскоре или умирали, или сходили с ума. Не всегда психическое расстройство происходило в такой острой форме, как у г-жи М-ской, молодой талантливой художницы, которая сошла с ума внезапно, будучи изнасилована жандармами. Большинство лишается рассудка путем тяжелого медленного процесса, разум угасает с часа на час в слабеющем теле.

В июне 1878 г. жизнь арестантов в Харьковской тюрьме сделалась настолько невыносимой, что шестеро из них решили умереть голодной смертью. В течении целой недели они отказывались принимать какую бы то ни было пищу и когда генерал-губернатор приказал прибегнуть к искусственному кормлению, в тюрьме произошли такие сцены, что тюремному начальству пришлось отказаться от выполнения этой идеи. С целью сломить

их упорство, арестантам обещаны были некоторые уступки, как, напр., разрешение выходить на прогулку и снятие оков с больных; ни одно из этих обещаний не было выполнено. Лишь позже, когда несколько человек умерло, а двое (Плотников и Боголюбов) сошли с ума, – арестанты получили разрешение пилить дрова в тюремном дворе, вместе с двумя татарами, которые ни слова не понимали по-русски. Лишь после усиленных требований, за которые приходилось расплачиваться неделями темного карцера, они получили работу в камерах, но это произошло уже к концу третьего года их заключение.

В октябре 1880 г. первая партия, состоявшая из тридцати человек, в большинстве случаев осужденных в 1874 г., была выслана в мценскую пересыльную тюрьму впредь до отправки их в Сибирь. Зимой прибыла вторая партия из 40 человек, осужденных по процессу 193-х. Все они пересылались в Нерчинск, на Карийские золотые промыслы. Все они хорошо знали – какая судьба ожидает их там, но все же они считали день, в который они оставили Белгородский ад, днем освобождения.

После жизни в этой центральной тюрьме каторжные работы в Сибири казались раем.

В моем распоряжении имеется рассказ, написанный лицом, которому было разрешено свидание с одним из заключенных в Мценской пересыльной тюрьме и мне не приходилось читать ничего более трогательного, чем этот простой рассказ. Он был написан под свежим впечатлением свиданий в Мценске с любимым братом, которого удалось увидеть много лет спустя, после его полного исчезновения из мира живых; с трогательным добросердечием автор воспоминаний посвящает всего несколько строк ужасам Белгородской тюрьмы. «Я не буду говорить об этих ужасах», – сказано в воспоминаниях, – «так как я спешу рассказать о том луче радости, который пронизал мрачную жизнь заключенного», – и вслед затем целые страницы воспоминаний заполнены детальными описаниями той радости, которую дали короткие свидания в Мценске с людьми, бывшими в течении многих лет погребенными заживо.

«Старики и молодежь, родители, жены, сестры и братья – все они стекались в Мценск

из разных мест России, из самых разнообразных классов общества, общая радость при свиданиях и общая скорбь при разлуке объединила их в одну большую семью. Какое это было дорогое, драгоценное время!»

«Дорогое, драгоценное время!» – Какая глубокая скорбь звучит в этом восклицании, вырвавшемся из глубины сердца, если мы примем во внимание, что эти свидания были с узниками, оставлявшими Россию навсегда, чтобы пройти путь в 7000 верст и быть заключенными в стране скорби и слез – Сибири. «Дорогое, драгоценное время!» И автор воспоминаний детально описывает свидание; рассказывает о пище, которую они приносили узникам, чтобы подкрепить их силы после шестилетнего заключения, о различных рабочих инструментах, которые им дарили для их развлечения; об аккуратных приготовлениях к далекому и длинному путешествию через Сибирь; о подкандалниках, которые готовились, чтобы кандалы не натирали ног тем пяти товарищам, которым предстояло пройти весь путь в кандалах; и, наконец, следует описание длинного ряда телег с двумя

узниками и двумя жандармами на каждой, прибытие на железнодорожную станцию и скорби при разлуке с любимыми людьми, из которых до сих пор ни один не вернулся, а многих уже нет.

Приведенные примеры дают уже понятие об русских уголовных тюрьмах. Много страниц можно было бы еще наполнить, беря примеры из различных тюрем, но это было бы повторением. И старые и новые тюрьмы ничем не отличаются друг от друга. Все наши карательные учреждение превосходно охарактеризованы следующими словами из тех же тюремных воспоминаний, которыми я уже пользовался выше.

«В заключение», – говорит автор этих воспоминаний, – «я должен прибавить, что наконец в тюрьму назначили нового смотрителя. Старый вздорил с казначеем: они не могли миролюбиво поделить доходов от арестантского пайка и в заключение оба были прогнаны со службы. Новый смотритель не такой зверь, как его предшественник. Но я слышал, однако, что при нем арестанты еще больше голодают и что он нисколько не стесняется

прогуливаться кулаком по их физиономиям». Вышеприведенный отрывок превосходно суммирует «тюремные реформы» в России. Одного изверга прогоняют со службы, но на его место сажают другого, иной раз еще худшего. Не заменой одного негодяя другим, а лишь путем коренной реформы всей системы может быть достигнуто какое-либо улучшение в этой области; к этому заключению пришла и специальная правительственная комиссия, недавно рассматривавшая этот вопрос. Но конечно было бы величайшим самообманом думать, что возможны какие бы то ни было улучшения при существующей системе государственного управления. По меньшей мере, полдюжины правительственных комиссий заседают для обсуждения вышеуказанных вопросов и все они пришли к заключению, что правительство должно решиться на очень крупные расходы, в противном же случае в наших тюрьмах будут господствовать старые порядки. Еще более чем в крупных расходах, наши тюрьмы нуждаются в честных и способных людях, но за такими людьми теперешнее русское правительство

не гонится, хотя они существуют в России, и даже в немалом количестве. Я укажу, для примера, на одного такого честного человека, полковника Кононовича, коменданта Карийских промыслов. Не вовлекая казну в новые расходы, полковник Кононович ухитрился починить и привести в порядок старые полу-сгнившие тюремные здание, сделав их более или менее удобообитаемыми; располагая ничтожными средствами, он улучшил арестантскую пищу. Но было достаточно случайной похвалы путешественника, посетившего Карийскую ссыльную колонию, и такой же похвалы, в письме, перехваченном на пути из Сибири, чтобы сделать полковника Кононовича подозрительным в глазах нашего правительства. Он был немедленно уволен и его заместитель получил приказание возвратиться к старому суровому режиму. На политических преступников, пользовавшихся относительной свободой по отбытии ими сроков, были снова надеты кандалы, двое из них, однако, не захотели подчиниться этому варварскому распоряжению и предпочли покончить с собой. На Каре водворился желательный

для правительства «порядок». Другой сибирский чиновник, генерал Педашенко, попал в немилость за то, что отказался утвердить смертный приговор, вынесенный военным судом политическому арестанту Щедрину. Щедрин обвинялся в том, что ударил офицера, оскорбившего двух его товарищей по заключению, Богомолец и Ковальскую.

Подобные явления в порядке вещей в России. Займетесь ли вы распространением образования, улучшением быта арестантов или какой-либо другой работой гуманитарного характера, вы неизменно вызовете неудовольствие и подозрение правительства, а в случае если вы окажетесь виновником, вам прикажут подать в отставку. Вблизи Петербурга имеется исправительная колония для детей и подростков. Судьбе этих несчастных детей некий господин Герд (внук знаменитого шотландца, помогавшего Александру I в деле реформы наших тюрем) посвятил всю свою энергию. Он отдался этому делу всем сердцем и, по справедливости, мог быть назван вторым Песталоцци. Под его облагораживающим влиянием, испорченные маленькие воришки

и другие дети, испорченные влиянием улицы и тюрьмы, становились людьми в лучшем смысле этого слова. Удаление мальчика из общих мастерских или высылка его из класса были самыми серьезными наказаниями, практикуемыми в этой колонии; немудрено, что она вскоре сделалась образцовой. Но русское правительство не нуждается в людях, подобных Герду. Его уволили от занимаемого им места и колонию, которой он так гуманно управлял, превратилась в обычную русскую тюрьму, с обычной системой наказаний, до розг и карцера включительно.

Приведенные нами примеры в достаточной степени ясно указывают как на недостатки системы, так и на то, чего можно ожидать от наших властей. Вообразить, что возможна какая либо реформа в наших тюрьмах, было бы явной нелепостью при данных условиях. Наши тюрьмы являются лишь отражением всей нашей жизни при теперешнем режиме; и они останутся такими до тех пор, пока наша правительственная система и вся наша жизнь не изменятся коренным образом. Тогда, и лишь тогда, «Россия сможет показать,

что она в состоянии сделать;» но тогда, я надеюсь, мы найдем для борьбы с преступлениями нечто получше так называемых «прекрасных тюрем.»

Глава III Петропавловская крепость

Неограниченная монархия невозможна без Тоуэра или Бастилии. Петербургское правительство не представляет исключение из этого правила и имеет свою Бастилию – Петропавловскую крепость. Снаружи она не имеет такого мрачного вида, какой имела Парижская Бастилия. Ея низкие гранитные бастионы, выходящие на Неву, имеют вполне современный вид. В стенах крепости находится монетный двор, кафедральный собор с гробницами членов императорской фамилии, несколько зданий, занимаемых инженерами и военными властями и большие арсеналы в новом кронверке на северной стороне. Днем ворота крепости открыты для обычного движения.

Но чувство холодного ужаса охватывает жителей Петербурга, когда они всматриваются в серые бастионы крепости, лежащие по другой стороне Невы, против императорского дворца; и мрачные мысли овладевают ими,

когда северный ветер доносит до их слуха нестройные звуки крепостных колоколов, каждый час вызванивающих меланхолическую мелодию. Вековая традиция связывает крепость и даже самое имя её с деспотизмом и страданиями. Тысячи, десятки тысяч народа, в большинстве случаев украинцы, легли костями здесь, закладывая фундамент бастионов на низком болотистом острове Ени-сари. С именем крепости не связано воспоминаний о какой-либо славной защите, слава её целиком покоится на тех мучениях, которые претерпевали заключенные в ней враги самодержавия.

В этой крепости Петр I мучил и пытал врагов новой военной империи, в которую он пытался насильственно обратить Россию. Здесь он приказал замучить пыткой своего сына Алексея, а может быть и умертвил его собственноручно, как утверждают некоторые историки. Сюда, во время царствования императриц, всемогущие царедворцы запрятавали своих личных врагов, заставляя многие семьи задумываться над вопросом: куда исчезли их родные? Утоплены ли они в Неве или

погребены заживо в каменных мешках крепости? Здесь были заключены герои первой и единственной открытой революции в Петербурге, декабристы, причем некоторые из них, как напр. Батенков, провели здесь двенадцать лет. Здесь был пытан и потом повешен Каракозов. И с тех пор целое поколение мужчин и женщин, воодушевленных горячей любовью к угнетенному народу, вдохновляемых идеями свободы, проникавшими с запада или выросшими на почве старых народных традиций, целое поколение идеалистической молодежи толпилось в стенах этой крепости, некоторые из них исчезая в ней навсегда, другие кончая свою жизнь на её глассисе – на виселице; для сотен других мрачная крепость была временным жилищем, откуда их тайком увозили в снежные пустыни Сибири. Целое поколение, на которое смотрели с надеждой, как на литературных и научных представителей России, было безцельно замучено и задушено! Сколько их томится в крепости и поныне? Какое унылое, мучительное существование влачат они там? Какова их дальнейшая судьба?.. Никто не может ответить на

эти вопросы. Чувство какого-то суеверного ужаса связано с самым представлением об этой колоссальной массе гранита, над которой развевается императорский штандарт. Такова наша Бастилия.

Крепость с её шестью бастионами и шестью куртинами, двумя рavelинами и обширным кронверком из красного кирпича, построенным в северной части Николаем I, занимает более ста десятин. Внутри её стен имеется масса различных помещений для арестантов всякого рода. Никто, кроме коменданта крепости, не знает их всех.[15].

Среди других зданий крепости возвышается трехэтажная постройка, которую одно время, шутя, называли «Петербуржским императорским университетом», так как сюда, после университетских беспорядков 1861 года, отправили сотни студентов. Масса молодых людей провели здесь несколько месяцев, прежде чем они были отправлены «в более или менее отдаленные губернии империи»; благодаря такой «царской милости» научная карьера их была, конечно, навсегда испорчена.

В крепости имеется так называемая Екатерининская куртина, выходящая на Неву; под её широкими амбразурами у гранитных стен, между двумя крепостными бастионами, растут сирени. Здесь, в 1864 году, был написан Чернышевским его знаменитый роман «Что делать?», который в свое время произвел целую революцию в отношении студенчества к женщинам, боровшимся за право приобрести научные познание наравне с мужчинами. Из глубины каземата этой куртины Чернышевский учил молодежь видеть в женщине не домашнего раба, а товарища и друга и урок этот не пропал даром.

Здесь же был заключен Д. И. Писарев, продолжатель работы Чернышевского. Лишенный возможности заниматься активной деятельностью на свободе, он продолжал ее в крепости: здесь им было написано одно из самых блестящих и популярных изложений «Происхождение видов». Таким образом были загублены два могучих таланта в то время, когда они достигли полной силы своего развития. Чернышевский был сослан в Сибирь, где его продержали двадцать лет, сначала в

рудниках, а потом, в течении тринадцати лет, в Виллюйске, крохотном городишке, расположенном у границ полярной области. Просьба об его освобождении, подписанная членами международного литературного конгресса, не произвела никакого впечатление. Русское правительство настолько боялось влияние Чернышевского в России, что разрешило ему возвратиться из Сибири и поселиться в Астрахани лишь тогда, когда о прежней литературной деятельности Чернышевского не могло быть и речи: здоровье великого писателя было в конец разрушено двадцатью годами жизни, полной лишений и нравственных страданий; жизни, бесплодно растроченной среди полудикарей. Сенатский суд над Чернышевским был в сущности лицемерной комедией; достаточно указать, что в числе доказательств его вины фигурировали его статьи, все из них пропущенные цензурой, и его роман, написанный в крепости. С Писаревым поступили еще проще, продержав его в крепости, пока сочли нужным... Он утонул несколько месяцев спустя после освобождения.

В течение 1870 и 1871 годов в куртинах находилась в заключении молодежь обоего пола, обвинявшаяся в принадлежности к кружкам Нечаева, которых лозунг был: «В народ!» Они учили русскую молодежь нести проповедь социализма в недра народных масс, разделяя в тоже время с народом его тяжелую трудовую жизнь. Но вскоре, уже в 1873 году, была открыта новая, более обширная и более надежная тюрьма в стенах крепости, а именно – Трубецкой бастион. С того времени Екатерининская куртина делается исключительно военной тюрьмой, предназначенной для петербургских офицеров, присужденных к заключению в крепостях за нарушение военной дисциплины. Политические же заключенные, содержащиеся до суда, помещаются в Трубецком бастионе. Обширные и высокие казематы куртины были переделаны, украшены и вообще сделаны более или менее комфортабельными. Так как они сообщаются с Трубецким бастионом, тут дают теперь свидание с родными тем немногим из заключенных, которые пользуются этой льготой. Тут же заседают специальные комиссии, произ-

водящие предварительные следствия по государственным процессам и выпытывают признание. Соловьев, повешенный в 1879 году, был, повидимому последним из «политических», сидевших в куртине. Впрочем, некоторых обитателей Трубецкого бастиона переводят на несколько дней в куртину, для того, — чтобы уединить их для каких-то неизвестных целей от остальных товарищей. Мне известен один такой случай, относящийся к Сабурову. Его увели в куртину и усыпили при помощи медикаментов, с целью его фотографировать... Так по крайней мере, сказали ему, когда он был приведен в сознание. Во всяком случае, Екатерининская куртина не играет больше роли политической тюрьмы. Трубецкой бастион, находящийся рядом, был перестроен для этой цели в 1872 году.

Здесь «политических» держат нередко по два, по три года, в ожидании решения различных тайных комиссий, которые могут отдать их под суд или же просто выслать в Сибирь «административным порядком», без всякого суда.

Трубецкой бастион, в котором мне при-

шлось провести более двух лет, не облечен более той тайной, которая его покрывала в 1873 году, когда он впервые был сделан домом предварительного заключения для политических. Семьдесят две камеры, в которых содержатся арестанты, занимают два этажа редута, пятиугольного здания с двором внутри; один из фасов этого здания занят квартирой заведующего бастионом и караульной комнатой. Камеры бастиона довольно обширны, каждая из них представляет из себя каземат со сводами, предназначенный для помещения большого крепостного орудия. Каждая имеет одиннадцать шагов (около 25 фут.) по диагонали, так что я мог ежедневно совершать семиверстную прогулку в моей камере, пока мои силы не были окончательно подорваны долгим заключением.

Света в них очень мало. Амбразура, заменяющая окно, почти тех же размеров, как окна обыкновенных тюрем. Но камеры помещены во внутренней части бастиона (т.е. в редуте) и окна выходят на высокие бастионные стены, находящиеся от них на расстоянии 15-20 фут. Кроме того, стены редута, долженству-

ющие противустоять ядрам, имеют почти пять футов толщины, и доступ света еще более преграждается двойными рамами с мелким переплетом и железной решеткой. Да и петербургское небо, как известно, не отличается ясностью. Камеры темны[16], – но все-таки в одной из них – правда, самой светлой во всем здании, – я написал два тома моей работы о ледниковом периоде и, пользуясь ясными летними днями, чертил карты, приложенные к этой работе. Нижний этаж очень темен, даже летом. Наружная стена задерживает весь свет и я помню, что, даже в ясные дни, было довольно затруднительно писать; в сущности заниматься работой можно было лишь тогда, когда солнечные лучи были отражаемы верхними частями обеих стен. Оба этажа всего северного фасада очень темны.

Пол в камерах покрыт крашеным войлоком; стены устроены особенным образом – они двойные; самые стены также покрыты войлоком, но на расстоянии около 5 дюймов устроена проволочная сетка, покрытая толстым полотном и оклеенная сверху желтой бумагой. Эта махинация придумана с целью –

помешать узникам разговаривать с соседями по камере, путем постукиваний по стене. В этих обитых войлоком камерах господствует гробовая тишина. Я знаю другие тюрьмы; в них внешняя жизнь и жизнь самой тюрьмы доходит до слуха заключенного тысячами разнообразных звуков, отрывками фраз и слов, случайно долетающих до него; там все же чувствуешь себя частицей чего-то живущего. Крепость же – настоящая могила. До вас не долетает ни единый звук, за исключением шагов часового, подкрадывающегося, как охотник, от одной двери к другой, чтобы заглянуть в дверные окошечки, которые мы называли «иудами». В сущности, вы никогда не бываете один, постоянно чувствуя наблюдающий глаз – и в тоже время вы все-таки в полном одиночестве. Если вы попытаете заговорить с надзирателем, приносящим вам платье для прогулки на тюремном дворе, если спросите его даже о погоде, вы не получаете никакого ответа. Единственное человеческое существо, с которым я обменивался каждое утро несколькими словами, был полковник, приходивший записывать несложные покуп-

ки, которые нужно было сделать, как напр., табак, бумагу и пр. Но он никогда не осмеливался вступить в разговор со мною, зная что за ним самим наблюдает надзиратель. Абсолютная тишина нарушается лишь перезвоном крепостных часов, которые каждую четверть часа вызванивают «Господи помилуй», каждый час – «Коль славен наш Господь в Сионе», и, в довершение, каждые двенадцать часов – «Боже, царя храни». Какофоние, производимая колоколами, постоянно меняющимися тон при резких переменах температуры, поистине – ужасна, и неудивительно, что нервные люди считают этот перезвон одной из мучительнейших сторон заключение в крепости.

Камеры отапливаются из коридора при помощи больших печей и температура всегда бывает очень высокой, очевидно с целью предотвратить появление сырости на стенах. Для поддержание подобной температуры, печи закрываются преждевременно, когда угли еще не успевают хорошо прогореть и, благодаря этому, узники нередко страдают от сильных угаров. Как большинство россиен, я при-

вык к довольно высокой комнатной температуре, но и я не мог примириться с такой жарой, а еще менее – с угаром и, лишь после долгой борьбы, я добился, чтобы мою печку закрывали позднее. Меня предупреждали, что в таком случае мои стены отсыреют, и, действительно, вскоре углы свода покрылись влагой, а обои на внешней стене отмокли, как будто их постоянно поливали водой. Но, так как мне приходилось выбирать между отсыревшими стенами и температурой бани, – я предпочел первое, хотя за это пришлось заплатить легочной болезнью и ревматизмом. Позднее мне пришлось узнать, что некоторые из моих друзей, сидевших в том же бастионе, были твердо убеждены в том, что их камеры каким-то образом наполняли удушливыми ядовитыми газами. Этот слух пользовался широким распространением и даже дошел до сведения иностранцев, живших в Петербурге; слух этот тем более замечателен, что не было жалоб на попытки отравление каким-либо другим путем, напр., при помощи пици. Мне кажется, что сказанное мною выше объясняет происхождение этого слуха: для

того, чтобы держать печи накаленными в течение суток, их закрывали очень рано и узникам приходилось каждый день задыхаться от угара. Лишь этим я могу объяснить припадки удушья, от которых мне приходилось страдать почти каждый день, и за которыми обыкновенно следовало полное изнеможение и общая слабость. Я избавился от этих припадков, когда добился, чтобы у меня совсем не открывали душника.

Когда комендантом крепости был генерал Корсаков, пища, в общем, была хорошего качества; не отличаясь особенной питательностью, она была хорошо приготовлена; позднее она сильно ухудшилась. Никакой провизии извне не допускали, нельзя было принести даже фруктов; исключение делалось только для колачей, которые подаются сострадательными купцами арестантам на Рождество и на Пасху, согласно старинному русскому обычаю, до сих пор еще сохранившемуся. Наши родные могли приносить нам только книги. Тем из заключенных, у которых не было родных, приходилось довольствоваться многократным перечитыванием

одних и тех же книг из крепостной библиотеки, в которой находились разрозненные томы, оставленные нам в наследство несколькими поколениями заключенных, начиная с 1826 года. Пользование свежим воздухом было доведено до возможного минимума. В течение первых шести месяцев моего заключения, я пользовался 30-40 минутной прогулкой каждый день; но позднее, когда число заключенных в нашем бастионе возросло почти до 60 человек, в виду того, что для прогулок был отведен лишь один тюремный двор и сумерки зимой под 60° широты наступают уже в 4 часа вечера, нам давали лишь 20 минут на прогулку через день летом и дважды в неделю зимою. Нужно прибавить, что благодаря тяжелым аммиачным парам, выходящим из трубы монетного двора, возвышающейся над нашим двориком, и падавшим в него при восточном ветре, – воздух бывал иногда совершенно отравлен. Я не мог тогда переносить постоянного кашля солдат, которым целый день приходилось вдыхать этот ядовитый дым, и обыкновенно просил, чтобы меня увели обратно в мою камеру.

Но все эти неудобства были мелочными в наших глазах и никто из нас не придавал им особенного значение. Все мы прекрасно сознавали, что от тюрьмы нельзя ожидать многого и что русское правительство никогда не проявляло нежности к тем, кто пытался свергнуть его железное иго. Больше того, мы знали что Трубецкой бастион это – дворец, да, дворец, по сравнению с теми тюрьмами, в которых ежегодно томятся сотни тысяч наших соотечественников, подвергаясь тем ужасам, о которых я писал выше.

Короче говоря, материальные условия заключение в Трубецком бастионе не были особенно плохи, хотя в общем, конечно, они были достаточны суровы. Не должно забывать, что, по меньшей мере, половина сидевших в крепости попали туда просто по доносу какого-нибудь шпиона, или за знакомство с революционерами; не должно забывать также и того обстоятельства, что значительная их часть, пробыв в заключении 2-3 года, не бывали даже предаваемы суду, а если и попадали под суд, то бывали оправдываемы (как, напр., в процессе 193-х) и вслед за тем высылались

«административным порядком» в Сибирь или в какую-либо деревушку на берегах Ледовитого Океана. Следствие ведется втайне и никому не известно, сколько времени оно займет; не известно – какие законы будут применены: – общегражданские или законы военного времени, и что ожидает заключенного; его могут оправдать, но могут и повесить. Защитник не допускается во время следствия; запрещается даже разговор или переписка с родными об обстоятельствах, поведших к аресту. В течение всего бесконечно длинного периода следствия узникам не дают никакой работы. Перо, чернила и карандаш строго воспрещены в стенах бастиона; для писанья дают только грифельную доску, – и когда совет Географического Общества хлопотал о разрешении мне окончить одну научную работу, его пришлось добывать у самого императора. Особенно тяжело отзывается эта, тянущаяся иногда годами, вынужденная бездеятельность на рабочих и крестьянах, которые не могут читать по целым дням: вследствие этой причины наблюдается большой процент психических заболеваний. В запад-

но-европейских тюрьмах, двухлетнее-трехлетнее одиночное заключение считается серьезным испытанием, могущим повести к безумию. Но в Европе арестант занимается какой-либо ручной работой в своей камере, ему не только разрешается читать и писать, но ему дают все необходимые инструменты для выполнения какой-нибудь работы. Его жизнь не сводится исключительно к деятельности одного воображение; его тело, его мускулы также бывают заняты. И все же компетентные наблюдатели принуждены, путем горького опыта, убедиться в том, что двухлетний-трехлетний период одиночного заключение черезчур опасен. В Трубецком бастионе чтение было единственным разрешенным занятием; но даже чтение не дозволялось приговоренным к заключению в Алексеевском рavelине.

Даже немногие «послабление», допущенные теперь во время свиданий с родными, были добыты тяжелой борьбой. Вначале свидание с родными рассматривалось не как право заключенного, а как милость со стороны начальства. Со мною случилось однажды,

после ареста моего брата, что я не видел никого из моих родных в течение трех месяцев. Я знал, что мой брат, с которым меня связывали узы более чем братской любви, был арестован. Письмом в несколько строк меня извещали, что относительно всего, касающегося издание моей работы, я должен обращаться к другому лицу и я догадывался о причине, т. е. об аресте брата. Но в течение трех месяцев я не знал, за что его арестовали; не знал, в чем его обвиняют; не знал, какая судьба ждет его. И, конечно, я не пожелаю никому в мире провести три таких месяца, какие провел я, совершенно лишенный вестей о всем происходящем за стенами тюрьмы. Когда мне, наконец, разрешили свидание с моей сестрой, ей строго запретили говорить мне что-нибудь о брате, в противном случае ей угрожали не давать больше свиданий со мной. Что же касается до моих товарищей, то многие из них никого не видели за все 2-3 года заключение. У некоторых не было близких родных в Петербурге, а свидание с друзьями не разрешались; у других родные были, но такие, которые подозревались в знакомстве с социалистами и

либералами, а потому считались недостойными такой «милости», как свидание с арестованным братом или сестрой. В 1879 и 1880 годах свидание с родными были разрешаемы каждые две недели. Но должно помнить, как было добыто это расширение прав. Оно было завоевано тяжелой борьбой, путем знаменитой голодной стачки, во время которой некоторые заключенные в Трубецком бастионе, в течение 5-6 дней, отказывались принимать какую бы то ни было пищу, отвечая физическим сопротивлением на все попытки искусственного кормления. Позднее, впрочем, это, с таким трудом завоеванное, право было опять отнято, число свиданий очень сильно сокращено и введена опять железная дисциплина.

Особенно возмутительны методы, употребляемые при ведении тайных дознаний: следователи пускаются на самые бесстыдные уловки, чтобы вырвать неосторожное признание у арестованного, в особенности, если он не вполне владеет своими нервами. Мой друг Степняк дал в своих работах несколько образчиков подобного обращения с арестованными.

ми; массу примеров можно также найти в различных номерах «Народной Воли». Следователи не щадят даже святых материнских чувств. Если у арестованной рождается дитя, – крошечное создание, увидевшее свет в прочном каземате, – у матери отбирали ребенка и грозили не отдать его до тех пор, пока мать «не пожелает быть более искренней», т.е., другими словами, выдать своих товарищей. Ей приходится отказываться несколько дней от пищи или покушаться на самоубийство, чтобы ей отдали ребенка... Если допускаемы подобные возмутительные надругательства над лучшими человеческими чувствами, стоит ли говорить о различных мелких мучительствах того же рода? И все же, худшее выпадает, обыкновенно, не на долю заключенных, а тех, которые находятся за стенами тюрьмы, тех, вся вина которых – в горячей любви к их арестованным дочерям, братьям и сестрам! Самые возмутительные методы застрачивание, – жестокие и вместе с тем утонченные, – практикуются наемниками самодержавия по отношению к родным арестованных, и я должен признать, что обра-

зованные прокуроры, состоящие на службе государственной полиции, бывают хуже ма-лограмотных жандармских офицеров и чиновников III Отделение.

Понятно, что постоянные попытки на самоубийство, – иногда при помощи осколка стекла из разбитого окна, или головок фосфорных спичек, тщательно собираемых и скрывааемых в течение нескольких месяцев, или путем самоповешение на полотенце, – такие попытки являются необходимым последствием. Из обвинявшихся по большому процессу 193-х, 9 человек сошло с ума и 11 покушалось на самоубийство. Я встретился с одним из них после его освобождение. Он покушался раз шесть, а теперь, умирает в больнице во Франции.

И все же, если вспомнить слезы, проливаемые по всей России, в каждой глухой деревушке, в связи с судьбой сотен тысяч арестантов, если вспомнить об ужасах наших островов и центральных тюрем, о солеварнях в Усть-Куте, о золотых рудниках Сибири, то пропадает всякая охота говорить о страданиях небольшой кучки революционеров. Я бы и

не стал говорить о них, если бы защитники русского правительства не вздумали искажать фактов.

У русского правительства есть нечто гораздо худшее для политических заключенных, чем содержание в Трубецком бастионе. Вслед за процессом «шестнадцати» (в ноябре 1880 г.), в Европе с удовольствием узнали, что из пяти осужденных на смерть, трое были помилованы царем. Теперь мы знаем настоящее значение этого помилование. Вместо того, чтобы, согласно закону, быть высланными в Сибирь или в центральную тюрьму, они были посажены в Трубецкой рavelин[17] (в западной части Петропавловской крепости). Казематы эти были настолько мрачны, что лишь в течение двух часов в сутки в них можно было обходиться без свечей; со стен так текло, что «на полу образовывались лужи». «Не только не давали книг, но запрещалось все, что могло каким-либо образом служить развлечением. Зубковский сделал себе из хлеба геометрические фигуры, с целью повторить курс геометрии; они были немедленно отобраны, при чем смотритель заявил, что ка-

торжникам „не может быть дозволено подобное развлечение“». С целью сделать заключение еще более невыносимым, в камеру ставился жандарм или солдат. Жандарм не спускал глаз с заключенного и стоило последнему посмотреть на что-либо, как он тотчас бросался расследовать предмет внимания. Таким путем ужасы одиночного заключения удесятрялись. Самый спокойный человек начинал ненавидеть шпиона, следившего за каждым его движением, взглядом – и доходил до бешенства. Малейшее неповиновение наказывалось побоями и темным карцером. Все, подвергнутые такому режиму, вскоре заболели. Ширяев, после года заключения, нажил чахотку; Окладский – крепкий, здоровый рабочий, которого замечательная речь на суде была напечатана в Лондонских газетах, сошел с ума; Тихонов, тоже крепкий человек, заболел цынгой и не мог даже подняться на кровати. Таким образом, несмотря на «помилование», все трое, в течение одного года, очутились на краю могилы. Из пяти остальных, осужденных на каторжные работы, двое – Мартыновский и Цукерман – сошли с ума и в таком со-

стоянии их постоянно сажали в карцер, так что, наконец, Мартыновский сделал покушение на самоубийство.

В тот же рavelин посадили еще нескольких других – и результаты неизменно бывали всегда одни и те же: их быстро доводили до могилы. Летом 1883 г. правительство решилось смягчить участь некоторых, послав их на каторгу в Сибирь. Двадцать седьмого июля 1883 г, их привезли в тюремных вогонах в Москву и двое случайных свидетелей, которым удалось видеть их, дали потрясающее описание того состояния, в котором находились бывшие узники Петропавловской крепости. Волошенко, весь покрытый цынготными язвами, не мог двигаться. Его вынесли из вогона на носилках. Прибылев и ?омин упали в обморок, когда их вынесли на свежий воздух. Павел Орлов, также пострадавший от цынги, с трудом мог ходить. «Он весь согнут в дугу и одна нога совершенно скорчена», – говорит очевидец. «Татьяна Лебедева судилась и была приговорена к смерти, но потом помилована – на вечную каторгу. Ей, впрочем, все равно, к скольким годам ее ни приговорили, так

как долго она уже не проживет и так. Скорбут развился у неё ужасно: десен совсем нет и челюсти обнажены. При том же, она в последних градусах чахотки... За Лебедевой показалась Якимова (Кобозева) с полуторогодовалым ребенком на руках. На ребенка этого нельзя взглянуть без жалости: он, кажется, ежеминутно умирает. Что касается самой Якимовой, она не пострадала особенно ни физически, ни нравственно и, несмотря на ожидающую ее вечную каторгу, всегда спокойна. Остальные питерцы чувствовали себя настолько лучше, что способны были сами перейти из вогона в вогон... Что касается Мирского, то на нем одном совсем не видно следов четырех-летнего пребывания в Петропавловской крепости. Он только заметно возмужал»[18]. Мирскому, впрочем, было в то время всего 23 года.

Но, даже среди этих полутрупов, скольких недоставало из числа тех товарищей, которые судились одновременно с ними! Сколько из них осталось погребенными в Трубецком равелине? С тех пор, как прямые сношение с крепостью прервались, неизвестно ничего о

происходящем в равелине, и лишь ужасные слухи о позорном насилии ходили по Петербургу, при чем на это насилие указывали, как на причину смерти Людмилы Терентьевой.

Мы не исчерпали всех ужасов... Остается рассказать еще об *oubliettes* алексеевского равелина. Четыре года тому назад, некоему м-ру Лансделлю позволили заглянуть в два каземата Трубецкого бастиона и он вслед за тем торжественно отрицал в английской печати самое существование полуподземных казематов Трубецкого равелина, которые были описаны в «Times'e». М-р Лансделль задавал вопрос: «Куда же девались все эти „cachots“, „oubliettes“, и темные казематы Петропавловской крепости, о которых нам столько говорили?» Я тогда ответил на этот вызов следующим образом:

«Я не буду отрицать существование „oubliettes“ в крепости, хотя бы уже потому, что даже в настоящее время в России исчезают люди так бесследно, что никто не может дознаться места их пребывания. В виде примера, я укажу на Нечаева. Он убил в Москве шпиона, убежал в Швейцарию и был выдан

федеральным советом с тем условием, что русское правительство отнесется к Нечаеву, как к обыкновенному уголовному преступнику, а не как к своему политическому врагу. Судом присяжных в Москве он был приговорен к каторжным работам и после всякого рода истязаний, о которых я говорю в другом месте, – он *исчез*. Согласно закону, он должен бы находиться в настоящее время на Каре, или на Сахалине или в одной из каторжных колоний Сибири. Но мы знаем, что в 1881 г. его не было ни в одном из этих мест. Где же он? В прошлом году ходил слух, что ему удалось убежать из крепости, но слух этот не подтвердился; и я имею некоторые причины предполагать, что он два года тому назад находился, – а может быть и теперь находится, – в одном из крепостных казематов. Я не утверждаю, что с ним там плохо обращаются; напротив, я предполагаю, что он, подобно всем другим политическим заключенным, успел завоевать симпатии своих тюремщиков, и я надеюсь, что он помещен в удобообитаемой камере. Но ведь он имеет право быть теперь в Сибири и пользоваться сравнительной свобо-

дой в карийской вольной команде, вблизи рудников. У него имеются родные и друзья, которым хотелось бы узнать, наконец: жив ли он и если жив, то где находится? И я спрашиваю, в свою очередь, м-ра Лансделля: достаточно ли он уверен в справедливости того, что ему сказали о крепости люди, разрешившие ему осмотр крепости и уполномочивает ли он нас написать друзьям Нечаева, что в крепости нет никаких „oubliettes“ и что они должны искать его в каком-либо другом месте?»[19]

Конечно, как и следовало ожидать, вопрос мой остался без ответа, но с тех пор само русское правительство признало существование «oubliettes» в крепости, предоставляя своим английским восхвалителям выпутываться из этого противоречия, как им заблагорассудится. Правительство отдало под суд солдат за доставку писем именно в эти «oubliettes» алексеевского равелина!

В 1882 восемнадцать человек солдат, состоявших на карауле в алексеевском равелине, были преданы военному суду, вместе с студентом медицины, Дубровиным[20]. Солдаты

обвинялись в том, что они тайно передавали письма трех заключенных в рavelине студенту Дубровину и обратно. Обвинительный акт, подписанный военным прокурором, полковником Масловым, был напечатан целиком [21]; приговор суда был опубликован в петербургских газетах. Из обвинительного акта видно, что в 1881 г. в рavelине содержались четыре человека. В тексте акта они не поименованы: прокурор упоминает о них, как об арестантах, занимающих камеры № 1, № 5, № 6 и № 13. До ноября 1879 г., – говорится в акте, – в рavelине было лишь два государственных преступника: в камерах № 5 и № 6. В ноябре был привезен третий арестант, которого поместили в камере № 1, а в следующем году (19 ноября 1880 г.) – четвертый, занявший камеру № 13. Этот последний арестант, – как видно из вышеупомянутого официального документа, – был Ширяев. Солдаты, между прочим, обвинялись в том, что они вели разговоры «преступного содержания» с арестантом № 5; что они передавали письма арестантов №№ 1, 5 и 13 друг к другу и, что, со времени прибытия последнего (№ 13), они начали

носить письма из равелина к студенту Дубровину и приносить в равелин периодические издание, письма и деньги, которые они передавали трем из находившихся в равелине арестантов.

Разговоры «преступного содержания», которые солдаты вели с арестантом № 5, приведены в обвинительном акте, по показанием самих солдат во время предварительного следствия; и, очевидно, что разговоры эти крепко засели в памяти солдат. «Солдат и мужиков, – говорил № 5 – теперь обижают, но скоро настанет другое время...» и т. д.

№ 5, – как мы знаем теперь, – был никто иной, как Нечаев. Печатаемая глубоко интересный официальный документ, отрывки из которого мы привели выше, «Вестник Народной Воли» привел также несколько писем, полученных Исполнительным Комитетом от Нечаева. Теперь, значит, можно с уверенностью сказать, что русское правительство, давшее швейцарской республике при выдаче Нечаева торжественное обещание в том, что последний будет рассматриваем лишь в качестве уголовного преступника, – сознательно и

преднамеренно лгало. К Нечаеву никогда не относились как к простому уголовному преступнику. Московским судом он был приговорен к каторжным работам, а не к заключению в крепости. Но он не был послан ни в Сибирь, ни в одну из каторжных тюрем. Немедленно после осуждения он был замурован в Алексеевском равелине и оставался там с 1874 г. Официальный документ – обвинительный акт – прямо именует его *«государственным преступником»*.

Какова была судьба Нечаева в равелине? Теперь известно, что правительство дважды делало Нечаеву предложение – «дать откровенные показания»; первый раз – через графа Левашова и второй – через генерала Потапова. Нечаев с негодованием отказался. Предложение, сделанное генералом Потаповым, было настолько возмутительно и по форме и по содержанию, что Нечаев ответил на него полновесной пощечиной могущественному са-трапу Александра II. Нечаева за это страшно избили, надели оковы на руки и ноги, и приковали цепями к стене каземата. В конце 1881 г. он написал, употребляя вместо пера свой

ноготь и вместо чернил – собственную кровь, письмо к Александру III, – заметим, кстати – очень скромное письмо, в котором он указывал на его незаконное заключение в крепости... Это письмо, копия которого была сообщена Нечаевым Исполнительному Комитету и которое было позднее напечатано в «Вестнике Народной Воли», было отдано Нечаевым лицу, случайно проходившему под окнами его каземата, во время каких-то починок в рavelине; комендант крепости никогда не заходил в камеру Нечаева, а смотритель рavelина, конечно, не передал бы подобного письма по назначению.

Начиная с лета 1882 г. нет прямых сведений от самого Нечаева. В декабре 1882 г. ходили слухи, что он, не выдержав постоянных придирок, сделал какую-то сцену зрителю и был за это страшно избит, а, может быть, даже и высечен; опять-таки по слухам, спустя несколько дней он покончил с собой. Единственным достоверным известием является лишь то, что 5 или 8 декабря один из заключенных в рavelине – умер. Исполнительный Комитет счел Нечаева умершим и в конце

1883 г. опубликовал выдержки из его писем. Но, может быть, он и до сих пор жив.

Другой из узников Алексеевского рavelина – Ширяев – умер 16 сентября 1881 года. Когда заключенных перестали пускать гулять и заколотили их окна (результат попытки Нечаева передать письмо) и даже душники, у Ширяева быстро развилась чахотка. Нечаев сообщал, что Ширяев умер в состоянии странного возбуждение и предполагал, что его отравили каким-то возбуждающим средством, данным ему для того, чтобы выпытать у него какие-то сведения. Предположение это весьма вероятно. Ведь давали же какие-то усыпляющие средства Сабурову, с целью, как говорили эти изверги, – «фотографировать его». Можем, ли мы быть уверены, да уверен ли и сам Сабуров, что в роли «усыпляющего средства» фигурировал лишь хлороформ или опий? Люди, скрывающие свои позорные деяние под покровом тайны, не остановятся ни перед чем.

Но кто же были узники № 1 и № 6? № 1 был, – вероятно, – террорист. Что же касается № 6, то он не обменивался письмами с осталь-

ными тремя заключенными и мы знаем о нем лишь из писем Нечаева. Это – некто Шевич – офицер, академик, доведенный крепостью до потери рассудка, крики которого были слышны всем проходящим у стен рavelина. В чем заключалась его вина? Он не был политическим преступником; он не принадлежал ни к какой революционной организации; даже имя его неизвестно революционерам. В чем же, однако, его вина?

.....

Мы не имеем никаких достоверных сведений. Но история с Шевичем должна быть известна в Петербурге, и рано или поздно, правда обнаружится. Мы уверены лишь в одном, а именно, что Шевич не был политическим преступником и не был замешан ни в какое политическое дело, начиная с 1860 года. Он был доведен до безумия в Алексеевском рavelине, в виде наказания за какой-то проступок иного характера.

Являются ли «oubliettes» Алексеевского рavelина единственными в России? – Конечно нет. Кто знает, сколько их может быть в других крепостях, но мы знаем теперь наверное

об «oubliettes» Соловецкого монастыря, расположенного на одном из островов Белого моря.

В 1882 г. мы с чувством громадной радости прочли в петербургских газетах, что один из узников, просидевший в Соловецком каземате *пятнадцать лет*, выпущен, наконец, на свободу. Я имею в виду Пушкина. В 1858 г. он пришел к заключению, что учение православной веры не соответствует истине. Он изложил свои идеи в форме книги и схематических рисунков; дважды, в 1861 и 1863 гг., ездил в Петербург, где обратился к церковным властям с просьбой опубликовать его работу. — «Мир», — говорил Пушкин, — «погряз в грехах; Христос не вполне совершил его спасение, для этого должен придти новый Мессия». Подобные идеи повели в 1866 г. к его аресту и высылке, в сопровождении двух жандармов, в Соловецкую тюрьму, конечно, без всякого следствия и суда. Там его посадили в темную и сырую камеру, в которой продержали пятнадцать лет. У него была жена, но ей в течение 14 лет не разрешали повидаваться с мужем, т.е. вплоть до 1881 года. Лорис-Меликов, очутившийся в роли диктатора

после взрыва в Зимнем Дворце, дал ей разрешение, а до того времени Пушкина держали как государственного преступника в строжайшем секрете. Никому не было разрешено входить в его каземат за все это время, кроме архимандрита монастыря: лишь в виде исключения, однажды в каземат был допущен известный путешественник Г. Диксон. Пругавин, который был чиновником при архангельском губернаторе, посетил Пушкина в 1881 г. Последнему, во время визита Пругавина, было уже 55 лет и он сказал своему посетителю: «Я не знаю, в чем моя вина и не знаю, как оправдаться. Мне говорят: – „Присоединись к церкви, отрекись от своих ересей и тебя освободят“. – Но как я могу сделать это? Я пожертвовал всем ради моих убеждений: имуществом, семейным счастьем, целой жизнью... Как я могу отречься от моих убеждений? Лишь время покажет, был ли я прав, как я надеюсь. А если я был неправ, если то, во что я верил, лишь казалось мне правдой – тогда пусть эта тюрьма будет моим гробом!»! В 1881 г., как мы сказали выше, жене Пушкина было разрешено свидание с ним, и она вслед

за тем немедленно отправилась в Петербург – хлопотать об его освобождении. К этому времени Пругавин успел рассказать об этой ужасной истории в одном журнале и нескольких газетах. Пресса заговорила о «милосердии» и Пушкина освободили; но – его держали пятнадцать лет в «oubliette»[22].

Был ли Пушкин единственным лицом, которое мучили подобным образом? Не думаю. Около 15 лет тому назад, один из моих друзей, немецкий геолог Гёбель, «открыл» в Соловках одного артиллерийского офицера, находившегося в положении Пушкина. Мы делали всевозможные попытки в Петербурге, обращались к различным влиятельным лицам с целью добиться его освобождение. В его судьбе удалось заинтересовать даже одну из великих княгинь. Но все наши хлопоты и усилия не повели ни к чему и, может быть, несчастный до сих пор томится в «тюрьме», если только он не умер.

Надо заметить, впрочем, что последнее время русскому правительству не везет с его «oubliettes». Прежде, если кто-нибудь переступал сводчатую арку крепости, в сопровожде-

нии двух жандармов, он, обыкновенно, бесследно исчезал. Десять, двадцать лет могло пройти и об исчезнувшем не было ничего известно, за исключением слухов, передававшихся под большим секретом в семейном кружке. Что же касается тех, кто имел несчастье попасть в Алексеевский рavelин, – русские самодержцы были твердо уверены, что никакой слух о постигшей узников судьбе не просочится сквозь гранитные стены крепости. Но положение дел с тех пор сильно изменилось, и, может быть, эта перемена лучше всего указывает, насколько упал престиж самодержавия. По мере того, как росло число врагов существующего режима, росло и число заключенных в крепости, пока не достигло такого количества, которое сделало невозможным погребение узников заживо, как это практиковалось с их предшественниками. Самодержавию пришлось пойти на уступки общественному мнению; правительство нашло невозможным предавать смертной казни или ссылать на всю жизнь в Сибирь всех тех, кто был когда-либо заключен в крепости. Некоторые из них в конце концов были высланы в

«менее отдаленные места империи», как напр. в Колу, и ухитрились бежать оттуда. Один из таких беглецов рассказал в европейской прессе историю своего заключения.[23] Да и самая крепость мало по малу потеряла свой таинственный характер. Ряд казематов Трубецкого бастиона был построен в 1873 г. Я был одним из первых постояльцев, попав туда в начале 1874 г. Тогда бастион, действительно, был могилой. Ничего, кроме тщательнейшим образом просмотренных писем, не выходило из него. Нас, заключенных, было всего шесть человек на 36 камер верхнего этажа, так что друг от друга нас отделяли 4-5 камер. Пять солдат караулили корридор, значит, на дверь каждой камеры приходилось почти по солдату, причем за каждым солдатом, в свою очередь, следил недавно произведенный унтер-офицер, следил со всею ревностью новичка, желающего выслужиться. Понятно, что, при таких условиях, никакие сношение между заключенными не были возможны; еще менее были возможны подобные сношение с внешним миром. Эта система была лишь тогда заведена и работала безукориз-

ненно: взаимное шпионство было доведено до такого совершенства, как будто это был иезуитский монастырь.

Но не успело пройти и двух лет, как система начала портиться. Начальство убедилось, что революционеры, – какими-то неведомыми путями, – оказываются осведомленными обо всем, происходящем в Трубецком бастионе. В крепости не удерживались больше государственные секреты. При немногих свиданиях, начальством принимались самые строжайшие предосторожности. В конце 1875 г. нам даже не позволяли близко подходить к пришедшим на свидание родным: между ними и нами всегда находился полковник бастиона и жандармский офицер. Позднее, как мне говорили, была введена железная решетка и другие «последние слова цивилизации». Но все эти предосторожности ни к чему не повели и, по словам моего друга Степняка, из бастиона получалась масса писем.

Был приспособлен ряд казематов, в которых, в течении многих лет, не были помещаемы арестанты (так называемые испытательные камеры Трубецкого рavelина). Прави-

тельство надеялось, что в этих камерах оно может похоронить заживо своих врагов и что теперь уж об их судьбе никто не узнает. Но какими-то путями письма успевали проникать даже сквозь толстые стены рavelина. Мало того, – эти письма публиковались в революционной прессе. Таким образом, обнаружались тайны одного из самых секретных уголков крепости. Еще позднее некоторые из заключенных в вышеуказанных казематах увидели, в конце концов, свет божий. Весьма вероятно, что сначала правительство думало держать их замурованными в рavelине в течение двенадцати-двадцати лет, т.е. весь срок каторги, на который они были осуждены, а, может быть, и в течение всей их жизни. Но, опять-таки, в страшный рavelин попадала такая масса народа и узники умирали или сходили с ума в нем с такою быстротою, что пришлось оставить первоначальный план, и когда многие из заключенных были уже на краю могилы, – выслать их в Сибирь.

Но все же в крепости имелись «oubliettes», откуда не проникала никакая весть, может быть, с того времени, как они были постро-

ны. Я имею в виду, конечно, Алексеевский рavelин, эту государственную тюрьму par excellence, немую свидетельницу стольких преступлений русского правительства. Всякий в Петербурге знаком с её страшным именем. Правительство считало этот рavelин самым надежным местом и в нем содержалось всего два человека. Но, как читатели видели, лишь только в рavelине оказалось вместо двух – четыре заключенных, немой рavelин начал выдавать свои тайны. Караульные солдаты попали под суд. Но кто поручится, что новые солдаты, назначенные на место прежних, не будут передавать писем из рavelина?

Вслед затем правительство... возстановило тюрьму в Шлиссельбурге[24].

В 60 верстах от Петербурга, при истоке Невы из Ладожского озера, стоит эта мрачная крепость на одиноком острове. Вокруг неё расположен маленький заброшенный городок, за всеми жителями которого легко следить, – так что целые годы могут пройти, прежде чем революционеры смогут найти какие-либо пути для сношения с крепостью и для пропаганды в её пределах. Таким обра-

зом, русское правительство, настолько нуждающееся в средствах, что оно не может истратить каких-нибудь 10.000 руб. для починки сгнивших и разваливающихся зданий Карийской тюрьмы, не задумалось истратить 150.000 руб. для приспособление Шлиссельбургской крепости в новую государственную тюрьму, куда будут посылаемы наиболее энергичные революционеры, приговариваемые к каторжным работам. Судя по израсходованным деньгам, можно бы подумать, что новая тюрьма, по удобствам и роскоши, представляет нечто в роде дворца; но дело в том, что деньги расходовались не столько в целях удобства арестантов, сколько на приспособление для тщательнейшего надзора за ними и на предотвращение каких-либо попыток их сношение с внешним миром.

Кто был послан туда? Нам известно около дюжины имен, но сколько там заключенных – никто не может сказать. Какова будет их дальнейшая судьба? Опять-таки никому неизвестно. Не попытаются ли утопить их там? Может быть... Или их расстреляют одного за другим, «за нарушение тюремной дисциплины».

плины», как расстреляли Минакова, или полковника Ашенбреннера[25], который был «помилован» и был послан в Шлиссельбурге лишь для того, чтобы его там тайком расстреляли! Или их оставят в покое, ожидая, пока они, один за другим, перемерут, снедаемые цынгой и чахоткой? Возможно и это. Никто до сих пор не знает дальнейшей судьбы Шлиссельбургских узников. Скрытые за толстыми стенами крепости, тюремщики и придворные могут делать с заключенными, что им заблагорассудится, – пока не настанет день русского «14-го июля», который сметет с лица земли и эти позорные тюрьмы и позорящих мир тюремщиков.

Глава IV. Отверженная Россие На пути в Сибирь

Сибирь, страна изгнание, – всегда являлась в представлении европейцев страной ужасов, страной цепей и кнута, где арестантов за-секают на смерть жестокие чиновники или убивают непосильной работой в рудниках, страной, в которой народные массы стонут от невыносимых страданий и в которой враги русского правительства подвергаются страшным преследованием. Наверное каждый, кто пересекал Уральские горы и останавливался на водоразделе, где стоит столб, с надписью «Европа» на одной стороне и «Азия» на другой, – не мог побороть чувства некоторого ужаса, при мысли, что он вступает в страну скорбей... Многие путешественники, вероятно, думали про себя, что цитата из Дантовского «Ада» была бы более уместна на этом пограничном столбе, чем вышеприведенные слова, которые претендуют разграничить два материка.

Но, по мере того, как путешественник

спускается ниже к роскошным степям Западной Сибири; по мере того, как он наблюдает сравнительную зажиточность и вместе с тем независимость сибирских крестьян и сравнивает эти черты их быта с нищетой и рабским положением крестьян в России, – он начинает задумываться, знакомясь с гостеприимством «сибиряков», которых он считает бывшими каторжниками, а также с интеллигентным обществом сибирских городов, и не видя в то же время никаких признаков ссылки, не слыша о ней ни слова в повседневных разговорах, или же лишь в форме хвастливого заявления «сибиряка», – этого восточного янки, что ссыльным в Сибири живется лучше, чем крестьянам в России, – путешественник склонен бывает подумать, что его прежние представления о великой ссыльной колонии были несколько преувеличены и, что, в конце-концов, ссыльным, может быть, и не так плохо в Сибири, как об этом говорили сантиментальные писатели.

Многие путешественники по Сибири, – и не одни лишь иностранцы, – впадали в подобную ошибку. Лишь какая-нибудь случай-

ность: встреча с арестантской партией, тяну-щейся по невылазной грязи, под проливным осенним дождем, или возстание поляков по круго-байкальской дороге, или встреча с ссыльным в якутских дебрях, в роде описанной с такой теплотой Адольфом Эрманом в его «Путешествиях», – лишь одно из подобных случайных обстоятельств может натолкнуть путешественника на размышление и помочь ему раскрыть истину, трудно замечаемую, благодаря официальной лжи и обывательской индифферентности; повторяем, обыкновенно лишь такие случайности открывают глаза путешественнику и он начинает видеть ту бездну страданий, которая скрывается под этими простыми тремя словами: *ссылка в Сибирь*. Тогда он начинает понимать, что, помимо официальной истории Сибири, имеется другая, глубоко печальная история, страницы которой, со времени завоевание Сибири и до настоящего времени, написаны кровью и повествуют о бесконечных страданиях. Тогда он узнает, что как ни мрачно народное представление о Сибири, но все-таки светлее ужасающей действительности;

он видит, что потрясающие рассказы, которые ему приходилось слышать давно, еще во времена детства, и которые он считал принадлежащими к области давно минувшего, являются лишь слабым воспроизведением того, что совершается каждый день, теперь, в настоящем столетии, которое так много говорит о гуманитарных принципах и так мало их применяет.

Эта история уже тянется в продолжении трех столетий. Как только московские цари узнали, что их вольные казаки завоевали новую страну «за Камнем» (как тогда называли Урал), они начали посылать туда партии ссыльных. Казаки расселили этих ссыльных по рекам и тропам, проложенным между сторожевыми башнями, которые постепенно, в течении 70 лет, были построены от устьев Камы до Охотского моря. Где вольные поселенцы не хотели селиться, там закованные колонисты должны были вступать в отчаянную борьбу с дикой природой. Что же касается до тех, кого московские цари считали самыми опасными врагами, то их мы находим среди самых заброшенных казачьих отрядов, по-

сланных «за горы разъискивать новые землицы». Никакое расстояние не казалось боярам достаточным, чтобы отделить этих врагов от царской столицы. И как только выстраивался самый маленький острожок или воздвигался монастырь, где-нибудь, на самом краю царских владений, – за полярным кругом, в тундрах Оби, или за горами Даурии, – и ссыльные были уже там и собственными руками строили башни, которые должны были стать их могилами.

Даже теперь Сибирь, с её крутыми горами, с её непроходимыми лесами, бешеными реками, и суровым климатом осталась одной из самых трудно доступных стран. Легко представить, чем она была три века тому назад. И теперь Сибирь осталась тою областью русской империи, где произвол и грубость чиновников безграничны. Каково же было здесь в XVII столетии? «Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, пытки жестокие, огонь да встряска, – люди голодные: лишь станут мучить, ан и умрет», – писал протопоп Аввакум, поп старой веры, который шел с од-

ной из первых партий, посланною на Амур. – «Долго ли муки сея, протопоп, будет»? – спрашивала его жена, упав от изнеможения на льду реки после путешествия, которое тянулось уже пятый год. – «До самой смерти, Марковна, до самой смерти», – отвечал этот предшественник людей с железными характерами нашей эпохи; и оба, и муж и жена, шли в дальнейший путь, в конце которого протопоп будет прикован цепями к стене мерзлой ямы, вырытой его собственными руками.

Начиная с XVII века поток ссыльных, направлявшихся в Сибирь, никогда не прерывал своего течения. В первые же годы в Пелым ссылаются жители Углича, вместе со своим колоколом, который бил в набат, когда разнеслась весть, что царевич Димитрий предательски убит по приказу Бориса Годунова. И люди, и колокол были сосланы в глухую деревушку на окраине тундры. И у людей и у колокола были вырваны языки и оторваны уши. Позднее вслед за ними идет бесконечный ряд раскольников, взбунтовавшихся против аристократических нововведений Николая в управление церковью. Те из них, кото-

рые не погибли во время массового избиение в России, шли населять сибирские пустыни. За ними вскоре последовали массы крепостных, пытавшиеся сбросить недавно наложенное на них ярмо; вожди московской черни, взбунтовавшейся против боярского правление; стрельцы, возставшие против всеокрушающего деспотизма Петра I; украинцы, борющиеся за автономию своей родины и её древние учреждение; представители различных народностей, не хотевших подчиниться игу возникающей империи; поляки, ссылаемые десятками тысяч одновременно после каждой неудачной попытки возстание и сотнями ежегодно за проявление неуместного, по мнению русского правительства «патриотизма». Наконец, позднее, сюда попадают все те, кого России боится держать в своих городах и деревнях – убийцы и просто бродяги, раскольники и непокорные, воры и бедняки, которые не в состоянии заплатить за свой паспорт; крепостные, навлекшие на себя неудовольствие господ; еще позднее, «вольные крестьяне», не угодившие какому-нибудь исправнику или не смогшие заплатить расту-

щих с каждым годом податей, – все они идут умирать в мерзлых болотах, непроходимой тайге, мрачных рудниках. И этот поток течет неудержимо до наших дней, увеличиваясь в устрашающей пропорции. В начале настоящего столетия в Сибирь ссылалось от 7000 до 8000 человек; теперь, в конце столетия, ссылка возросла до 19000 – 20000 в год, не считая таких годов, когда цифра эта почти удваивалась, как это было, напр., вслед за последним польским возстанием; таким образом, начиная с 1823 года (когда впервые завели статистику ссыльных) в Сибирь попало более 700000 человек.

К сожалению, немногие из тех, кому пришлось пережить ужасы каторжных работ и ссылки в Сибирь, занесли на бумагу результаты своего печального опыта. Это сделал, как мы видели, протопоп Аввакум и его послание до сих пор распаляют фанатизм раскольников. Печальная история Меншикова, Долгоруких, Бирона и других ссыльных, принадлежавших к знати, сохранена для потомства почитателями их памяти. Наш молодой поэт-республиканец, Рылеев, прежде, чем его

повесили в 1827 г., успел рассказать в трогательной поэме «Войнаровский» о страданиях этого украинского патриота. Воспоминание некоторых декабристов и поэмы Некрасова «Дедушка» и «Русские женщины» до сих пор наполняют сердца русской молодежи любовью к угнетаемым и ненавистью к угнетателям. Достоевский в своем знаменитом «Мертвом доме», этом замечательном психологическом исследовании тюремного быта, рассказал о своем заключении в Омской крепости после 1848 года; несколько поляков описали мученическую жизнь их друзей после революций 1831 и 1848 гг... Но что такое все эти страдания, когда сравнишь их с теми муками, которые должны были вынести более чем полмилльона людей из народа, начиная с того дня, когда они, прикованные к железному пруту, отправлялись из Москвы в двухлетнее или трехлетнее путешествие к Забайкальским рудникам, вплоть до того дня, когда, сломленные тяжким трудом и лишениями, они умирали, отделенные пространством в семь – восемь тысяч верст от родных деревень, умирали в стране, самый вид которой и

обычай были также чужды для них, как и постоянные обитатели этой страны, сибиряки, – крепкая, интеллигентная, но эгоистическая раса!

Что такое страдание этих немногих культурных или высокорожденных людей, когда сравниваешь их с терзанием тысяч, корчившихся под плетью и кнутом легендарного изверга, Разгильдеева, которого имя до сих пор с ужасом произносится в Забайкальских деревнях; когда сравниваешь их с мучением тех, кто, подобно польскому доктору Шокальскому и его товарищам, умер во время *седьмой тысячи* шпицрутенов за попытку к побегу; или когда сравниваешь их со страданиями тех тысяч женщин, которые последовали в ссылку за своими мужьями и которых лишь смерть освобождала от жизни, полной голода, скорбей и унижений; и, наконец, со страданиями тех тысяч бродяг, которые пытаются бежать из Сибири и пробираются через дикую тайгу, питаясь грибами и ягодами, поддерживаемые лишь надеждою, что, может быть, им удастся взглянуть на родное село, увидеть родные лица?

И кто, наконец, поведал миру о менее бросающихся в глаза, но не менее удручительных страданиях тысяч людей, влекущих бесполезную жизнь в глухих деревушках дальнего севера и нередко заканчивающих свое бесконечно унылое существование, бросаясь с тоски в холодные волны Енисея? Максимов попытался, в своей работе «Сибирь и Каторга», поднять слегка завесу, скрывающую эти страдания; но ему удалось показать лишь маленький уголок мрачной картины. Полная история этих страданий пока остается, – и вероятно, навсегда останется, – неизвестной; характерные её черты стираются с каждым днем, оставляя после себя лишь слабые следы в народных сказаниях и в арестантских песнях; каждое новое десятилетие налагает свои новые черты, принося новые формы страдания все растущему количеству ссыльных.

Само собой разумеется, – я не могу набросать эту картину, во всей её полноте, в узких границах настоящей моей работы. Мне придется ограничиться ссылкой, скажем, – за последние десять лет. Не менее 165.000 человеческих существ было отправлено в Сибирь в

течении этого сравнительно короткого периода времени. Если бы все ссыльные были «преступниками», то такая цифра была бы высокой для страны, с населением в 80.000.000 душ. Но дело в том, что лишь половина ссыльных, переваливающих за Урал, высылаются в Сибирь по приговорам судов. Остальная половина ссылается без всякого суда, по административному распоряжению или по приговору волостного схода, почти всегда под давлением всемогущих местных властей. Из 151,184 ссыльных, переваливших через Урал в течении 1867-1876 годов, не менее 78,676 принадлежало к последней категории. Остальные шли по приговорам судов: 18,582 на каторгу, и 54,316 на поселение в Сибирь, в большинстве случаев на всю жизнь, с лишением некоторых или всех гражданских прав[26].

В 60-х годах ссыльным приходилось совершать пешком весь путь от Москвы до места их назначения. Таким образом, им надо было пройти около 7000 верст, чтобы достигнуть каторжных тюрем Забайкалья и около 8000 верст, чтобы попасть в Якутскую область, два

года в первом случае и 2 1/2 года – во втором. С того времени, в способе транспортировки введены некоторые улучшения. Теперь ссыльных собирают со всех концов России в Москву или Нижний-Новгород, откуда их препровождают на пароходе до Перми, оттуда железной дорогой до Екатеринбурга, затем на лошадях до Тюмени и, наконец, опять на пароходе до Томска. Таким образом, ссыльным приходится идти пешком, как выражается автор одной английской книжки о ссылке в Сибирь, – «лишь пространство за Томском». Но, переводя на язык цифр, это пустячное «пространство», напр. от Томска до Кары, будет равняться 3100 верстам, т.е. около девяти месяцев пути пешком. А если арестант посылается в Якутск, то ему придется идти только 4400 верст. Но русское правительство открыло, что даже Якутск является местом черезчур близким от Петербурга для высылки туда политических ссыльных и оно посылает их теперь в Верхоянск и Нижне-Колымск (по соседству с зимней стоянкой Норденшильда), – значит, к вышеуказанному «пустячному» расстоянию надо прибавить еще около 2 1/2 ты-

сяч верст и мы опять получаем магическую цифру 7000 верст, или, другими словами, два года пешей ходьбы.

Необходимо, впрочем, заметить, что для значительного количества ссыльных пеший путь сокращен на половину и они начинают свое путешествие по Сибири в специально приспособленных повозках. Г. Максимов очень наглядно описывает, как арестанты в Иркутске, которым дозволили выразить их мнение о достоинствах этого громоздкого сооружения, немедленно заявили, что оно является наиболее нелепым приспособлением для передвижения, какое когда-либо было изобретено на муку лошадям и арестантам. Эти повозки без рессор тащатся по неровным кочковатым дорогам, вспаханным колесами бесконечных обозов. В Западной Сибири, на болотистых склонах восточного Урала, путешествие в этих повозках превращается в прямое мучение, так как дорога вымощена бревнами, и напоминает ощущение во всем теле, если провести пальцем по всем клавишам рояля, включая черные. Путешествие при таких условиях не особенно приятно даже для пут-

ника, лежащего на толстой войлочной подстилке в удобном тарантасе; легко можно себе представить, что переносят арестанты, которым приходится сидеть восемь-десять часов неподвижно на скамье изобретенной чиновником повозки, едва прикрываясь какой-нибудь тряпкой от дождя и снега.

К счастью, подобное путешествие продолжается лишь несколько дней, так как в Тюмени ссыльных пересаживают на специальные баржи, плавучия тюрьмы, буксируемые пароходами, и через 8-10 дней они прибывают в Томск. Едва ли нужно говорить, что превосходная идея сокращения таким образом на половину длинного пути через Сибирь, по обыкновению, очень сильно пострадала при её применении. Арестантские баржи бывают настолько переполнены и находятся в таком грязном состоянии, что, обыкновенно, являются очагами заразы. «Каждая баржа была построена для перевозки 800 арестантов и их конвоя», – говорит томский корреспондент «Московского Телеграфа» (15 ноября, 1881 г.), «вычисление размеров баржи не было сделано, однако, в соответствии с требованиями ги-

гиены; главным образом принимались в соображение интересы господ пароходовладельцев, Курбатова и Игнатова. Эти господа занимают для своих собственных надобностей два отделения, рассчитанных на 100 человек каждое, и таким образом 800 арестантов приходится размещаться на таком пространстве, которое первоначально назначалось лишь для 600 чел. Вентиляция барж очень плоха, в сущности, для неё не сделано никаких приспособлений; а отхожая места – отвратительны». Корреспондент прибавляет, что «смертность на этих баржах очень велика, особенно среди детей», и его сообщение вполне подтверждается цифрами официальных отчетов за прошлый год. Из них видно, что от 8 до 10 % всего числа арестантов умирает во время девятидневного путешествия на этих баржах, т. е., от 60 до 80 чел. на 800 душ.

«Здесь вы можете наблюдать», – писали нам друзья, сами совершившие это путешествие, – «настоящее царство смерти. Дифтерит и тиф безжалостно подкашивают и взрослых и детей, особенно последних. Госпиталь, находящийся в ведении невежественного во-

енного фельдшера, всегда переполнен».

В Томске ссыльные останавливаются на несколько дней. Часть из них, особенно уголовные, высылаемые административно, отправляются в какой-нибудь уезд Томской губернии, простирающейся от вершин Алтая на юге до Ледовитого океана на севере. Остальных отправляют дальше на восток. Можно себе представить, в какой ад обращается Томская тюрьма, когда прибывающие каждую неделю арестантские партии не могут быть немедленно отправляемы в Иркутск, вследствие разлива рек или какого-либо другого препятствия. Тюрьма эта была построена на 960 душ, но в ней никогда не бывает меньше 1300-1400 арестантов, а иногда их число доходит до 2200 и даже более. Почти всегда около 1/4 их общего числа бывают больны, а тюремный госпиталь может поместить не более 1/3 всего количества заболевших; вследствие этого больные остаются в тех же камерах, валяясь на нарах или под нарами, на ряду с здоровыми, причем переполнение доходит до того, что трем арестантам приходится довольствоваться местом, предназначенным для од-

ного. Стоны больных, вскрикивание находящихся в бреду, хрипение умирающих смешиваются с шутками и хохотом здоровых и руганью надзирателей. Испарение этой грязной кучи человеческих тел смешиваются с испарениями их грязной и мокрой одежды и обуви и вонью ужасной «параши». – «Вы задыхаетесь, входя в камеру и, во избежание обморока, должны поскорее выскочить из неё на свежий воздух; к ужасной атмосфере, висящей в камерах, подобно туману над реками, можно привыкнуть только исподволь», – таково свидетельство всех, кому приходилось посещать сибирские тюрьмы. Камера «семейных» еще более ужасна. «Здесь вы можете видеть», – говорит г. Мишля, сибирский чиновник, заведывавший тюрьмами, – «сотни женщин и детей, стиснутых в крохотном пространстве, и переносящих невообразимые бедствия». Добровольно следующие семьи ссыльных не получают казенной одежды. Так как их жены, в большинстве случаев, принадлежат к крестьянскому сословию, то почти никогда не имеют больше одной смены одежды; проживши впроголодь чуть ли не с того дня, когда

муж, кормилец семьи, был арестован, они одевают свою единственную одеженку и идут в путь из Астрахани или Архангельска и, после долгого путешествия из одной тюрьмы в другую, после долгих годов задержек в острогах и месяцев пути, эта единственная одежда превращается в изодранные тряпки, едва держащиеся на плечах. Нагое изможденное тело и израненные ноги выглядывают из под лохмотьев платья этих несчастных женщин, сидящих на грязном полу, прожевывая черствый хлеб, поданный добросердечными крестьянами. Среди этой массы человеческих тел, покрывающих каждый вершок нар и уютящихся под ними, вы нередко можете увидеть ребенка, умирающего на коленях матери и рядом с ним – другого, только что рожденного. Это новорожденное дитя является радостью и утехой женщин, из которых каждая гораздо человечнее, чем любой смотритель или надзиратель. Ребенка передают из рук в руки, его дрожащее тельце прикрывают лучшими тряпками, ему расточают самые нежные ласки... Сколько детей выросло при таких условиях! Одно из них стоит теперь возле

меня, когда я пишу эти строки и повторяет мне рассказы, которые она часто слышала от матери, о доброте «злодеев» и безчеловечии «начальства». Она рассказывает мне об игрушках, которыми ее занимали арестанты во время томительного путешествия, – простых игрушках, в которые было вложено больше доброго сердца, чем искусства; она рассказывает о притеснениях, о вымогательствах, о свисте нагаек, о проклятиях и ударах, расточавшихся «начальством».

Тюрьма, однако, мало-по-малу освобождается от излишка население: арестантские партии пускаются в путь. Еженедельно партии в 500 чел. каждая, включая женщин и детей, отправляются, если только погода и состояние рек позволяет это, из Томской тюрьмы и пускаются в длинный путь пешком до Иркутска и Забайкалья. У тех, кому приходилось видеть подобную партию в пути, воспоминание о ней остается навсегда в памяти. Русский художник, Якоби, попытался изобразить ее на холсте; его картина производит удручающее впечатление, но действительность еще ужаснее.

Пред вами – болотистая равнина, по которой носится леденящий ветер, взметая снег, начавший покрывать замерзшую землю. Топи, заросшие там и сям мелким кустарником и искривленными деревьями, согнувшимися от ветра и тяжести снега, тянутся кругом, насколько захватывает глаз; до ближайшей деревни верст 30 расстояние. Вдали, в сумерках обрисовываются силуэты пригорков, покрытых густым сосновым лесом; по небу тянутся серые снежные тучи. Дорога, утыканная по сторонам вехами, чтобы отличить ее от окружающей равнины, изрытая следами тысяч повозок, изрезанная колеями, могущими сломать самое крепкое колесо, вьется по обнаженной болотистой равнине. Партия медленно плетется по этой дороге; шествие открывает ряд солдат. За ними тяжело выступают каторжане, с бритой головой, в сером халате, с желтым тузом на спине, в истрепанных от долгого пути котках, в дыры которых торчат тряпки, обертывающие израненные ноги. На каждом каторжанине надета цепь, заклепанная у щиколки, причем кольцо, охватывающее ногу, завернуто тряпкой – если ссыльно-

му удалось собрать во время пути достаточно милостыни, чтобы заплатить кузнецу за более снисходительную ковку. Цепь идет вверх по ноге и подвешивается на пояс. Другая цепь тесно связывает обе руки и, наконец, третья соединяет от 6-8 арестантов. Каждое неловкое движение одного из такой сцепленной группы тотчас же чувствуется всеми его товарищами по цепи; сильному приходится тащить за собою слабых: останавливаться нельзя, до этапа далеко, а осенние дни коротки.

Вслед за каторжанами идут поселенцы, одетые в такие же серые халаты и обутые также в коты. Солдаты идут по бокам партии, может быть, размышляя о приказании, полученном при выступлении: – «если арестант попытается бежать, стреляй в него. Если убьешь – собаке собачья смерть, а ты получишь пять рублей награды!» В хвосте партии медленно движутся несколько повозок, запряженных изнуренными крестьянскими лошаденками. Они завалены арестантскими мешками, а на верху их нередко привязаны веревками больные и умирающие.

Позади повозок плетутся жены; немногим

из них удалось найти свободный уголок на заваленных арестантскою кладью повозках, чтобы приткнуться и они сидят там скорчившись, едва имея возможность пошевелиться; но большинство плетется за повозками, ведя детей за руку или неся их на руках. Одетые в лохмотья, замерзая под холодной вьюгой, шагая почти босыми ногами по замерзшим колеям, вероятно, многие из них повторяют вопрос жены Аввакума: «Долго ли муки сея будет?» Партию замыкает наконец второй отряд солдат, которые подгоняют прикладами женщин, останавливающихся в изнеможении отдохнуть на минуту среди замерзающей дорожной грязи. Процессия заканчивается экипажем, на котором возседает конвойный офицер[27].

Когда партия вступает в какое-нибудь большое село, она обыкновенно затягивает «милосердную». «Этот стон у нас песней зовется...» Эта, единственная в своем роде, песня состоит, в сущности, из ряда воплей, одновременно вырывающихся из сотен грудей; это – скорбный рассказ, в котором с детскою простотою выражений описывается горькая

судьба арестанта; это – потрясающий призыв русского ссыльного к милосердию, обращенный к крестьянам, судьба которых нередко мало чем отличается от его собственной. Века страданий, скорбей и нищеты, преследований, задавливавших самые могучия силы нашего народа, слышатся в этой рыдающей песне. Ея звуки глубокой скорби напоминают о пытках прошлых веков, о полузадушенных криках под палками и плетями нашего времени, о мраке тюрем, о дикости тайги, о слезах стонущей жены. Крестьяне придорожных сибирских деревень понимают эти звуки: они знают их действительное значение по собственному опыту и этот призыв к милосердию со стороны «несчастных», – как наш народ называет арестантов, – всегда находит отклик в сердцах крестьянской бедноты; самая убогая вдова, осеня себя крестным знаменем, спешит подать «несчастливым» несколько грошей или кусок хлеба, низко кланяясь перед ними, благодаря их, что они не пренебрегают её бедной милостыней.

К вечеру, сделав пешком 20 или 30 верст, арестантская партия, наконец, достигает эта-

па, на котором проводит ночь и отдыхает целая сутки после каждых двух дней, проведенных в пути. Как только вдали покажутся высокие пали огады, за которой помещается старое бревенчатое здание этапа, наиболее крепкие из арестантов бегут вперед, стараясь заблаговременно занять лучшие места на нарах. Большинство этапов было построено лет 50 тому назад и, благодаря суровому климату и постоянному пребыванию в них сотен тысяч арестантов, они страшно загрязнились и прогнили насквозь. Ветхое бревенчатое здание не в состоянии уже дать защиту закованным постояльцам; ветер и снег свободно проникают в зияющие между бревнами щели; целые кучи обледеневшего снега скопляются по углам камер. Этапы устроены на 150 человек; таков был средний размер арестантских партий лет 30 тому назад. Теперь же партии доходят до 450-500 чел., и все они должны размещаться на пространстве, скупо рассчитанном на 150 челов.[28].

Аристократия тюрьмы – старые бродяги и известные убийцы – занимают все этапные нары; остальной арестантской массе, количе-

ством в 2-3 раза превосходящей «аристократию», приходится размещаться на сгнившем полу, густо покрытом липкой грязью, под нарами и в проходах между ними. Легко можно себе представить атмосферу камер, когда их двери заперты и они переполнены человеческими существами, лежащими в обнаженном виде, имея подстилкой грязную одежду насквозь промокшую от дождя и снега во время пути.

Эти этапы, однако, являются дворцами, по сравнению с полуэтапами, где арестантские партии останавливаются лишь для ночевки. Здание полуэтапов еще меньше по размерам и, вообще, находятся в еще более ветхом и антисанитарном состоянии. Грязь, вонь и духота в них иногда доходят до таких размеров, что арестантская партия предпочитает проводить холодные сибирские ночи в легких летних бараках, построенных на дворе, в которых нельзя разводить огонь. Полуэтапы почти никогда не имеют отдельного помещения для женщин и последним приходится помещаться в караульной комнате с солдатами (см. Максимова «Сибирь и Каторга»). С покор-

ностью, свойственной «всевыносящим» русским матерям, они забиваются с своими детьми, завернутыми в тряпки, куда-нибудь в самый отдаленный угол под нарами или уютятся у дверей, где стоят ружья конвойных.

Неудивительно, что, согласно официальной статистике, из 2.561 детей моложе пятнадцати лет, отправившихся в 1881 г. в Сибирь с родителями, *«выжило лишь очень незначительное количество»*. «Большинство детей», – говорит «Голос», – «не могло перенести очень тяжелых условий пути и умерли или не дойдя до места назначения или немедленно по прибытии в Сибирь». «Без всякого преувеличение транспортировка в Сибирь в той форме, в какой она практикуется теперь, воистину является „избиением младенцев“» [29].

Нужно ли прибавлять, что на этапах и полупэтапах не имеется специальных помещений для болеющих и что лишь люди, обладающие исключительно крепким телосложением, могут остаться в живых, если заболеют в пути? На всем пространстве между Томском и Иркутском, занимающем около 4 месяцев пути, имеется всего лишь пять малень-

ких госпиталей, причем во всех их в совокупности не больше 100 кроватей. Судьба тех больных, которым не удалось добраться до госпиталя, следующим образом описывается в «Голосе» (5-го января 1881 г.): «их бросают на этапах без какой-либо медицинской помощи. В камерах нет ни кроватей, ни тюфяков, ни одеял и, конечно, никакого постельного белья. Сорок одна с половиною копейка, отпускаемые ежедневно казной на каждого больного арестанта, почти целиком попадает в карманы тюремного начальства».

Нужно ли упоминать о тех вымогательствах, со стороны этапных сторожей, которым подвергаются ссыльные, не смотря на их ужасающую нищету. Достаточно, впрочем, указать, что казна выдает этим этапным сторожам, кроме пайка, всего только 3 руб. в год. – «Печка развалилась, нельзя топить», – говорит сторож, когда партия, иззябшая от дождя или снега, является на этап и арестантам приходится платить за разрешение – растопить печку. – «Рама в починке» говорит другой и партия опять платит за тряпки, чтобы заткнуть дыры, сквозь которые дует леденя-

щий ветер. – «Вымойте пол перед уходом», говорит третий, «а не хотите мыть – заплатите» и партия опять платит, и т. д., и т. д. Наконец, нужно ли упоминать о том, как обращаются с арестантами и их семьями во время пути? Даже политическим ссыльным пришлось в 1881 г. бунтоваться против офицера, осмелившегося в темном коридоре оскорбить одну из политических ссыльных. С уголовными же, конечно, церемонятся еще менее...

И все это относится не к области отдаленного прошлого. Увы, аналогичные сцены происходят теперь, может быть, в тот момент, когда я пишу эти строки. Н. Лопатин, который совершил подобное путешествие в 80-м году и которому я показывал эти страницы, с своей стороны вполне подтверждает точность моих описаний и сообщает много других подробностей, столь же возмутительного характера. Уничтожена – и то очень недавно – лишь одна мера, о которой я упоминал выше, а именно – сковки на одной цепи нескольких арестантов. Эта ужасная мера отменена в январе, 1881 г. Теперь, на каждого арестанта надевается отдельная пара ручных кандалов. Но все

же цепь, соединяющая эти кандалы настолько коротка, что кисти рук, вследствие ненормального положения, чрезвычайно устают во время 10-12-ти часового пути, не говоря уже о том, что, благодаря страшным сибирским морозам, кандалы неизбежно вызывают ревматические боли. Эти боли, как мне говорили, отличаются необыкновенной остротой и превращают жизнь арестанта в сплошное мучение.

Едва ли нужно добавлять, что вопреки свидетельству г. Лансделля, недавно проехавшего по Сибири, политические ссыльные совершают путешествие на Кару или на места их поселения при тех же самых условиях и совместно с уголовными ссыльными. Уже один тот факт, что Избицкий и Дебогорий-Мокриевич могли «сменяться» с двумя уголовными ссыльными и таким образом убежать с пути на каторгу, – лучше всего указывает на недостоверность сведений английского путешественника. Николай Лопатин, о котором я говорил выше и который был осужден на поселение в Сибирь, совершил весь путь пешком этапом, совместно с несколькими

ми из своих товарищей. Правда, что значительное количество польских ссыльных 1864 г. – в большинстве случаев принадлежавших к дворянству и игравших крупную роль в возстании, – отправлялись в ссылку на почтовых лошадях. Но, начиная с 1866 г., политические (присужденные к каторжным работам или ссылке) в большинстве случаев совершали весь путь пешком этапом, вместе с уголовными. Исключением являются 1877-1879 годы, когда некоторым из политических, следовавшим в Восточную Сибирь, даны были подводы, но весь путь совершался по линии этапов. Начиная, однако, с 1879 г., все политические, без различия пола, должны совершать путешествие вышеописанным мною образом, причем на многих из них надевают кандалы, вопреки закону 1827 г. Что же касается высылаемых административным порядком, то им, как и раньше, теперь дают подводы, но весь путь они совершают в составе уголовных партий, останавливаясь на этапах и в тюрьмах вместе с уголовными.

Заканчивая свою книгу о Сибири[30], М. Максимов выразил надежду, что описанные

им ужасы пешего этапа вскоре отойдут в власть истории. Но надежда его не осуществилась до сих пор. Либеральное движение 1861 г. было задушено правительством; всякие попытки реформ стали рассматриваться, как «опасные тенденции» и ссылка в Сибирь осталась в таком же состоянии, в каком она была раньше – источником неопикуемых страданий для 20.000 чел., ссылаемых ежегодно.

Эта позорная система, осужденная уже давно всеми, кому приходилось изучать ее, была удержана целиком; и в то время как прогнившие насквозь здание этапов постепенно разрушаются и вся система приходит все в большее и большее расстройство, новые тысячи мужчин и женщин прибавляются каждый год, к тем несчастным, которые уже раньше попали в Сибирь и число которых, таким образом, возрастает в ужасающей пропорции.

Глава V Ссылные в Сибири

Недаром слово «каторга» получила такое ужасное значение в русском языке и сделалось синонимом самых тяжелых физических и нравственных страданий. «Я не могу больше переносить этой *каторжной* жизни», т.е. жизни, полной мук, невыносимых оскорблений, безжалостных преследований, физических и нравственных мучений, превосходящих человеческие силы, – говорят люди, доведенные до полного отчаяние, перед тем как покончить с собой. Такой смысл слово «каторга» получила недаром и все, кому приходилось серьезно исследовать положение каторжных в Сибири, пришли к заключению, что народное представление о каторге вполне соответствует действительности. Я уже описал томительный путь, ведущий на каторгу. Перейдем теперь к условиям жизни арестантов в каторжных колониях и тюрьмах Сибири.

В начале 60-х годов из 1500 чел., осуждавшихся ежегодно на каторгу, почти все посылались в Восточную Сибирь. Часть из них ра-

ботала на серебряных, свинцовых и золотых рудниках Нерчинского округа, или же на железных заводах Петровском (не далеко от Кяхты) и Иркутском, или же, наконец, на солеварнях в Усолье и Усть-Куте; немногие работали на суконной фабрике близ Иркутска, а остальных посылали на Карийские золотые промыслы, где они обязаны были выработать в год традиционные «100 пудов» золота для «Кабинета Его Величества». Ужасные рассказы о подземных серебряных и свинцовых рудниках, где при самых возмутительных условиях, под плетями надсмотрщиков, каторжного заставляли выполнять двойную против нормального работу; рассказы каторжан, которым приходилось работать в темноте, закованными в тяжелые кандалы и прикованными к тачкам; об ядовитых газах в рудниках, о людях, засекаемых до смерти известным злодеем Разгильдеевым или же умиравших после пяти-шести тысяч ударов шпицрутенами, – все эти общераспространенные рассказы вовсе не были плодом воображение сенсационных писателей: они являлись верным отражением печальной действительности

[31].

И все это не предание старины глубокой, а в таких условиях работали в Нерчинском горном округе в начале 60-х годов. Они еще в памяти людей, доживших до настоящего времени.

Мало того, многие, очень многие, черты этого ужасного прошлого сохранились в неприкосновенности вплоть до настоящего времени. Каждому в Восточной Сибири известно, хотя бы по наслышке, об ужасной цынготной эпидемии, разразившейся на Карийских золотых промыслах, в 1857 г., когда, согласно официальным отчетам, бывшим в распоряжении М. Максимова, не менее 1000 каторжан умерло в течение лишь одного лета. Причина эпидемии также не была секретом: всем было хорошо известно, что горное начальство, убедившись в невозможности выработать, при обычных условиях, традиционных «100 пудов» золота, заставило работать без отдыха, сверх силы, пока некоторые не падали мертвыми на работе. Много позднее, в 1873 г., мы были свидетелями подобной же эпидемии, вызванной подобными же причи-

нами, разразившейся в Енисейском округе и унесшей в течение очень короткого периода сотни жизней. Теперь арестанты мучатся в других местах, характер работы несколько изменен, но самая сущность каторжного труда осталась все той же, и слово «каторга» до сих пор сохраняет свое прежнее страшное значение.

В конце шестидесятых годов система каторжного труда подверглась некоторым изменениям. Наиболее богатые серебром рудники Нерчинского горного округа были выработаны: вместо того, чтобы обогащать Императорский Кабинет ежегодно 220-280 пудами серебра, как это бывало прежде, они стали давать (в 1860-63 гг.) всего от 5 до 7 пудов, и их пришлось закрыть. Что же касается золотых приисков, то горное начальство успело убедить Кабинет, что в округе не имеется более приисков, заслуживающих разработки, и Кабинет предоставил золотые промыслы частным предпринимателям, оставив за собой лишь розсыпи на речке Каре, впадающей в Шилку. Конечно, как только было обнародовано разрешение – разрабатывать прииски частным

лицам, очень богатые россыпи, место нахождение которых давно было известно, были немедленно «открыты» золотопромышленниками. Благодаря всему вышеуказанному, правительство было вынуждено найти какое-либо другое занятие для арестантов и, до известной степени, изменить всю систему каторжных работ. Были изобретены «центральные тюрьмы», в Европейской России, описание которых я дал в одной из предыдущих глав, и теперь каторжане до высылки их в Сибирь отбывают около 1/3 срока наказания в этих тюрьмах. Я уже говорил, каким ужасным образом с ними обращаются. Число этих несчастных, для которых даже сибирская каторга кажется облегчением, доходит до 5000 чел. Помимо этого, в последние годы пытаются населять ссыльно-каторжными остров Сахалин.

Каторжане, высылаемые ежегодно в Сибирь в количестве 1800-1900 чел., распределяются различным образом и употребляются для разного рода работ. Часть таких ссыльных (2700-3000) попадают в каторжные тюрьмы Западной и Восточной Сибири, остальных

же посылают или на Карийские золотые прииски или на соляные заводы Усоля и Усть-Кута. В виду того, однако, что немногие рудники и заводы, принадлежащие казне в Сибири, не могут использовать труда почти 10.000 человек, присужденных к каторжным работам и которых приходится держать в Сибири, – из этого положение был найден выход в том, что таких арестантов стали отдавать в наем, в качестве рабочих, на частные золотые прииски. Легко себе представить, что в таких условиях люди, присужденные к каторжной работе, могут попасть в совершенно различную обстановку по воле или капризу начальства, а также и по средствам, которыми они располагают. Он может умереть под плетями на Каре или в Усть-Куте, но может также вести довольно комфортабельную жизнь на частных приисках какого-нибудь приятеля, в качестве «надсмотрщика», чувствуя неудобство ссылки в Сибирь лишь в замедлении получения новостей от друзей из России.

Ссылно-каторжные в Сибири могут быть разделены на три главные категории: содержимые в тюрьмах, работающие на золотых

приисках Кабинета или частных владельцев и, наконец, работающие на соляных заводах.

Судьба первых мало чем отличается от судьбы арестантов, находящихся в центральных тюрьмах России. Может быть, сибирский тюремный смотритель курит трубку, а не сигару, во время порки арестантов; может быть, он употребляет плети, а не розги; может быть, он порет арестантов, озлобленный тем, что жена приготовила ему плохой обед, — между тем как русский тюремный смотритель порет их вследствие того, что ему не повезло на охоте: результаты для арестантов получаются те же самые. В Сибири, как и в России, если сменят смотрителя, «секущего без пощады», то на смену является смотритель, «который прогуливается кулаком по физиономии арестантов и самым бессовестным образом обкрадывает их»; если же на должность смотрителя случайно попадает честный человек, он скоро уходит в отставку, или его увольняют из состава тюремной администрации, где честные люди являются лишь «помехой».

Не лучше и судьба тех двух тысяч арестан-

тов, которых посылают на Карийские золотые прииски. Уже в шестидесятых годах в официальных отчетах указывалось на состояние тюрьмы в Верхней Каре: это было старое, пострадавшее от непогод, бревенчатое здание, построенное на болотистой почве и насквозь пропитанное грязью, скоплавшейся в течение многих лет целыми поколениями арестантов, переполнявших тюрьму. Уже тогда, в официальном отчете указывалось на необходимость – немедленно разобрать это обветшавшее здание; но оно до сих пор служит местом заключения арестантов и, даже во время управления тюрьмой полковником Кононовичем, полы в ней мылись четыре раза в год. Она всегда переполнена вдвое против того, сколько позволяет ей кубическая вместимость и арестанты спят не только на нарах, расположенных в 2 этажа, один над другим, но и на полу, покрытом толстым слоем липкой грязи, причем их мокрая и грязная одежда служит для них и подстилкой и одеялом. Так было тогда, так оно и теперь. Главная тюрьма Карийских золотых приисков, Нижняя Кара, судя по сделанному в 1863 г. г.

Максимовым описанию и по тем официальным документам, которые я читал, уже тогда была ветхим, гнилым зданием, по которому гулял ветер и в которое свободно проникал дождь и снег. Такова она и теперь, как говорили мне друзья. Средне-Карийская тюрьма была несколько лет тому назад подновлена, но вскоре сделалась такой же грязной, как и две другие. Шесть или восемь месяцев в году арестанты в этих тюрьмах ровно ничего не делают; и уже этого одного достаточно для полной деморализации обитателей тюрьмы и развития среди них всевозможных пороков. Желаящие изучить вопрос о моральном влиянии русских тюрем на заключенных найдут обильный материал в замечательном психологическом труде Достоевского, работах Максимова, Львова и многих других.

Работа на золотых приисках, в общем, очень тяжела. Правда, она производится на поверхности земли, причем в алювиальной почве долины делаются глубокие выемки, с целью — извлечь золотоносный ил и песок, которые потом на телегах подвозятся к золотопромывательной машине. Но, в общем, как

мы сказали, это – очень трудная и нездоровая работа. Выемки всегда ниже уровня реки, которая искусственным каналом отводится на известной высоте к золотопромывательной машине; вследствие этого, выемки в большей или меньшей степени наполняются просачивающейся водою, не говоря уже о потоках ледяной воды, льющейся со стен выемок, по мере того, как земля оттаивает под горячими лучами солнца. Насосы для откачивания воды мало помогают и людям приходится работать (я пишу об этом на основании собственных наблюдений) – в течении целого дня, стоя в ледяной воде, доходящей до колен, а иногда даже до пояса; по возвращении в тюрьму, арестанту не дают сухой одежды для перемены и ему приходится спать в мокрой. Правда, что тысячи свободных рабочих находят возможным работать при тех же условиях на частных золотых приисках. Но дело в том, что владельцы этих приисков в Сибири, пожалуй, совсем не нашли бы рабочих, если бы при их найме они не прибегали к тем способам, которые практиковались в XVII ст. для пополнения армии. Их обыкновенно нанимают в со-

стоянии полного опьянение, всовывая им крупные задатки, немедленно переходящие в карманы кабатчиков. Что же касается до ссыльно-поселенцев, голодная армия которых поставляет значительный контингент рабочих для частных золотых промыслов, то они в большинстве случаев сдаются в работы волостным начальством, которое немедленно захватывает их задатки в уплату податей, всегда накаплиющихся за поселенцами.

Вследствие вышесказанных причин, каждую весну, при отправке «вольных рабочих» на прииски, дело не обходится без вмешательства уездной полиции или даже посылки военного конвоя. Понятно, что условия работы ссыльно-каторжных еще более тяжелы. Дневной «урок», который каждому из них приходится выполнить – больше по размерам и тяжелее по условиям работы, чем на частных приисках; кроме того, многие из каторжан работают в кандалах; а на Каре им приходится делать 7 верст пешком – расстояние от тюрьмы до места работы, таким образом, к их ежедневному «уроку» присоединяется еще 3 часа ходьбы. В тех случаях, когда золотонос-

ный слой оказывается беднее по содержанию золота, чем ожидалось, и предполагавшееся количество не может быть промыто при обычных условиях труда, каторжан заставляют работать сверх сил, до поздней ночи, вследствие чего и без того высокий среди них процент смертности достигает ужасающих размеров. Короче говоря, все, серьезно изучавшие условия каторжного труда в Сибири, пришли к заключению, что каторжный, отбывший в течении нескольких лет наказание на Каре или на соляных заводах, выходит из них на поселение с совершенно разбитым здоровьем, потеряв работоспособность и вплоть до смерти является лишь бременем для общества.

Пища, – в общем менее питательная, чем на частных золотых приисках, может быть рассматриваема, как вполне достаточная, когда арестанты получают пайки, установленные для рабочего времени. На каждого арестанта тогда отпускается ежедневно 4 фун. черного хлеба и ежемесячно такое количество мяса, капусты, гречневой крупы и пр., какое можно купить на 1 руб. Хороший эко-

ном мог бы отпускать при этих условиях около полфунта мяса на человека ежедневно. Но вследствие отсутствия какого бы то ни было контроля, арестанты самым безжалостным образом обкрадываются начальством. Если в Петербургском доме предварительного заключения, под самым носом у дюжины инспекторов, подобное хищение практиковалось в течении ряда лет в колоссальных размерах, то чего же можно ожидать от каторжной тюрьмы, на краю света, в Забайкальских горах? Честные экономеры, целиком отдающие арестантам их казенный паек, являются, конечно, редкими исключениями. Кроме того, не должно забывать, что вышеуказанный паек дается в таких размерах лишь в период золотопромывательных работ, который продолжается менее 4-х месяцев в году. В продолжении же всей зимы, когда замерзшая почва напоминает по твердости железо, работа на приисках прекращается. И как только «годовой урожай» снят с розсыпей, пища арестантов доводится до размеров и качества, едва достаточных лишь для поддержания жизни. Что же касается платы за работу, то она – со-

вершено смехотворного размера, что-то около $1\frac{1}{2}$ -2 рублей в месяц, причем даже из этой нищенской платы большую половину арестанту приходится расходовать на покупку одежды, в виду того, что даваемая казной быстро изнашивается на работе. Не мудрено, что цынга, эта ужасная гостья всех сибирских золотых приисков, находит массу жертв среди арестантов и что смертность на Каре колеблется ежегодно между 90-287 на 2000 чел., т.е., от 1 на 11 до 1 на 7, что является высоким процентом для взрослого население. Официальные цифры, однако, не вполне совпадают с правдой, так как тяжело и безнадежно больных отсылают с приисков в богадельни или приюты для калек, где они и умирают.

Положение арестантов было бы, однако, еще более тяжелым, еслибы не то обстоятельство, что переполнение тюрем и интересы владельцев золотых приисков заставили правительство сократить срок заключение. Вообще говоря, ссыльно каторжный должен содержаться в каторжной тюрьме лишь около $\frac{1}{3}$ всего срока его наказание. По истечении этого срока он должен быть поселен в деревне

вблизи приисков, в отдельном доме, совместно с семьей, если жена последовала за ним в ссылку; хотя он обязан работать наравне с другими арестантами, но с него снимают кандалы, у него имеется дом, имеется собственный очаг. Понятно, что этот закон мог бы служить громадным облегчением для ссыльных, если бы только он, по обыкновению, не был изуродован при его применении. Освобождение арестанта из заключения целиком зависит от каприза заведывающего приисками. Кроме того, вследствие до смешного незначительной заработной платы, состоящей из 1 1/2-2 рублей в месяц, в придачу к пайку, освобожденный арестант, в громадном большинстве случаев, впадает в страшную нищету. Все исследователи единогласно изображают в самых мрачных красках нищету этой категории ссыльных и утверждают, что большое число побегов из «вольной команды» объясняется нищенскими условиями её существования.

Наказание, налагаемые на арестантов, целиком зависят от воли управляющего заводом и в большинстве случаев отличаются же-

стокостью. Лишение пищи и карцер – а читатель уже знает, что такое карцер в Сибири – в счет не идут. Наказанием начинают считаться только плети, удары которой щедро рассыпаются в неограниченном количестве за малейший проступок по воле и расположению духа управляющего.

Плети являются в глазах надсмотрщиков такой обыкновенной вещью, что «сто плетей» назначается за такие же проступки, которые в Европейской тюрьме повлекли бы за собою заключение в карцере; но, кроме плетей, имеется целая скала очень жестоких наказаний: напр., приковка к стене в подземном карцере на целые годы, практикуемая в Акатуе; приковка на 5 или на 6 лет к тачке, причиняющая самые ужасные нравственные страдания, и, наконец, – из «лисы» т.е. обрубок дерева или кусок железа, весом в 1 1/2 пуда, прикрепляемый к кандалам и носимый преступником в течении нескольких лет. Ужасное наказание «лисой» выводится из употребления, но приковка на несколько лет к тачке до сих пор в большом ходу. Сравнительно недавно политические арестанты: Понко, ?омичев и Берез-

нюк были присуждены за попытку бежать из Иркутской тюрьмы к приковке к тачкам в течение 2 лет.

Нечего и говорить, что управляющий присками является чем-то вроде самодержавного монарха и что какие-либо жалобы на него совершенно бесполезны. Он может грабить арестантов, подвергать их самым ужасным наказанием, может даже мучить их детей – никакие жалобы не дойдут до начальства; а если бы нашелся арестант, осмелившийся пожаловаться, его просто заморят в темном carcere или он умрет под плетьюми. Всем пишущим о ссылке в Сибирь следует помнить, что над зрителями нет никакого контроля, честный же человек не сможет долго оставаться во главе каторжной тюрьмы в Сибири. Если его обращение с арестантами отличается гуманностью, это качество рассматривается в Петербурге, как «опасная сантиментальность» и он будет уволен со службы. Если он отличается даже примитивной честностью, его непременно выживет компания грабителей и всяких охотников до казенного пирога, которая собирается обыкновенно вокруг тако-

го лакомого куска, как казенные золотые прииски. Русская пословица говорит: «Дайте мне на прокорм казенного воробья и я с ним прокормлю все мое семейство», а золотые прииски представляют несомненно величину более значительную, чем казенный воробей. На них работают тысячи арестантов, которых надо кормить и снабжать орудиями для работы; на них имеются машины, требующие починки и, наконец, – самое главное – на них производится очень выгодная торговля краденым казенным золотом. Вообще, на казенных приисках из поколение в поколение работает солидно-организованная шайка казнокрадов, которая настолько сильна, что даже деспотический, всемогущий Муравьев-Амурский не мог справиться с ней. Честный человек, случайно попавший в эту воровскую шайку, рассматривается ею, как «беспокойный» и если ему не устроят отставки при помощи различных подвохов, он обыкновенно уходит в конце концов со службы по собственному желанию, утомленный бесплодной борьбой с ворами. Вследствие этого Карийские золотые прииски редко имели, в качестве начальни-

ков, таких честных людей как Барбоде-Марни или Кононович; во главе их почти всегда стояли жестокие негодяи, вроде Разгильдеева.

Эти традиционные порядки тянутся вплоть до нашего времени. Не говоря уже о том, что поразительная жестокость управляющих заводом вошла в пословицу, не далее как в 1871 г. на Каре практиковалась средневековая пытка. Даже такой осторожный писатель, как г. Ядринцев, рассказывает о случае пытки, практиковавшейся начальником приисков, Демидовым, над свободной женщиной и её 11-ти-летней дочерью.

«В 1871 г., – говорит Ядринцев, – смотритель Карийского золотого промысла, Демидов, открыл убийство, совершенное одним каторжным; чтобы раскрыть все подробности преступления, Демидов пытал через палача жену убийцы, которая была женщина свободная, пришедшая в Сибирь с мужем добровольно и следовательно избавленная от телесного наказания; потом он пытал 11 летнюю дочь убийцы; девочку держали на воздухе и палач сек ее плетью с головы до пят; ребенку дано уже было несколько ударов плети,

когда она попросила пить; ей подали соленого омуля. Плетей дано было бы и больше, если бы сам палач не отказался продолжать битье»[32].

Люди не делаются такими зверями сразу и всякий вдумчивый читатель поймет, что Демидов воспитал и развил в себе эту жестокость путем долговременной практики, которая, в свою очередь, была возможна лишь вследствие его полной безнаказанности. В виду того, что женщина, подвергнутая истязанием, не была арестанткой, её жалобы дошли до начальства; но на один эпизод, случайно обнаружившийся, сколько сотен случаев такого же рода остались не обличенными и никогда не будут отданы на суд общественного мнения!

Мне остается сказать лишь несколько слов о тех ссыльно-каторжных, которых казна отдает в наймы владельцам частных золотых приисков. Эта система не была еще введена во время моего нахождения в Сибири и сведения о ней, вообще, не отличаются обилием. Я знаю только, что опыт был признан неудачным. Лучшие из частных владельцев избега-

ют нанимать ссыльно-каторжных, убедившись вскоре на опыте, что всякое соприкосновение с чиновниками в Сибири приходится дорого оплачивать; лишь мелкие промышленники или люди, не брезгающие ничем, продолжают пользоваться наемным арестантским трудом. На приисках таких промышленников арестантам приходится меньше страдать от жестокости надсмотрщиков, но зато они страдают от недостаточного питания, непосильного труда и скверных помещений, не говоря уже об утомительности долгого пути с приисков и обратно, по тропинкам, прорезывающим дикую Сибирскую тайгу.

Что же касается соляных варниц, где работает некоторое число ссыльно-каторжных и теперь, то это самый худший вид каторги и я никогда не забуду поляков ссыльных, которых мне пришлось видеть на Усть-Кутском соляном заводе. Вода соляных источников обыкновенно выкачивается при помощи самых примитивных механических приспособлений; и работа при насосах, которая продолжается и в течении всей зимы, по общему отзыву — очень изнурительна. Но еще хуже по-

ложение рабочих, занятых при громадных сковородах, на которых выпаривается соль и под которыми для этой цели разводится адский огонь. Людям приходится по целым часам стоять совершенно обнаженными, мешая рассол в сковородах: по их телу струится пот от невыносимой жары и в то же время они стоят на сквозном потоке холодного воздуха, проходящего сквозь здание, чтобы способствовать скорейшей выпарке соли. За исключением немногих, занятых той или иной формой более легкого труда, все виденные мною на этом заводе каторжане более напоминали призраки, чем живых людей. Чахотка и цынга собирают обильную жатву среди этих несчастных.

Я не буду касаться в настоящей главе последнего нововведение – каторжной работы и поселение ссыльных в новой, более отдаленной Сибири, на острове Сахалине. Судьба ссыльных на этом острове, где никто не хочет селиться по доброй воле, их борьба с бесплодной почвой и суровым климатом, будет рассмотрена мною в отдельной главе. Я не буду также касаться на этих страницах положение

ссылных поляков, попавших в Сибирь после возстание, в 1863 г. Их судьба заслуживает более, чем беглой заметки. Я еще ничего не сказал о громадной категории ссылных, посылаемых в Сибирь, с целью водворение их там в качестве земледельческих рабочих и ремесленников.

Те из них, которые были присуждены к каторжным работам, не только лишаются всех личных и гражданских прав, но также и права возвратиться на родину. Вслед за их освобождением от каторжных работ, они включаются в огромную категорию ссылно-поселенцев и остаются в Сибири на всю жизнь. Возврат в Россию им отрезан навсегда. Категория ссылно-поселенцев отличается наибольшей численностью в Сибири. Она состоит не только из освобожденных от каторжной работы, но также из почти 3000-ного контингента мужчин и женщин (28.382 в течении 10 лет, с 1867 по 1876), высылаемых ежегодно в качестве ссылно-поселенцев, т.е. долженствующих быть поселенными в Сибири с лишением всех или некоторых личных и гражданских прав. К этим ссылно-поселенцам, или

просто поселенцам, как их обыкновенно называют, должно прибавить 23.383 высланных в течение тех же 10 лет на водворение, т.е., на поселение с лишением некоторых гражданских прав; 2.551 высланных на житье, без лишения прав, и 76.686 высланных в течение того же самого периода времени административным порядком; таким образом, общее число ссыльных этой категории за 10-ти летний период достигает почти 130.000 чел. В течении последних 5 лет эта цифра еще увеличилась, так как она доходила до 17.000 чел. в год.

Мне уже приходилось говорить в другом месте настоящей книги о характере тех «преступлений», за которые эта масса человеческих существ выбрасывается из России. Что же касается их положение в стране изгнание, то оно оказалось настолько печальным, что по этому вопросу в последние годы создан целый отдел литературы, занявшийся разоблачением ужасов ссылки. По этому поводу назначались официальные расследование; была напечатана масса статей, посвященных вопросу о результатах ссылки в Сибирь, и все они пришли к следующему выводу: за исклю-

чением отдельных случаев, вроде напр. превосходного влияние польских и русских политических ссыльных на развитие ремесленного дела в Сибири и такого же влияние сектантов и украинцев (которые выслались в Сибирь сразу целыми волостями) на развитие земледелия, – оставляя в стороне эти немногие исключения, громадная масса ссыльных, вместо того, чтобы снабжать Сибирь полезными колонистами и искусными ремесленниками, снабжает ее лишь бродячим населением, в большинстве случаев нищенствующим и не способным ни к какому полезному труду (см. работы и статьи Максимова, Львова, Завалишина, Ровинского, Ядринцева, Пэйзена, д-ра Шперха и многих других, а также выдержки из официальных исследований, приводимые в этих работах).

Суммируя результаты вышеупомянутых работ, мы находим, что хотя с 1825 по 1835 годы в Сибирь было выслано более полумилльона людей, из них не более 200.000 находилось в 1885 г. занесенными в списки местного население; остальные или умерли, не оставив после себя потомства, или исчезли бесследно.

Даже из этих 200.000, которые фигурируют в официальных списках, не менее одной трети, т.е. около 70.000 (и даже больше, согласно другому исчислению) исчезли в течении последних нескольких лет, неизвестно куда. Они улетучились, как облако в жаркий летний день. Часть из них убежала и присоединилась к тому потоку бродяг, насчитывающему около 20.000 ч., который медленно и молчаливо пробирается сквозь Сибирскую тайгу с востока на запад, по направлению к Уралу. Другие – и таких большинство, – усеяли своими костями «бродяжные тропы» по тайге и болотам и дороги, ведущие на золотые прииски и обратно. Остальные составляют бродячее население больших городов, пытающееся избежать обременительного надзора при помощи фальшивых паспортов и т. п.

Что же касается 130.000 ссыльных (по другому исчислению эта цифра значительно меньше), остающихся под контролем администрации, они являются, согласно свидетельствам всех исследователей, как официальных так и добровольных, бременем для страны вследствие нищенского положение, в ко-

тором они находятся. Даже в наиболее плодородных губерниях Сибири, – как напр. Томская и южная часть Тобольской губ., – лишь 1/4 всего числа ссыльных имеет собственные дома и лишь 1 из 9-ти занимается земледелием. В восточных губерниях этот процент еще менее значителен. Те из ссыльных, которые не занимаются земледельческой работой, – а таких на всю Сибирь насчитывается около 100.000 мужчин и женщин, – обыкновенно бродят из города в город без постоянного занятия, ходят на золотые прииски и обратно, или перебиваются со дня на день по деревням в неопикуемой нищете, страдая всеми пороками, являющимися неизбежным последствием нищеты[33].

В объяснение этого явления можно указать на несколько причин. Но, по отзывам всех, главной из них является та деморализация, которой подвергаются арестанты во время заключения в тюрьмах и в течении долгого странствования по этапам. Еще задолго до прибытия в Сибирь, они уже деморализованы.

Вынужденная лень в течении несколь-

ких лет в местных острогах, развившееся в острогах пристрастие к азартным карточным играм; систематическое подавление воли арестанта и развитие пассивности являются прямой противоположностью той моральной силы, которая требуется для успешной колонизации молодой страны; нравственное разложение, потеря воли, развитие низких страстей, мелочных желаний и противообщественных идей, прививаемых тюрьмой – все это необходимо принять во внимание, чтобы вполне оценить всю глубину развращения, распространяемого нашими тюрьмами и понять, почему бывшие обитатели этих карательных учреждений навсегда теряют способность к суровой борьбе за существование в приполярной русской колонии.

Но тюрьма сокрушает не только нравственные силы арестанта; его физические силы, в большинстве случаев, также бывают подорваны долгим странствованием по этапам и пребыванием в каторжной работе. Многие арестанты наживают неизлечимые болезни и почти все отличаются физической слабостью. Что же касается тех из них, которым при-

шлось провести около 20 лет на каторге (попытка к побегу нередко доводит срок каторги до вышеуказанного размера), то они, в громадном большинстве случаев, оказываются совершенно неспособными к какой-либо работе. Даже поставленные в наилучшие условия, они будут все-таки бременем для общества. Но дело в том, что условия, при которых приходится работать поселенцу – очень тяжелы. Его посылают в какую-нибудь отдаленную деревню, где его наделяют землей – обыкновенно худшею в данной деревне – и он должен превратиться в земледельца. В действительности же такой поселенец не имеет никакого понятия об условиях земледелия в Сибири, и пробыв 3-4 года в тюрьме, он, кроме того, потерял всякую любовь к такого рода работе, если он даже занимался ею раньше. Крестьянская община встречает его с враждой и презрением. Для неё он «рассейский», т.е. нечто пренебрежительное в глазах сибиряка и, кроме того, он – ссыльный! Он принадлежит, с точки зрения сибиряка, к той громадной массе «дармоедов», перевозка и содержание которых стоит сибирскому крестьяни-

ну стольких расходов и хлопот. В большинстве случаев такой поселенец – холост и не может жениться, так как на шесть ссыльных мужчин приходится одна ссыльная женщина, а сибиряк не отдает ему своей дочери, несмотря на соблазн 50 р., выдаваемых в таких случаях казною, но обыкновенно исчезающих на половину в карманах чиновников, пока деньги эти достигнут места назначения. Сибирь не может пожаловаться на отсутствие бюрократических мечтателей, которые, напр., приказывали местным крестьянам строить дома для поселенцев и поселяли последних группами в 5-6 чел., мечтая создать таким образом ссыльно-поселенческую деревенскую идиллию. Все подобного рода замыслы обыкновенно заканчивались неуспехом. Пять поселенцев из шести, насильственно соединенных вышеуказанным образом, не выдерживали долго и, после бесполезной борьбы с голодом, убегали под чужим именем в города, или шли в поисках за работой на золотые прииски. Целые деревни пустых домов на большом сибирском пути до сих пор напоминают путешественнику о бесплодности оф-

фициальных утопий, вводимых при помощи березовых розог.

Судьба поселенцев, попавших в работники к сибирскому крестьянину, также очень незавидна. Вся система найма рабочих в Сибири основана на выдаче им задатков, с целью сделать их неоплатными должниками и держать таким образом в состоянии постоянного рабства; сибирские крестьяне обыкновенно придерживаются именно этой системы при найме рабочих. Что же касается тех ссыльных, составляющих громадный процент всего ссыльного население, которые добывают себе средства к жизни путем работы на золотых приисках, то они теряют все свои заработки, как только доходят до первой деревни и первого кабака, хотя эти заработки являются результатом 4-5 месячного труда – воистину каторжного труда, со всеми его лишениями – на приисках. Деревни по Лене, Енисею, Кану и пр., куда выходят осенью рабочие с приисков, пользуются, в этом отношении, широкой известностью. Кто не знает в Восточной Сибири двух злосчастных заброшенных приленских деревушек, носящих громкие имена Парижа

и Лондона, вследствие прославленного искусства их обитателей в деле очищения карманов рабочих, вышедших с приисков? Когда рабочий прокутит в кабаке свой заработок до последней копейки и оставит кабатчику даже шапку и рубашку, приказчики золотопромышленников немедленно нанимают его на следующее лето и, в замен своего паспорта, он получает задаток под будущую работу, с которым он и возвращается домой, часто расходуя его до последней копейки на пути. Он возвращается таким образом в свою деревню с пустыми руками и нередко проводит долгие зимние месяцы в ближайшем остроге! Короче говоря, все официальные исследование, вплоть до настоящего времени, указывают, что те немногие из ссыльных, которым удалось устроиться в качестве домохозяев, живут в состоянии страшной нищеты; остальные же, бросив землю, обращаются в рабов на службе у сурового сибирского крестьянина и золотопромышленников, или же, наконец, — говоря словами официального отчета, «умирают от холода и голода».

Тайга (девственные леса, покрывающие

сотни тысяч квадр. верст в Сибири) густо населена беглецами, которые пробираются потихоньку по направлению к западу; этот непрерывный поток человеческих существ движется надеждою достигнуть родных деревень, находящихся по ту сторону Урала. Как только закукует кукушка, возвещая, что леса освободились от снежного покрова, что они вскоре смогут снабжать странника грибами и ягодами, ссыльные тысячами убегают с золотых приисков и соляных заводов, из деревень, где они голодали, и из городов, где они скрывались под чужими именами. Руководимые полярной звездой, мохом на деревьях или, имея во главе старых бродяг, изучивших в тюрьмах до тонкости сложную и драгоценную для беглеца науку, трактовующую о «бродяжных тропах» и «бродяжных пристанищах», они пускаются в длинный и полный опасностей обратный путь. Они идут вокруг байкальского озера, взбираясь на высокие и дикие горы по его берегам или перебираются через озеро на плоту, или даже, как поется в народной песне, в омулевой бочке из-под рыбы. Они всячески избегают больших дорог, го-

родов и бурятских поселений, хотя нередко располагаются на стоянку в лесах, вблизи городов; каждую весну можно видеть в Чите костры «бродяг», вспыхивающие вокруг маленькой столицы Забайкалья на лесистых склонах окружающих гор. Они свободно заходят также в русские деревни, где, вплоть до настоящего дня, сохранился обычай выставлять на окнах крестьянских домов хлеб и молоко для «несчастных».

Если беглые не занимаются в пути кражами, крестьяне не мешают их путешествию. Но лишь только кто-либо из бродяг нарушает этот взаимный молчаливый договор, сибиряки делаются безжалостными. «Промышленные» (охотники) – а их не мало в каждой сибирской деревне – рассыпаются по тайге и безжалостно истребляют бродяг, доходя иногда до утонченной жестокости. Около 30 лет тому назад охота за «горбачами» была своего рода промыслом; впрочем, этого рода охота за людьми остается и до сих пор промыслом, которым занимаются преимущественно карымы, помесь туземцев с русскими. «С сохатого возьмешь только одну шкуру, – говорят эти

охотники, – а с „горбача“ сдерешь по меньшей мере две: рубашку и хоботье». Некоторые из бродяг находят работу на крестьянских заимках, расположенных вдали от деревень, но большинство избегает этого рода работы в виду того, что летом удобнее всего пробираться к западу: тайга питает и укрывает странников в течении теплаго времени года. Правда, она в это время наполняется густыми тучами мошек и бродяги, которых приходится встречать летом, имеют ужасающий вид: их лица представляют одну сплошную опухшую рану; глаза воспалены и почти закрыты раздувшимися, напухшими веками; ноздри и губы покрыты сочащимися язвами. В Сибири и люди и скот доходят до бешенства от страданий, причиняемых мошками, которые проникают везде, несмотря на дым разложенных костров. Но бродяга неутомимо продолжает свой путь к горным вершинам, отделяющим Сибирь от России, и его сердце радостно бьется, когда он видит опять их голубоватые очертание на горизонте. Около 20, пожалуй, даже 30.000 чел. ведут постоянно такого рода жизнь и не менее 100.000 чел. пыталось про-

браться обратно на родину таким образом в течении 50 лет (с 1835 по 1885 г.). Скольким из них удалось попасть в Россию? Никто не может сказать даже приблизительно. Тысячи сложили свои кости в тайге и счастливы были те из них, глаза которых закрыли преданные товарищи по странствованию. Другие тысячи должны были искать убежища в острогах, когда их захватывала в пути суровая сибирская зима, во время которой замерзает ртуть и которой не могут выдержать изможденные тела злосчастных бродяг. Они получают в наказание за неудавшийся побег неизбежную сотню плетей, возвращаются опять в Забайкалье и на следующую весну, умудренные неудачным опытом, снова пускаются в тот же путь. Тысячи бродяг преследуются, захватываются или убиваются бурятами, карымами и сибирскими промышленными охотниками. Некоторых арестовывают, спустя несколько дней после того, как они ступили на почву их «матушки-России», когда они едва успели обнять стариков родителей, едва успели поглядеть на родную деревню, оставленную ими много лет тому назад,

часто лишь потому, что они не угодили исправнику, или вызвали злобу местного кулака... Какая бездна страданий скрывается за этими тремя словами: «побег из Сибири!»

Перехожу теперь к положению политических ссыльных в Сибири. Конечно, я не беру на себя смелости рассказать на этих страницах историю политической ссылки, начиная с 1607 г., когда один из родоначальников ныне царствующей династии, Василий Никитич Романов, явился первым из бесконечного ряда следовавших за ним политических ссыльных, закончив свою жизнь в подпольной тюрьме в Нырдобе, в цепях, весивших 64 фунта. Я не буду останавливаться на трагической истории Барских конфедератов, прибывших в Сибирь с отрезанными носами и ушами и, как говорит предание, спущенных со ската Тобольского Кремля, привязанными к бревнам; я не буду распространяться о преступлениях безумца Трескина и исправника Лоскутова; я упомяну лишь мельком об экзекуции 7 марта 1837 г., когда поляки Шокальский, Серочинский и четверо других умерли под ударами, шпицрутенов; я не буду описывать

страданий декабристов и политических ссыльных первых годов царствование Александра II; я не буду перечислять здесь имена всех наших поэтов и публицистов, начиная от времен Радищева и кончая Одоевским и позднее Чернышевским и Михайловым. Я ограничусь теперь лишь изображением положение политических ссыльных, находившихся в Сибири в 1883 году.

Кара служит местом заключение для политических, приговоренных к каторге, и осенью 1882 г. их было там 150 мужчин и женщин. После пребывания от двух до четырех лет под следствием в Петропавловской крепости, в знаменитом Литовском Замке, в Петербургском доме предварительного заключение и в провинциальных тюрьмах, они были посажены, после суда, в Харьковскую центральную тюрьму, в которой содержались от трех до пяти лет, опять в одиночном заключении, лишённые возможности заниматься какой-либо физической или умственной работой. Вслед за тем их перевели на несколько месяцев в Мценскую пересыльную тюрьму, где с ними обращались гораздо лучше, и, наконец, от-

правили в Забайкалье. Большинство из них совершили путешествие на Кару при тех условиях, которые я описывал раньше, – за Томском им пришлось идти пешком в кандалах. Немногим из них начальство разрешило пользоваться подводами, на которых они медленно тащились с этапа на этап. Но даже эти, счастливые, по сравнению с пешими товарищами, политические описывают это путешествие, как ряд мучений, говоря: «Люди впадали в безумие, не вынося нравственных и физических мучений этого пути. Жену д-ра Белого, сопровождавшую мужа, постигла эта участь; кроме неё еще 2-3 товарища начали страдать психическим расстройством».

Тюрьма, в которой содержатся политические на Средней Каре, это – одно из тех ветхих прогнивших зданий, о которых я говорил выше. Оно страдало переполнением уже, когда в нем помещались 91 политич. арест.; с прибытием новой партии в 60 чел., переполнение, конечно, усилилось в громадной степени; ветер и снег свободно проникают в щели, образовавшиеся между сгнившими бревнами; благодаря таким же щелям на полу, из-под

него страшно дует. Главной пищей арестантов является черный хлеб и гречневая каша; мясо выдается им лишь тогда, когда они работают над добычей золота, т.е. всего в течении 3-х месяцев в году, да и тогда его получают лишь 50 чел. из 150. Вопреки закону и обычаю, все они были закованы в 1881 г. в кандалы и даже работали в кандалах.

Для «политических» не имеется госпиталя и больные, которых не мало, остаются на нарах, рядом с здоровыми, в тех же холодных камерах, в той же удушающей атмосфере. Даже психически расстроенную М. Ковалевскую до сих пор держат в тюрьме. К счастью, среди политических имеются собственные врачи. Что же касается тюремного врача, то для его характеристики достаточно сказать, что М. Ковалевская была в его присутствии, во время одного из припадков её безумия, брошена на пол и жестоко избита. Женам политических арестантов разрешено жить на Нижней Каре и посещать мужей дважды в неделю, а также приносить им книги. Значительное количество заключенных умирают медленной смертью, в большинстве случаев от чахотки,

и процент смертности быстро возрастает.

Самым страшным злом Карийской каторги является ничем не сдерживаемый произвол тюремного начальства; заключенные находятся целиком в зависимости от капризов людей, назначаемых начальством со специальной целью «держат их в ежовых рукавицах». Начальник военной команды на Каре открыто говорит, что он был бы рад, если бы какой-нибудь «политический» оскорбил его, так как оскорбителя повесили бы; тюремный врач лечит арестантов при помощи кулаков; адъютант генерал-губернатора, капитан Загарин, в ответ на угрозу арестантов пожаловаться министру юстиции, громко заявил: «Я ваш губернатор, ваш министр, ваш царь!» Достаточно ознакомиться с историей «бунта» в Красноярской тюрьме, вызванного тем же капитаном Загариным, чтобы убедиться, что вместо того, чтобы находиться на государственной службе, подобный господин должен был бы сидеть в доме умалишенных. Даже женщинам из политических приходилось терпеть от его грубости: он оскорблял в них даже чувство стыдливости. Но когда Щедрин,

защищая свою невесту, ударил Загарина по лицу, военный суд вынес Щедрина смертный приговор. Генерал Педашенко поступил согласно громко выраженному мнению всего Иркутского общества, заменив смертный приговор двухнедельным арестом в карцере, но, к сожалению, немногие русские чиновники отличаются смелостью исправлявшего должность генерал-губернатора Восточной Сибири. Карцера, кандалы, приковка к тачке, – таковы обычные наказание, и при том вечные угрозы «сотней плетей». «Запорю! Сгною в карцере!» – постоянно слышат арестанты окрики начальства. Но, к счастью, телесное наказание не применяется к политическим. Пятидесятилетний опыт научил чиновников, что день, когда бы вздумали применить это наказание к политическим, был бы «днем великого кровопролития», как выражаются издатели «Народной Воли», описывая жизнь своих друзей в Сибири[34].

Предписание закона, относящиеся к ссыльным, открыто ставятся ни во что, как высшим, так и низшим начальством. Так напр. Успенский, Чарушин, Семеновский и Шишко

были выпущены в вольные команды в деревне Каре, в качестве «испытуемых», согласно закону. Но в 1881 г., по министерскому распоряжению, вызванному, неизвестно, какими причинами, было решено посадить их обратно в тюрьму.

Убедившись таким образом, что политические каторжане находятся вне закона и что надежды на улучшение участи тщетны, двое из карийцев совершили самоубийство. Успенский, мучившийся на каторжных работах с 1872 г., твердо переносивший все бедствия, силу воли которого ничто до того времени не могло сломить, последовал примеру двух своих товарищей. Если бы политические на Каре были обыкновенными уголовными убийцами, у них все же была бы надежда, что, отбыв 7-10-12 лет каторжных работ, они в конце концов были бы выпущены на свободу и переведены в какую-либо губернию Южной Сибири, сделавшись таким образом, согласно закону, поселенцами. Но законы писаны не для политических... Н. Г. Чернышевский уже в 1871 г. отбыл 7 лет каторжных работ, согласно приговору суда. Если бы он убил своих отца и

мать, или поджог дом с пол-дюжиной детей, по отбытии каторги он был бы поселен в какой-нибудь деревушке Иркутской губернии. Но он писал статьи по экономическим вопросам; он печатал их... с разрешения цензуры, правительство считало его, как возможного вождя конституционной партии в России и, вследствие всех этих причин, он был похоронен заживо в крохотном городишке Вилюйске, находящемся среди болот и лесов в 750 верстах за Якутском. Там, изолированный от всего мира, всегда под строгим надзором двух жандармов, живущих в одной с ним избе, он прожил уже целые годы, и ни агитация русской прессы, ни резолюции международных литературных конгрессов не могли вырвать его из рук подозрительного правительства. Такова же, вероятно, будет и судьба «политических», находящихся в настоящее время на Каре. Когда наступит законный срок их выхода на поселение – вместо освобождения их переведут из более мягкой по климату Забайкальской области куда-нибудь в тундры полярного круга.

Как ни тяжело положение уголовных

ссылочно-каторжных в Сибири, правительство нашло возможным подвергнуть такому же, если не худшему наказанию тех из своих политических врагов, которых оно не смогло, даже при помощи подтасовки судов, сослать на каторгу или на поселение. Оно достигает этого результата при помощи «административной ссылки или высылки» в более или менее отдаленные губернии империи без приговора, даже без признака какого-либо суда, просто по приказанию всемогущего шефа жандармов.

Каждый год от 500 до 600 юношей и девушек бывают арестовываемы по подозрению в революционной агитации. Следствие продолжается от шести месяцев до двух лет и даже более, сообразно с числом лиц арестованных по этому «делу» и важностью обвинения. Не более 1/10 части из всего числа арестованных бывает предаваемо суду. Все же остальные, против которых нельзя выдвинуть никакого обоснованного обвинения, но которые были аттестованы шпионами в качестве людей «опасных», все те, кто, по своему уму, энергии и «радикальным взглядам», могут сделаться

«опасными»; и в особенности те, кто во время подследственного заключения, проявили «дух непочтительности», – все они высылаются в какое-нибудь более или менее отдаленное, глухое место, лежащее на пространстве между Колой и Камчаткой. Николай I не унижал себя до подобных лицемерных способов преследование и в течении всего царствование «железного деспота» административная ссылка «политического» характера мало практиковалась. Но в царствование Александра II к ней прибегали в таких поразительных размерах, что теперь едва ли найдется какой-нибудь город или селение за 55° широты, начиная от границ Норвегии до побережья Охотского моря, где бы не нашлось пяти – десяти – двадцати административных ссыльных. В Январе 1881 г. их насчитывалось 29 чел. в Пинеге, деревушке с 750 обывателями, 55 – в Мезени (1800 жителей), 11 в Коле (740 жителей), 47 – в Холмогорах, деревне, в которой имеется всего 90 домов, 160 – в Зарайске (5000 жителей), 19 – в Енисейске и т. д.

Состав ссыльных этой категории – неизменно одного и того же характера: студенты

и девушки «превратного образа мыслей»; писатели, которых невозможно законным путем преследовать за их литературную деятельность, но которые, по мнению начальства, заражены «опасным духом»; рабочие, осмелившиеся «дерзко говорить» с начальством; лица, проявившие «непочтительность» по отношению к губернатору, и т. п., — все они ежегодно высылаются сотнями в глухие городишки и деревушки «более или менее отдаленных губерний империи». Что же касается людей ярко радикального образа мыслей, подозреваемых в «опасных тенденциях», то достаточно самого нелепаго доноса, самого неосновательного подозрения, чтобы попасть в ссылку. Девушки (как напр. Бардина, Субботина, Любатович и многие др.) были осуждены на 6-8 лет каторжных работ лишь за то, что они осмелились распространять социалистические брошюры среди рабочих. Был даже и такой случай, когда 14-ти летняя Гуковская была сослана за то, что протестовала в толпе против казни Ковальского. Если каторга и ссылка назначается судами за такие проступки, то естественно, что к админи-

стративной ссылке прибегают тогда, когда, при всех усилиях, нельзя возвести никакого более или менее доказанного обвинения[35]; короче говоря, административная ссылка приняла такие размеры и применялась с таким презрением к закону в царствование Александра II, что как только, во время краткого диктаторства Лорис-Меликова, губернские земства смогли воспользоваться некоторой свободой, ими немедленно была послана масса адресов императору, в которых земства просили о немедленной отмене этого рода ссылки, ярко характеризуя всю чудовищность административного произвола[36]. Как известно, все эти протесты не повели, в сущности, ни к чему и правительство, шумно заявив о своем намерении – амнистировать ссыльных, ограничилось назначением комиссии для рассмотрения их «дел», амнистировало очень, очень немногих и для значительного количества административно-ссыльных назначен был срок ссылки в 5-6 лет, по истечении которого «дела» их должны были быть пересмотрены заново[37]. Они действительно были пересмотрены и в ре-

зультате многие получили новую прибавку, с тем, однако, что, по истечении этого срока, «дела» их опять будут пересмотрены. Многие из ссыльных не пожелали дожидаться новых пересмотров и в 1883 году в Сибири началась эпидемия самоубийств.

Легко себе представить положение этих ссыльных, если мы вообразим студента, или девушку из хорошей семьи или искусного рабочего, привезенных жандармами в какой-нибудь городишко, насчитывающий всего сотню домов, жителями которого являются несколько десятков зырянских и русских охотников, два-три торговца мехами, священник и исправник. Хлеб страшно дорог; всякого рода товары, вроде сахара, чая, свечей, продаются чуть ли не на вес золота; о каком-нибудь заработке в городишке нечего и думать. Правительство выдает таким ссыльным от 4 до 8 руб. в месяц, причем выдача этой нищенской суммы прекращается, если ссыльный получит от родных или друзей хотя бы самую ничтожную сумму денег, напр. 10 руб. в течение года. Давать уроки – строго воспрещено, хотя бы даже детям станового или исправни-

ка. Большинство ссыльных из культурных классов не знают никакого ремесла. Найти же занятие в какой-нибудь конторе или частном предприятии, если таковые находятся в городишке, совершенно невозможно.

«Мы боимся давать им занятия», – писал Енисейский корреспондент «Русского Курьера», – «в виду того, что мы сами можем за это попасть под надзор полиции... Достаточно встретиться с административно-ссыльным или обменяться с ним несколькими словами, чтобы, в свою очередь, попасть в число подозрительных...

Глава одной торговой фирмы заставил недавно своих приказчиков подписать условие, в котором они обязываются не заводить знакомства с „политическими“ и даже не здороваться с ними при случайной встрече на улице».

Более того, в 1880 г. нам пришлось читать в русских газетах, что министр финансов сделал предложение «о разрешении уголовным и политическим административно-ссыльным заниматься всякого рода ремеслами, с разрешением генерал-губернатора, причем такое

разрешение должно быть испрашиваемо в каждом отдельном случае». Я не знаю, был ли этот план приведен в исполнение, но мне известно, что еще недавно занятие почти всеми видами ремесла воспрещалось административно-ссылным, не говоря уже о том, что во многих случаях занятие известного рода ремеслами прямо-таки невозможно, в виду того, что административно-ссылным воспрещается отлучка из города даже на несколько часов. После всего вышесказанного нужно ли говорить об ужасной невообразимой нищете, в которой приходится ссылным влачить жизнь? – «Без одежды, без сапогов, без каких-либо занятий, ютятся в крохотных нездоровых избушках, они в большинстве случаев умирают от чахотки», – сообщалось в «Голосе» (2 февраля, 1881 г.). «Наши административные ссылки буквально голодают. Некоторые из них, не имея квартир, устроились в подполье под колокольней», – писал другой корреспондент. «Административная ссылка, проще говоря, сводится к убийству путем голодание», – таково было мнение русской прессы, когда она имела возможность высказать-

ся по этому вопросу. «Это – приговор к медленной, но верной смерти», – писал по тому же поводу «Голос».

И все же нищета не является наиболее острым в ряду бедствий, постигающих административно-ссыльного. Местное начальство обращается с ними самым возмутительным образом. За помещение сведения в газетах об их положении ссыльные переводятся в отдаленнейшие места Восточной Сибири. Молодым девушкам, сосланным в Каргополь, приходится принимать ночные визиты пьяных местных властей, силою врывающихся в их комнаты под предлогом, что власти имеют право посещать ссыльных во всякое время дня и ночи. В другой местности полицейский чиновник требует от политических ссыльных девушек являться каждую неделю в полицейский участок для «освидетельствование, совместно с проститутками», и т. д.; и т. д.[38].

Если таково положение ссыльных в менее отдаленных частях России и Сибири, можно себе представить, каково оно в таких местностях, как Олекминск, Верхоянск или Нижне-Колымск, деревушка, лежащая у устья Ко-

лымы за 68° широты и имеющая лишь 190 жителей. Во всех этих деревушках, состоящих нередко всего из нескольких домов, живут ссыльные, мученики, заживо-погребенные в них за то, что правительство не смогло выставить против них никакого серьезного обвинения. Пространствовавщи целые месяцы по покрытым снегом горам, по замерзшим рекам, по тундрам, они заточены в эти деревушки, где прозябают лишь несколько полуголодных людей, промысляющих охотой. Не ограничиваясь ссылкой в такие, казалось бы, достаточно глухия и угрюмые местности, правительство – как ни трудно этому поверить – высылает некоторых административно-ссыльных в Якутские улусы, где им приходится жить в юртах, вместе с якутами, нередко страдающими самыми отвратительными кожными болезнями. «Мы живем во мраке», – писал один из них своим друзьям, воспользовавшись поездкой охотника в Верхоянск, откуда письму пришлось путешествовать 10 месяцев, пока оно достигло Олекминска, – «мы живем во мраке и зажигаем свечи лишь на 1 1/2 часа в день; они стоят черезчур

дорого. Хлеба совсем нет и мы питаемся рыбой. Мяса не достать ни за какую цену». Другой писал: «Пишу вам, страдая от мучительных болей, вследствие воспаления надкостной плевы... Я просился в госпиталь, но безуспешно. Не знаю, долго ли продолжатся мои мучение; единственное мое желание теперь как-нибудь избавиться от этой боли. Нам не позволяют видаться друг с другом, хотя мы живем всего на расстоянии около 5 верст. Казна отпускает нам 4 руб. 50 коп. – в месяц». Третий ссыльный писал около того же времени: «Спасибо вам, дорогие друзья, за газеты, но, к сожалению, не могу читать их: нет свечей и негде купить их. Моя цынга прогрессирует и так как нет надежды на перевод, я надеюсь умереть в течении этой зимы».

«Надеюсь умереть в течении этой зимы!» – такова единственная надежда, которую может питать ссыльный, попавший в Якутский улус под 68° широты!

Читая подобные письма, мы снова переносимся в XVII столетие и, кажется, слышим опять снова протопопа Аввакума: «а я остался здесь в холодном срубе, а позднее с грязными

тунгузами, как хороший пёс, лежа на соломе; когда покормят меня, а когда и забудут». И, подобно жене Аввакума, мы спрашиваем снова и снова: «Долго ли муки сея будет». Со времени эпизода с Аввакумом прошли века; в продолжении целого столетия мы слышали патетические декламации о прогрессе и гуманитарных принципах и все это лишь для того, чтобы ему возвратиться к тому же самому пункту, возвратиться к тому времени, когда московские цари, по нашептыванию приближенных бояр, посылали своих врагов умирать в тундрах.

А на вопрос Аввакумовой жены, повторяемый снова и снова по всему пространству Сибири, у нас имеется лишь один ответ: никакая частичная реформа, никакая замена одних людей другими не смогут улучшить этого ужасающего положение вещей; его может изменить лишь полное изменение всех основных условий русской жизни.

Глава VI Ссылка на Сахалин

На севере Тихого Океана, вблизи берегов Русской Манджурии, лежит большой остров, по величине один из самых обширных островов мира, но его положение вдали от морских путей, дикость его природы, бесплодие почвы и трудность доступа к нему были причиной того, что вплоть до прошлого столетия на него не обращали никакого внимания, рассматривая его, как полуостров. Мало есть мест на всем пространстве Российской империи хуже острова Сахалина; а потому туда и ссылает нынче русское правительство уголовных каторжан.

При ссылке в Сибирь всегда имелась в виду троякая цель: избавиться от накопление преступных элементов в России, при наименьших расходах со стороны казны; снабдить рудники дешевыми рабочими и, наконец, колонизовать Сибирь. В течении многих лет предполагалось, что вышеуказанная цель достигается; эта иллюзия могла держаться лишь, пока мнение самих сибиряков доходило до Петербурга при помощи губернаторов,

назначаемых в том же Петербурге. Но в течении последних 20 лет сделалось все более и более затруднительным заглушить независимые мнение, как самих сибиряков, так и вообще людей, знакомых с действительным положением вопроса о ссылке; возникла целая литература, безжалостно разрушавшая бюрократические иллюзии. Петербургское правительство вынуждено было заняться расследованием вопроса о ссылке и о её конечных результатах и это расследование вполне подтвердило мнение людей, занимавшихся изучением этого вопроса по собственному почину.

Оказывалось, прежде всего, что если кабинет действительно имеет дешевых рабочих в лице ссыльно-каторжных, добывающих золото и серебро из рудников, то эта дешевизна достигается путем совершенного презрения к ценности человеческой жизни. Необычайно высокий процент смертности среди каторжан, работавших в этих рудниках, возмущал общественную совесть. Если 20 лет тому назад возможно было замучивать до смерти на работе, с целью добыть такое количество зо-

лота, какое предписывалось из Петербурга; если каторжан можно было заставлять работать сверх сил и в тоже время голодать, вследствие чего они умирали сотнями в течении одного лета и никто не смел пикнуть ни слова об этих зверствах, – это стало невозможным, когда подобные факты сделались общеизвестными. Со времени открытия водного пути по Амуру, императорские золотые рудники на Каре и серебряные – на Газимуре не были уже более где-то на краю света. Предполагаемая дешевизна труда, при более детальном исследовании, также оказывалась обманчивой: хотя кабинет платил каторжанам за работу гроши, но транспортировка арестантов из России, страшная смертность, господствующая среди них, масса беглецов, бродивших по всей Сибири, необходимость содержания громадной администрации, а равным образом – солдат и казаков, все это ложилось таким тяжелым бременем на Россию и Сибирь, что страна, чтобы избавиться от этого бремени, несомненно с охотой поднесла бы кабинету сумму в два раза превосходящую ту, которая добывалась в его рудниках путем «деше-

вого» арестантского труда.

Другую иллюзию, согласно которой Сибирь была благодетельствована заселением её ссыльными, – было труднее рассеять. Статистика указывала, что, начиная с 1754 до 1885 г., в Сибирь было выслано около 1.200.000 ссыльных и каково бы ни было число убежавших и преждевременно умерших, все же многие сотни тысяч жителей были этим путем присоединены к коренному населению страны. Доказывали даже, что если Сибирь обладает теперь 4.100.000 население, то это население составилось, главным образом, из ссыльных и их потомства.

Цыфра, приведенная нами в предыдущей главе, а равным образом многие другие статистические данные помогли, однако, до известной степени рассеять и эту иллюзию. Официальное расследование, произведенное в 1875 г., указывало, что хотя в 4-х миллионном населении Сибири имеется значительный процент потомков ссыльных, все же колонизация страны совершалась главным образом путем свободных переселений, которые дали стране неизмеримо лучшие элементы, по

сравнению с толпами ссыльных арестантов, деморализованных долгим заключением в тюрьмах, изнуренных трудом на каторге и поселявшихся в Сибири вовсе без намерения начать в ней новую жизнь. Если статистические данные и не совпадают вполне с крайними взглядами некоторых сибиряков, готовых утверждать, что ссылка не играла никакой роли в росте населения Сибири, все же эти данные показывают, что прирост населения путем притока ссыльных оплачивался чрезмерными человеческими страданиями, тем более, что лишь менее половины ссыльных превращаются в оседлых поселенцев. Другая же половина является только тяжелым бременем для колонии[39].

Незначительность результатов, достигнутых в деле колонизации Сибири путем ссылки, должна была бы заставить правительство воздержаться от дальнейших опытов в этом направлении, в особенности, если бы были приняты во внимание те страдания, которым подвергаются ссыльные. Но желание иметь постоянное русское население на острове Сахалине, а равным образом стремление сибир-

ских генерал-губернаторов – освободиться от ежегодно увеличивающегося притока каторжан, посылаемых в Нерчинские заводы, побудили правительство предпринять новый опыт – колонизации этого дикого острова, путем ссылки туда ссыльно-каторжных. Эта идея пришлась по вкусу в Петербурге, а поэтому сибирские генерал-губернаторы легко подыскали соответственных чиновников, которые изобразили остров, как наиболее подходящее место для подобного эксперимента, и расписали в самых ярких красках минеральные богатства острова, его каменно-угольные залежи и т. д. Правительство не желало прислушаться к голосам частных исследователей, людей науки, горных инженеров и морских офицеров, которые характеризовали Сахалин сообразно суровой действительности. Начиная с 1869 г. поток ссыльно-каторжных направляется на злосчастный остров.

В течении нескольких лет в печать не проникло никаких сведений об этом нелепом эксперименте; но, в конце концов, правда начала обнаруживаться и мы теперь имеем до-

статочно данных, чтобы составить общее понятие о результатах этой бюрократической затеи.

Хотя по пространству Сахалин занимает одно из первых мест среди островов мира, он должен быть причислен к местностям, наименее пригодным для целей колонизации. В этом отношении, среди островов мира, разве лишь Новая Земля и Новая Сибирь могут быть поставлены ниже Сахалина. Собственно говоря, он является соединительным звеном между Японским архипелагом и Курильскими островами, так что Япония рассматривала Сахалин, как часть своей территории вплоть до того времени, когда русские, в 1853 г., устроили первый военный пост в Южной части острова. Три года спустя был устроен другой пост при каменно-угольных копях Дуэ, напротив устья Амура. Россия, таким образом, завладела островом и он был обследован в периоде 1860-1867 гг. несколькими научными экспедициями. Военные посты были усилены; начата была разработка юрских каменно-угольных отложений в Дуэ и в 1875 г. Япония, продолжавшая рассматривать южный

Сахалин, как часть своей территории, уступила его России, в обмен на Курильские острова.

Собственно говоря, остров не обладает ни малейшей привлекательностью в каком бы то ни было отношении и, не смотря на его обширные размеры (1000 верст длины и от 30 до 220 верст ширины), население на нем едва достигает 5000 душ. Около 2000 гиляков влчат печальное существование на севере острова, занимаясь охотой; около 2500 айнов – бородастое племя одного корня с курильцами – живут в немногих поселениях, разбросанных по южной части и, наконец, несколько сотен орочей, т.е. тунгузов, ведут кочевую жизнь в гористой области острова. Айны находятся в состоянии прямого рабства у нескольких японских купцов, снабжающих их зерновым хлебом, солью и другими необходимыми продуктами, в обмен на которые этот несчастный народец принужден расплачиваться тяжелой работой: японские купцы отбирают у айнов всю рыбу, которую последние успевают наловить в заливах и в устьях немногих рек, оставляя айнам лишь количество, необходимое для скудного пропитание. Сахалин,

за все время его исторического существования, будучи сначала под владычеством Китая, а позднее Японии, никогда не обладал оседлым населением; на нем жили лишь кучки нищенски-бедных охотников и рыболовов.

Да, в сущности, лишь охотники и рыболовы и могли найти здесь какие-либо средства к жизни.

Не то, чтобы остров лежал в очень широких высотах: его южная оконечность доходит до 46° , а северная не переходит за 54° . Но дело в том, что теплое морское течение, которое могло бы принести к острову теплоту Китайских вод, не достигает его; в то время, как ледяное холодное течение, выходящее из «великого ледника» Тихаго океана – Охотского моря – омывает восточные берега острова. В середине лета русские исследователи нашли восточные берега покрытыми ледяными полями и кучами льда, нанесенного северо-восточными ветрами. А на западе узкий продолговатый остров имеет огромный холодильник – холодные и высокие горные цепи Сибири, от которых он отделен лишь очень узким и мелким проливом. Лучи солнца скрывают-

ся за тяжелыми облаками и густыми туманами. Когда Ив. Сем. Поляков высадился в Дуэ, (на среднем Сахалине), в конце июня, он нашел горы покрытыми снегом, а почву замерзшей до глубины 21 дюйма. Летние всходы едва начинали прозябать, а высадку огородных овощей нельзя было начать раньше 20 июня. Июнь приближался к концу, но термометр за все это время не поднимался выше 18 °С. За все время не выдалось ни одного ясного дня; густой туман окутывал побережье и соседние горы целых восемь дней в течении июня.

Несколько горных цепей (высотой от 2000 до 5000 футов) пересекают остров. Их болотистые, или каменистые склоны сверху до низу покрыты жалкими лесами, состоящими из деревьев свойственных субарктической полосе. А между гор проходят лишь узкие, сырые, болотистые долины – совершенно непригодные для земледелия. Крутые склоны гор спускаются к самому Татарскому проливу, так что дорогу нельзя проложить по берегу, не пробивая утесов.

В сущности только две долины прорезают горы, заполняющие остров: долина реки Дуэ,

продолжающаяся к северо-востоку долиною Тыми и долина Пороная в южной части острова. В первую из них, к тому месту, где добывают каменный уголь, и направлены были ссыльно-каторжные.

И. С. Поляков, посетивший Сахалин в 1881-82 г. по поручению Петербургской Академии Наук, следующим образом описывает эту долину, которая в воображении русских бюрократов должна была сделаться центром русской цивилизации на острове. Горы, окружающие эту узкую долину, в большинстве обнажены от растительности и их склоны черезчур круты, чтобы на них можно было засеять хлеб. Дно самой долины состоит из слоя тяжелой глины, покрытой сверху лишь тонким пластом пахатной земли. Вся долина имеет очень болотистый характер. «Можно ходить, не увязая очень глубоко в грязи – говорит Поляков, – но вся долина усеяна торфяниками и глубокими болотами... Почва нигде не пригодна для земледелия... Местность сильно напоминает худшие части Олонецкой губернии, с той лишь разницей, что она часто покрыта водой, даже в лесах и что делает невозмож-

ным метод, практикуемый в Олонецкой губернии, т.е. – выжигание леса, за которым следует корчевание. В таких условиях земледелие и огородничество в окрестностях Дуэ невозможны. Лишь несколько полос в верхней части долины и по верховью Тыми могут быть использованы для этой цели. Но эти немногие полосы, встречаемые изредка, в большей части, уже обработаны»[40].

Между тем, именно тут, в окрестностях Дуэ, сосредоточены каторжане в качестве колонистов, после отбытия ими каторги в Александровской тюрьме. Поселение вокруг этой тюрьмы отличается необыкновенной мрачностью. Имеются две большие казармы – тюрьмы, возле них разбросано несколько домов, а за ними начинается тайга. Лишь Верхне-Александровск, расположенный несколько выше по долине и Корсаково, с его несколькими домами имеет более жилой вид; но и там уже вся земля, пригодная для огородничества, находится под обработкой. А, между тем, Сахалин был выбран местом ссылки для каторжан именно лишь с целью образовать из них постоянные земледельческие по-

селение. Предполагалось, что, отбыв часть срока на каменно-угольных коях, они будут поселены по близости и станут выращивать достаточно хлеба для своего прокормление и для снабжение тюрьмы.

В верхней части долины, которая, согласно преувеличенным отчетам администрации, должна была сделаться житницей Сахалина, почва отличается теми же качествами и небольшим поселением, Рыкову и Мало-Тимовскому, – «являющимся наиболее удобными местами для земледелия на всем острове», – приходится вести ту же упорную борьбу с природой. Овес не вызревает и выращивают только ячмень. Что же до дорог, соединяющих эти поселение, то сообщение по ним очень трудно. В лесах прорезаны просеки, но лошади вязнут в болотистой почве. Много надежд возлагалось на Тымскую долину, которая является продолжением Александровской долины к северо-востоку и доходит до Охотского моря. Но её болотистая почва, а тем более холод и туманы Охотского моря, делают занятие земледелием в долине, за исключением верхней части её, совершенно невоз-

можным. Ея растительность имеет субполярный характер, а приморское побережье ничем не отличается от Сибирской тундры. «Если впоследствии – говорит Поляков в официальном отчете, – после тщательных поисков и найдутся несколько мест в Тымской долине, пригодных для садоводства и распашки под зерновые хлеба, следовало бы подождать результатов опыта в уже имеющихся поселениях, прежде чем заводить новые; тем более, что снабжение этих поселений пищевыми продуктами уже и теперь сопряжено с значительными затруднениями и колония серьезно страдает от недостатка провизии. Что же касается надежды относительно устройства деревень в устье Тыма, она совершенно ошибочна, так как это – область тундры и полярной березы». Эти заключение русского путешественника, выраженные в столь сдержанной, – может быть черезчур сдержанной, – форме, вполне подтверждаются наблюдениями д-ра Петри в 1883 г., с той лишь разницей, что итальянский доктор не отличается сдержанностью русского ученого. Все рассказы о «Колонизации Сахалина», – писал он в

Жаһресберіт Бернскоґо географическоґо ообщества за 1883 и 1884 ґ. – «ничто иное, как самая наглая ложь, распускаемая администрацией острова. В то время, как местная администрация показывает на бумаге 1000 десятин якобы уже находящихся под обработкой, съемка, сделанная ґ. Карауловским, дает только 510 десятин действительно обработанных. Выходит, что 700 семейств ссыльно-каторжных, которым были обещаны наделы в 13 дес. пахатной земли на каждую душу мужского пола, в действительности успели очистить не более $\frac{2}{3}$ десят. на семью»[41]. Д-р Петри приходит к заключению, что остров совершенно непригоден для земледелия и что правительство решилось на подобный эксперимент, вследствие лживых отчетов людей, так или иначе заинтересованных в этом предприятии.

Насколько можно судить, по обнаружившимся фактам, опыт вполне подтвердил мрачные предсказание Полякова и д-ра Петри. Выращивание зерновых посевов на острове сопровождается такими затруднениями и такой неизвестностью в успехе, что новые по-

селенцы должны питаться продуктами, привозимыми из России; при чем нет никакой надежды на улучшение в этой области. Пищевые продукты приходится переносить из долины Дуэ в Тымскую долину (селение Дербинское) через горную цепь, на спинах арестантов, на пространстве 90 верст[42]; теперь читатель может понять, что, в сущности, обозначали сдержанные слова Полякова о «недостатке провизии». Что же касается тех немногих свободных колонистов, которые, поверив лживым обещанием, бросили свои дома в Тобольской губернии, и переселились в Таной, основав там деревню в 25 домов, – они вынуждены были бросить Сахалин после 3-х летней отчаянной борьбы с негостеприимным климатом и бесплодной почвой. Несмотря на субсидии от казны, они не пожелали остаться на острове и выселились на материк на Тихо-океанское побережье.

Несомненно, что Сахалин никогда не делается земледельческой колонией. Если и заведут там колонистов, то, подобно переселенцам нижнего Амура, они будут служить постоянным обременением казны и правитель-

ство, в конце концов, вынуждено будет разрешить им переселиться в какую-либо иную местность, ибо в противном случае ему придется долгие годы кормить колонистов. Пожалуй, на острове можно было бы вести с некоторым успехом скотоводство. Но во всяком случае, Сахалин может рассчитывать лишь на очень незначительное количество колонистов, которые могли бы пропитываться продуктами скотоводства и рыбной ловлей.

В России много говорили о Сахалинском каменном угле. Но и в этом отношении были допущены большие преувеличения. Правда, сахалинский каменный уголь предпочитается на Востоке австралийскому, но он несравненно хуже Нью-Кестльского или Кардиффского[43].

Добывание каменного угля на Сахалине было начато еще в 1858 г. и в течении первых 10 лет его было добыто 30.000 тон. Но уголь получался плохой, с массой камней, а его добывание (которое производилось при свете стеариновых свечей![44] обходилось баснословно дорого. Но все же запас добытого угля быстро возростал по мере того, как, партия

за партией, прибывали каждый год новые ссыльно-каторжные, так что теперь часть их занята проведением дороги по побережью, с целью облегчить сношение между Дуэ и Александровском. Между прочим, в скалах был пробит туннель; но этот знаменитый туннель, который должен был еще прославить Сахалин и об окончании работ в котором торжественно возвещалось в русских газетах, 1886 г. еще вовсе не был готов; тогда это была лишь круглая дыра, сквозь которую люди могли пробираться лишь на четвереньках.

Хуже всего, пожалуй, что на всем береговом пространстве Сахалина не имеется ни одной природной гавани и доступ к его берегам чрезвычайно затруднителен, вследствие туманов, позднего наступления лета и отсутствия маяков в Татарском проливе. Рейд в Дуэ совсем не защищен от ветров. Большой залив Терпение черезчур мелок, глубина его не превышает 24 фута на расстоянии полумилли от берега. Лучший залив – Анивский, который замерзает лишь на несколько недель, также совершенно не защищен от ветров и не имеет гаваней. Только залив Мордвиново дает хоро-

шую якорную стоянку.

Пройдет, вероятно, не мало лет, пока сахалинский уголь сможет конкурировать с Европейским в портах Китая. А пока это наступит, для добывание 5.000 тон, необходимых для той части русского флота, которая находится в этих водах, вполне было бы достаточно работы 120 чел. Тысячам арестантов, таким образом, в сущности, нечего делать на Сахалине и добытый ими уголь, вероятно, будет лежать десятки лет без употребления.

Первая партия арестантов, состоявшая из 800 чел., была послана на Сахалин в 1869 г. Следуя установившимся традициям, администрация не могла изобрести ничего лучшего, как послать их через Сибирь; таким образом, тем из них, которые следовали из Карийских каторжных тюрем, пришлось совершить путешествие в 3000 верст вниз по Амуру, а выславшимся из России пришлось совершить не менее 7000 верст, прежде чем они добрались до Николаевска, у устья Амура.

Результаты этого путешествия были, поистине, ужасающи. Когда первая партия, выступившая в путь в составе 250 чел., достигла на-

конец Николаевска, то, не говоря уже о смертности в пути, все арестанты в партии страдали цынгой; 50 чел. из них не могли двигаться...[45]. И эти несчастные люди предназначались быть пионерами колонизации на Сахалине! Не удивительно, что в первые годы смертность на Сахалине достигала 117 чел. на 1000 и что каждый ссыльный находился некоторое время в госпитале *трижды* в течении одного года[46].

Лишь после длинного ряда подобных «ошибок», о которых говорилось даже в нашей подцензурной прессе, транспортирование ссыльно-каторжных на Сахалин через Сибирь было прекращено и их начали высылать морем, через Одессу и Суэзский канал. Англичане, вероятно, еще помнят, в каком ужасном состоянии были привезены каторжане в Суец и какой крик негодования был поднят по этому поводу в английской прессе. Положение вещей в течении последних лет несколько улучшилось, судя по врачебным отчетам, которые утверждают, что транспортирование арестантов, на пароходах, идущих из Одессы, производится при сравнительно

сных условиях. Но еще недавно в газетах появилось известие, что последний транспорт (в 1886 г.) пострадал от оспенной эпидемии и что смертность снова достигла ужасающих размеров. Вслед за этим газетным известием, вероятно, последует официальное опровержение, но кто ему поверит?

О положении ссыльно-каторжных на Сахалине известно, в сущности, немного[47]. В 1879 г. в русских газетах появилось заявление, подписанное русским купцом, о безграничном произволе главноуправляющего островом. Тюремная администрация обвинялась в том, что она обкрадывает нищих арестантов. Доктор А. А. писал, в Октябре 1880 г. из Александровска: «Я назначен в Корсаковский госпиталь (на юге острова), но не смогу добраться до него раньше следующего июня... Мой товарищ ушел со службы... он не мог более переносить совершающихся безобразий! [48]. Многозначительные слова, дающие русскому читателю возможность догадываться о правде, в особенности в сопоставлении со следующим: „Заведывающий колонией редко посещает казармы, да и то лишь окруженный

вооруженными надзирателями. Начальник тюрьмы не осмеливается появляться среди арестантов“. Позднее, в петербургской газете „Страна“ было напечатано о проделках администрации на острове, открытых главным командиром русской тихо-океанской эскадры. Оказывалось, что в то время, как каторжане из бедняков посылались на самые тяжелые работы, закованными в кандалы, богатые негодяи из арестантов занимали привилегированное положение: они пользовались на острове совершенной свободой, сорили деньгами и устраивали банкеты начальству.

Вышеприведенные разоблачения вызвали официальное расследование. Газеты торжествовали по этому поводу, но каковы были результаты этого исследования – осталось неизвестным. С тех пор, в прессе не появлялось никаких сведений о Сахалине, за исключением вышеупомянутой нами работы д-ра Петри. Переполнение Александровской тюрьмы, вероятно, достигает ужасающих размеров. Она была построена всего на 600 человек, но в 1881 г. в ней помещалось 1103 чел., а в 1882 г. – 2230 чел. Вероятно, были построены

какие-нибудь временные казармы. Но можно себе представить, что должны представлять „временные казармы“ на Сахалине!

Из всего вышесказанного видно, что наибольшим затруднением для Сахалинской администрации является размещение каторжан и подыскание какого-либо занятия для тех, которые освобождаются от выполнения каторжной работы. Так как ни в России, ни в Сибири не имеется подходящего места для содержания каторжан, их высылают на Сахалин в увеличивающейся с каждым годом пропорции. В Сибири, после освобождения, они получают надел земли и некоторые земледельческие орудия; по истечении двух лет правительство слагает с себя всякую заботу о них. Но что делать с ними на Сахалине? Земледелие на острове, как мы видели, почти невозможно, поселенцам приходится буквально голодать и администрация вынуждена подвозить им пищевые продукты из России, подвергаясь всевозможному обычному риску. Так, напр., летом 1886 г., судя по заметке в полуофициальной газете, выходящей во Владивостоке, груз муки, предназначавшийся

для Сахалина, прибыл подмоченным и в нем завелись черви. По этому поводу было назначено, по обыкновению, „расследование“; но это „расследование“ мало поможет Сахалинцам, оставшимся без муки.

История Сахалинской „колонизации“ является повторением того, что мне пришлось наблюдать в 60-х годах на Амуре и Уссури; разница разве в том, что Сахалин находится в худших условиях. На Сахалине пуд ржаной муки самого скверного качества обходится в 4 руб.; цена эта удваивается, в случае нехватки в казенных складах, вследствие несвоевременной доставки или какой-либо другой случайности. Таким образом, предполагаемые земледельцы, которые должны были вскоре снабжать тюрьму продуктами земледельческого труда и которые при более соответственной обстановке, пожалуй, могли бы достигнуть этой цели – при настоящем положении вещей должны быть сами спасаемы от голода. Да это и понятно, когда каждой семье удалось расчистить средним числом лишь 2/3 десятины – из-под болотистых лесов.

Одним из крупных преимуществ Сахали-

на, с точки зрения тюремной администрации, было то обстоятельство, что побег был обставлен чрезвычайными трудностями. Этим преимуществом Сахалин, действительно, обладает. В сущности, не самый побег – невозможен. В 1870 г. не менее 16 % всего арестантского население острова пытались бежать. Но громадное большинство из них было поймано туземцами, которые или убивали их, если захватили вдали от военного поста, или же приводили на пост, если думали, что за это получат должное вознаграждение. За каждого беглаго, захваченного в Сибири, туземцам платится казной по 10 руб., если его приведут живым и 5 руб., если его убьют. На Сахалине арестантов расценивают дешевле и в первом случае платят 6 руб., а в последнем – 3 руб., думая, что и такая расценка побудит нищих гиляков охотиться за беглецами. Они ведут эту „охоту“ самым варварским образом, особенно с тех пор, как Сахалинское начальство раздало им ружья. Д-р Петри рассказывает, что однажды гиляки встретили партию сектантов, принадлежавших к секте бегунов, религиозное учение которых понуждает их по-

рвать всякие связи с грешным миром, находящимся во власти антихриста, и вести жизнь постоянных странников, не имеющих не только домов, но и никакой собственности. Их было 12 душ; у некоторых были на руках дети, и все они были убиты гиляками. Наиболее замечательной чертой характера этих злосчастных туземцев является отсутствие какой-либо злобы по отношению к беглецам: они отнесутся к беглецу самым лучшим образом, если последний даст им 3 руб. или что-либо равноценное. Но, если беглец не может заплатить требуемого выкупа, гиляки безжалостно убивают его, с целью получения „цены крови“, 3-х рублей, платимых тюремной администрацией. Когда выдача этой премии за человеческую жизнь была временно приостановлена, гиляки сами помогали беглецам. – „Что поделаешь“, – говорят Сахалинские ссыльные, – они сами голодают, а 3 рубля, да одежда с убитого – немалый соблазн для голодного человека».

И все же, побеги – многочисленны. Беглецы пробираются на юго-восток, хотя этот путь по горам и лесам чрезвычайно трудный и, до-

бравшись до морского берега, они ждут там, пока завидят американское китоловное судно. Некоторые перебираются через Татарский пролив, который имеет всего 9 верст ширины у мыса Погоби, где зимой можно по льду перейти на материк, другие же, срубивши плот из 3-х – 4-х деревьев, пускаются в море. Шкуна «Восток» недавно встретила в проливе такой плот. Со шкуны заметили какую-то черную движущуюся точку и, приблизившись к ней, увидели двух беглецов на плоту из четырех бревен. У них было ведро пресной воды, запас хлебных сухарей и два кирпича чая; они носились по морю, не имея представления – куда их занесет течение. На вопрос: куда они плывут? беглецы отвечали: «Туда, в Россию!» – указывая при этом куда-то на запад. Большинство из них умирает в пути, потопленные набежавшим шквалом, или попав под буран, – ужасный Амурский буран, – который иногда погребает Николаевск на несколько дней под снегом. А если им и удастся, в конце концов, добраться до материка, им приходится переносить массу страданий, прежде чем они доберутся до населенных ча-

стей Амура. Говорят, бывали даже случаи людоедства. И все-таки некоторым удастся возвратиться в Россию. Несколько лет тому назад один из них, Камолов, который уже добрался до родной деревни, но был выдан каким-то личным врагом, был предан суду за побег и его простой рассказ тронул сердца многих в России. Он странствовал 2 года, переплывая озера и реки, пробираясь сквозь леса и степи, пока добрался до дома. Жена ждала его возвращения. В течении нескольких недель он был счастлив. «Реки, горы, бурный Байкал, страшные снежные бури не причинили мне зла», говорил он на суде, – «звери пожалели меня. Но люди, мои односельчане, оказались безжалостными: они выдали меня!»

«Назад, в Россию!» – такова мечта неустанно преследующая всякого ссыльного. Его могут сослать на Сахалин, но мысли его непрерывно обращены к западу и даже с Сахалина он будет всячески пытаться вернуться в свою родную деревню, увидеть свою заброшенную избу. Система ссылки, очевидно, отжила свое время, если ссыльных приходится поселять

на уединенном острове, с целью – предупредить побег.

Мы надеемся, что, в более или менее близком будущем, ссылка в Сибирь будет прекращена. И чем скорее, тем лучше, ибо Сибирь велика, а бюрократическая фантазия беспредельна. Кто может поручиться, что завтра чиновникам не придет в голову устроить новые земледельческие колонии в Земле Чукчей или на Новой Земле и посвятить новые гекатомбы страдальцев, с единственной целью – дать нескольким чиновникам доходные должности?

Во всяком случае, бюрократические невежды в Петербурге, кажется, решили отказаться от выполнения фантастического плана, имевшего целью превращение Сахалина в уголовную колонию[49]. Судя по последним известиям, предполагается расширить Карийские тюрьмы и увеличить количество каторжан, ссылаемых туда, на 1000 чел.; предполагается также снова начать разработку Нерчинских серебряных рудников, работы в которых были приостановлены несколько лет тому назад. Как видите, в деле ссылки, как и

во многих других отношениях, мы возвращаемся к тому положению вещей, какое было 35 лет тому назад, накануне Крымской войны.

Глава VII Иностранцы о русских тюрьмах

Иностранцы, посещавшие Россию, если они обладали достаточной наблюдательностью, подмечали следующую характерную черту русской бюрократии. Русские чиновники хорошо знают недостатки своей бюрократической системы, знают её худшие стороны; да оно и не мудрено: они ведь сами являются составной частью этой бюрократии. Некоторые из них даже не скрывают этих недостатков, и открыто указывают в разговорах, в кругу друзей, на многоразличные недостатки русской бюрократии. Даже в официальных отчетах начальники отдельных ведомств не скрывают недостатков, замеченных ими среди своих подчиненных. Но стоит иностранцу зайти в гостинную, где за несколько минут перед тем русская администрация осуждалась самым беспощадным образом, чтобы те же критики хором начали уверять иностранца, что «конечно, наша администрация не свободна от некоторых мелких погрешно-

стей, – но ведь и на солнце есть пятна; при- том же Его Превосходительство Н. Н. уже при- нимает самые энергичные меры, чтобы сгла- дить последние следы тех погрешностей, ко- торые, к несчастью, вкрались в администра- цию при его предшественнике, генерале М. М.». Если же иностранец окажется корреспон- дентом какой-нибудь газеты и выкажет на- клонность доверчиво делиться с читающей публикой своей страны теми сведениями, ко- торые он извлекает из частных разговоров, тогда те самые, кто был «беспощадным кри- тиком» в кругу своих, постараются все пред- ставить иностранцу в самом розовом свете, всю русскую администрацию и, таким обра- зом, постараются сокрушить тех «мститель- ных публицистов», которые разглашают за- границей то, что писалось в России этими же самыми чиновниками, но только для домаш- него употребление. Мне хорошо знакомо бы- ло такое отношение в манджурской админи- страции, а равным образом и в русской – как в Иркутске, так и в Петербурге. Трудно найти, в самом деле, более поразительное изображе- ние поголовного грабительства в рядах всей

высшей администрации России, чем то, которое давалось в отчетах Государственного Контролера Александру ИИ-му, когда контроль впервые был введен в России. Но какой вопль негодование поднялся бы против того русского, который перевел бы эти отчеты и сообщил бы их содержание в иностранной прессе! – «Сору из избы не выноси!» – закричали бы все, так или иначе прикосновенные к бюрократическим сферам.

Легко можно себе представить, насколько затруднительно для иностранца ознакомление, при подобных обстоятельствах, с действительным положением такой отрасли администрации, как русские тюрьмы, в особенности если ему приходится вращаться исключительно в административных кругах, если он при этом не знаком с русским языком и если он не изучил русской литературы, относящейся к этому предмету. Если бы даже он был воодушевлен самым искренним желанием добрать до правды и не сделаться игрушкой в руках бюрократии, которая всегда рада найти удобный случай для своего обеления в иностранной прессе, то и тогда его путь был бы

усяян всевозможными затруднениями.

К сожалению, эта простая истина не всегда была понята иностранцами, посетившими Россию, и в то время, когда Степняк (Кравчинский) и я пытались обратить внимание английского общественного мнение на ужасы, совершавшиеся в русских тюрьмах, нашелся англичанин, священник Ланделль, взявшийся обелять русскую администрацию. Проехавшись со стремительною быстротою по Сибири, он выпустил сперва ряд статей, а потом и целую книгу, в которой рассказывал чудеса, даже про такие ужасные тюрьмы, как Тюменская и Томская пересыльные тюрьмы.

Так как его описание не сходились с моими и ему на это было указано в прессе, то он попытался объяснить противоречия в статье, помещенной в английском журнале «Contemporary Review», февраль, 1883 г., и я ответил ему, уже из Лионской тюрьмы. Мне не трудно было указать английскому священнику, что он ровно ничего не знает об русских тюрьмах, ни из собственных наблюдений, ни из русской литературы об этом предмете. Так, например, из самой же книги Лан-

сделля оказалось (см. его главы V, IX, XXI, XXXVI и XXXVII), что, проскакавши по Сибири со скоростью курьера, он посвятил *менее четырнадцати часов* на изучение главных карательных учреждений Сибири; а именно, около двух часов на Тобольскую тюрьму, два часа на Александровский завод, около Иркутска, и менее десяти часов на Каре, так как в один день он не только посетил Верхне-Карийские тюрьмы, но – успел еще проехать тридцать верст и воспользоваться сибирским гостеприимством, в форме завтраков и обеда, – подробно описанных в его книге. Что же касается до второго дня пребывания Лансделля на Каре, во время которого он должен был посетить Нижне-Карийские тюрьмы, где содержались политические, то в этот день оказались именины заведующего тюрьмами, полковника Кононовича, – а вечером, г. Лансделль должен был захватить пароход на Шилке, «так что», писал он, «когда мы прибыли к первой тюрьме, где офицер ожидал нашего прибытия, я побоялся что у нас не хватит времени, и я опоздаю на пароход. Поэтому, я просил немедленно ехать дальше, и мы

отправились на Усть-Кару».

Одним словом, несомненно, что, описывая в романе «Воскресение» англичанина, посетившего наскоком сибирские тюрьмы, Л. Н. Толстой имел в виду Ланселля.

Забавно было также отметить, что, цитируя источники, просмотренные им для изучения русских тюрем, Ланселль упоминал не только побег Пиотрковского, совершенный в сороковых годах, но даже второй том «Робинзона Крузо»!

Но всего интереснее то, что мы вскоре узнали, что сущность ответа г. Ланселля мою критику *была написана в Петербурге*, в тюремном ведомстве, подчиненном тогда г. Галкину-Врасскому. В этих видах, г. Ланселлю дали даже позволение пройти по корридорам Трубецкого бастиона, Петропавловской крепости и заглянуть в два каземата, через прорези в дверях. После чего Ланселль поспешил возгласить миру, под диктовку русских агентов в Лондоне, что все то, что мы печатали об ужасах заключение в Алексеевском равелине – чистейшая ложь! Воспоминание Поливанова и другие, напечатанные за по-

следние годы, показывают теперь, до чего доходила тогда наглость петербургских чиновников.

Все это, теперь, стало давно прошедшим, и об этом не стоило бы упоминать, если бы русская тюремная администрация, поощрявшая Ланделля, не попала сама на удочку. Кеннана и художника Фроста, посланных одним американским иллюстрированным журналом, приняли, как известно, в Петербурге с распростертыми объятиями. Им дали все полномочия, надеясь на то, что они, подобно Ланделлю, прокатятся по Сибири и напишут о сибирских тюрьмах все, что будет угодно петербургским бюрократам. Но, как известно, Кеннан и Фрост выучились по-русски, особенно Кеннан, они перезнакомились с массою ссыльных, и в конце концов Кеннан написал книгу о Сибири, раскрывшую всю ужасную картину ссылки.

С тех пор, моя полемика с Ланделлем — т.е., в сущности с г. Галкиным-Врасским — утратила таким образом всякий интерес, а потому я выкидываю ее и из этой книги и сохраняю только нижеследующие данные о

русских тюрьмах, почерпнутые из официальных данных и из источников того времени.

Вот, например, что писал о Литовском замке, в Петербурге, исследователь петербургских тюрем, г. Никитин:

«В этой тюрьме 103 камеры, в которых помещается 801 арестант... Камеры страшно грязны; уже на лестнице вас встречает удушающий смрад. Карцеры производят потрясающее впечатление; они почти совершенно лишены света; до них надо добраться через какие-то темные лабиринты и сами карцеры страшно сыры: в них нет ничего, кроме сгнившего пола и мокрых стен. Человеку, входящему со свежего воздуха в такой карцер, приходится немедленно убегать, из боязни задохнуться... Специалисты говорят, что *самый здоровый человек* должен умереть, если его продержат в таком карцере три или четыре недели. Заключение, пробывшие в них некоторое время, выходили совершенно изнеможенными; некоторые едва могли держаться на ногах. Лишь немногим, принадлежащим к менее важным категориям, поз-

воляется работать. Остальные сидят, сложа руки, по месяцам, иногда по годам». Когда г. Никитин любопытствовал посмотреть отчеты о деньгах, приносимых арестантам их родными, или заработанных ими в тюрьме, он встретил самый решительный отказ, как со стороны высшего, так и низшего тюремного начальства.

Тот же автор следующим образом описывает места заключение при полицейских участках столицы:

«В камерах для простонародья – грязь ужасная; арестантам приходится спать на голых деревянных нарах, или же, за недостатком места, нередко половина их спит *под нарами на полу*. При каждой такой тюрьме имеются карцеры; это – просто очень маленькие каморки, куда совершенно свободно проникают снег и дождь. В них нет ничего, спать приходится на полу; стены и пол совершенно мокры. Привилегированные арестанты, которых держат в одиночных камерах, вскоре впадают в меланхолию; некоторые из них были близки к помешательству... В общих камерах не дают никаких книг для чтения, кроме

религиозных, которые употребляются для свертывание папирос» (Участковые тюрьмы в Петербурге).

Официальный отчет С.-Петербургского комитета «Общества для помощи заключенным в тюрьмах», напечатанный в Петербурге в 1880 г., следующим образом описывает тюрьмы русской столицы:

«Литовский Замок был построен на 700 арестантов, а пересыльная тюрьма – на 200 чел., но в них часто находятся: в Замке от 900 до 1000 арест., а в пересыльной – от 350 до 400, и даже более. Кроме этого, с давнего времени здание этих тюрем не отвечают ни санитарным требованием, ни своему назначению, как места заключение».

Журнал Каткова. «Русский Вестник», также далек от похвалы русским тюрьмам. После описание мест заключение при полицейских участках, г. Муравьев (автор статей, помещенных в «Русском Вестнике») замечает, что *остроги* – не лучше; обыкновенно, это – ветхое, грязное здание или ряд таких зданий, окруженных стенами. Неприглядные снаружи, остроги не лучше и внутри: сырость, грязь,

переполнение, и смрад – таковы типические черты острогов, как в столицах, так и в провинции.

«Одежда в острогах, – говорит г. Муравьев, – имеется двух сортов: старая, недостаточная одежда, обычно носимая арестантами и лучшая, раздаваемая последним, когда тюрьму должно посетить начальство; в другое время эта одежда хранится в кладовых... Ни школ, ни библиотек не имеется... Пересыльные тюрьмы – еще хуже... Остановимся на несколько минут в одной из камер. Это – обширная комната, с нарами по стенам и узкими проходами между ними. Сотни женщин и детей собраны здесь. Это – так называемая „семейная камера“, для семей арестантов. В этой удушающей атмосфере вы находите детей всех возрастов, в самой отчаянной нищете; казенной одежды им не дается, и поэтому они одеты в тряпье, висящее на них лохмотьями и не защищающее их ни от холода, ни от сырости; а, между тем, одетыми в это тряпье, дети пойдут в ссылку в Сибирь» («Русский Вестник», 1878 г.).

Говоря о сибирских тюрьмах, Ядринцев

пишет следующее: (я сокращаю его рассказ): – «Почти в каждом остроге имеется нечто вроде подземного корридора, сырого и смрадного; – чистая могила; в нем имеется несколько камер, куда сажают наиболее опасных подследственных арестантов. Камеры эти – наполовину под землю. Полы в них всегда мокры и гнилы, плесень и грибки покрывают стены; вода постоянно просачивается из-под пола. Маленькое покрашенное окно почти совершенно не пропускает света. Арестанты содержатся там в кандалах. Ни кроватей, ни постелей не полагается; спят на полу, покрытом червями и мириадами блох; вместо постели им служит подстилка из гнилой соломы, а одеяла заменяются арестантскими халатами, изорванными в клочки. Сырость и холод бросают в озноб даже летом. Часовым приходится выбегать от времени до времени, чтобы подышать свежим воздухом. И в подобных камерах арестанты проводят целые годы в ожидании суда! Не мудрено, что даже наиболее здоровые из них впадают в безумие. „Я слышал однажды ночью страшные крики“, – говорит один из арестантов в своих воспоминани-

ех, – „это были крики гиганта, сошедшего с ума“».

И т. д., и т. д. Я мог бы наполнить десятки страниц подобными описаниями. Были ли показаны эти помещения иностранцам, посещавшим русские тюрьмы? – Конечно нет.

Что касается до переполнение русских тюрем, то вот еще несколько характерных данных:

«Томская пересыльная тюрьма (сообщает корреспондент „Сибирской газеты“) переполнена. К имевшимся уже 1520 заключенным прибавилось 700 человек, и таким образом в тюрьме, построенной на 900 человек, в настоящее время содержится 2220; из них 207 больных» («Сибирская газета» и «Московский Телеграф», 28 августа, 1881 г.).

В Самаре: «Среднее число арестантов в наших тюрьмах к 1 числу каждого месяца текущего года было – 1147 чел.; совокупная кубическая вместимость всех наших тюрем рассчитана на 552». («Голос», 13 мая, 1882 г.).

В Нижнем Новгороде: «Тюрьма, построенная на 300 человек, вмещает во время навигации 700, а иногда даже 800 арестантов» (офици-

циальный отчет, приводимый в «Голосе», март, 1882 г.).

В Польше: «В каждой тюрьме в Польше место, рассчитанное на одного арестанта, занимают четыре. Предполагается построить ряд новых тюрем». Оне, кстати сказать, до сих пор не построены. («Московский Телеграф», ноябрь, 1881 г.).

Такими выписками можно было наполнить страницы; но вот мнение самих чиновников, которым вверен надзор за тюрьмами.

Г. Муравьев, сотрудник Катковского журнала, в тщательно составленной статье (написанной при том же в духе, излюбленном и поощряемом русским правительством), говорит следующее: «Почти во всех наших тюрьмах находится в полтора или два раза большее количество арестантов, чем то, на которое рассчитывали при их постройке» («Тюрьмы и Тюремный Вопрос», «Русский Вестник», 1878 г.). А вот что сообщает сибирский стряпчий г. Мишло, о *сибирских* тюрьмах, находившихся в его ведении: «Надзиратель повел меня в камеры. Везде – грязь, переполнение, сырость, недостаток воздуха и света. Осмотрев

камеры, я отправился в госпиталь. Войдя в первую же палату, я невольно отпрянул назад, пораженный невообразимым смрадом... Отхожая места являются роскошным помещением, по сравнению с этим госпиталем... *Везде число арестантов в три раза превышает количество, допускаемое законом.* В Верхне-Удинске, например, острог построен на 240 человек, а между тем, в нем обыкновенно помещается 800». («Отечественные Записки», 1881 г.).

Именно вследствие подобного переполнение и феноменальной грязи возникла в Киевской тюрьме знаменитая тифозная эпидемия. Может быть, и правда, что она была занесена в тюрьму, как утверждало тюремное начальство, пленными турками, но несомненно, что она развивалась в таких ужасающих размерах, вследствие переполнение тюрем и страшной грязи. «Здание, построенные на 550 человек, вмещали вдвое большее количество», – говорит корреспондент «Голоса», в письме от 30 октября 1880 г.; при чем он прибавляет: «Как известно, профессора университета, посетившие тюрьму, пришли к заключе-

нию, что переполнение было главной причиной эпидемии». Циркуляр главного инспектора тюрем (упомянутый в главе II) подтверждает справедливость этого заключение. Не мудрено, что даже после того, как часть арестантов была вывезена, из 750 человек, находившихся в тюрьме, 200 все еще лежали в тифозной горячке. Не мудрено также, что смертность в Харьковской тюрьме достигла таких ужасающих размеров – а именно, умерло 200 человек из 500, как это указал тюремный священник, в проповеди, напечатанной в местной «Епархиальной Газете», которая, как известно, издается под цензурой местного архиепископа.

Я вполне понимаю трудности, которые встречаешь иностранец, пожелавший ознакомиться с истинным положением России. Но, чем больше трудности, тем более, казалось бы, следовало употреблять усилий, чтобы добраться до истины. Некоторые иностранцы так и делали. Другие же относились к своей задаче с непростительным легкомыслием. Между тем, если легкомыслие – вообще не похвально, то оно становится почти преступ-

ным, когда проявляется при обсуждении таких серьезных вопросов и относительно такой страны, как Россия. В продолжении двадцати лет общественное мнение в России тщетно добивалось полного пересмотра всей тюремной системы. Но оно этого еще не добилось. Между тем, наше правительство, остающееся глухим ко всем этим требованиям, конечно, всегда бывает очень радо, если ему представляется возможность ответить недовольным что-нибудь в том роде: – «Вот вам мнение иностранца, знающего все о тюрьмах всего света! Он находит, что вы все преувеличиваете в своих жалобах: он говорит, что наши тюрьмы несколько не хуже тюрем других государств».

Когда сотни тысяч человек – мужчин, женщин и детей – стонут под игом наших тюремных порядков, – к вопросам подобного рода необходимо подходить с величайшей осторожностью. И я искренне прошу иностранцев, которые могли бы заняться изучением этих вопросов, никогда не забывать, что всякая попытка представить в более или менее благоприятном свете наши тюрьмы послу-

жит только к поддержанию ныне существующих безобразий.

Глава VIII Во французских тюрьмах

Тюрьма св. Павла в Лионе, в которой я провел первые три месяца моего заключения, не принадлежит к числу тех старых, разрушающихся и сырых замков, которыми во многих провинциальных французских городах все еще пользуются для помещения в них арестантов. Это – современная тюрьма, претендующая на одно из первых мест в ряду департаментских тюрем. Она занимает обширное пространство, окруженное двойным поясом высоких стен; здание тюрьмы поместительны, современной архитектуры и выглядят опрятно. При её постройке, очевидно, руководились современными идеями в тюремном вопросе; причем были приняты также меры, чтобы можно было обратить ее в форт, в случае бунта в Лионе. Подобно другим департаментским тюрьмам, она предназначена для арестантов, ожидающих суда, а также и для тех, уже осужденных, срок заключения которых не превышает одного года. Подземная

галлерей соединяет ее с другой обширной тюрьмой – св. Иосифа – в которой помещаются женщины.

Я прибыл сюда декабрьскою ночью из Тонна, сопровождаемый тремя жандармами. После обычных вопросов, я был помещен в пистолю (pistole), которая предварительно была приведена в порядок и протоплена для меня; в этом помещении я оставался до следующего марта. За плату по шести франков в месяц и три франка служителю, всякий заключенный, попадающий в тюрьму в первый раз, может нанять себе пистолю на все время предварительного заключения и таким образом избежать помещения в одиночной камере. Пистоля несколько просторнее и чище обыкновенных одиночек. Глубокое окно под потолком дает достаточно света; от одного угла камеры до другого, по её каменному полу, можно сделать 6-7 шагов. В ней имеется кровать с чистым бельем и маленькая железная печка, отапливаемая коксом; для человека, занятого какой-либо работой и привыкшего к одиночеству, пистоля является довольно комфортабельным помещением, если только за-

ключение не затягивается надолго.

Обыкновенные одиночки, занимающие отдельное крыло тюрьмы, гораздо хуже. Они построены по тому образцу, который принят теперь везде в Европе: вы входите в широкую и высокую галлерею, по обеим сторонам которой вы видите два или три этажа железных балконов; на всем протяжении этих балконов имеются двери, ведущие в одиночки, имеющие 10 футов длины и от 6 до семи футов ширины и снабженные, каждая, железною кроватью, небольшим столиком и маленькой скамейкой, — все наглухо прикрепленные к стенам. В Лионской тюрьме эти одиночки очень грязны, переполнены клопами и никогда не отапливаются, не смотря на сырость климата и на туманы, которые могут соперничать по густоте, если не по цвету, с Лондонскими. Газ никогда не зажигается и, таким образом, арестант обречен на совершенную темноту и бездеятельность от пяти, а в зимние вечера, даже от четырех часов, вплоть до следующего утра. Каждый арестант должен сам чистить свою одиночку; т.е. он спускается утром в тюремный двор, где выливает и моет

свою парашу, испарениями которой он дышит в продолжении целого дня. Даже те простейшие приспособления для избежания этого неудобства, которые мы позже нашли в Клэрво, (где параша помещается в стене, в сквозной дыре, имеющей дверь в корридор и дверь в камеру), не были еще введены в Лионе. Конечно, арестантам не дают никакой работы во время предварительного заключения, и они обыкновенно проводят целые дни в совершенной праздности. Развращающее влияние тюрьмы начинается, таким образом, тотчас же, как только арестант переступит ее порог.

К счастью, заключение в ожидании суда не затягивается во Франции на такой ужасающе-долгий срок, как у нас в России. Если дело не сложное, его обыкновенно рассматривают во время следующих ассизов, заседающих каждые три месяца; и дела, по которым предварительное заключение продолжается более 10-12 месяцев, являются исключением. Что же касается тех дел, которые рассматриваются судами «исправительной полиции» (Police correctionnelle), они обыкновенно заканчива-

ются – всегда осуждением – в течении месяца или даже двух недель. Немногие арестанты, из числа уже осужденных, также содержатся в этих камерах, – недавно проведен закон, согласно которому арестанты имеют право отбывать наказание в одиночном заключении, при чем три месяца такого заключение считаются за четыре. Впрочем, эта категория заключенных – очень немногочисленна, так как для каждого отдельного случая требуется специальное разрешение министра.

Между высокими крыльями звездообразной тюрьмы находятся дворики, вымощенные асфальтом и один из них разделен на три узких полосы для одиночных заключенных. Здесь арестанты гуляют, или занимаются такой работой, какая возможна на открытом воздухе. Каждое утро я видел из моего окна, как человек пятьдесят арестантов спускались во двор; там, усевшись на асфальтовом полу, они теребили размотанные уже шелковые коконы, из которых получают шелковые очески. Из моего окна, или когда я проходил случайно мимо, я видел также толпы мальчуганов, наполнявших один из дворов; и, несмот-

ря на то, что с тех пор прошло несколько лет, я до сих пор не могу вспомнить об этих мальчиках без чувства глубокой скорби.

Приговоры, выносимые детям судами исправительной полиции (замечу кстати, никогда не выносящими оправдательных приговоров) отличаются большею жестокостью, чем приговоры взрослым. Взрослые могут отделаться несколькими месяцами или несколькими годами заключение; мальчика за то же самое преступление непременно отправят в «исправительный дом», где он должен находиться, пока ему исполнится 18 или 21 год. Когда преследование Лионских анархистов достигло до кульминационного пункта, 15-ти летний юноша, Сирье, был осужден Лионским апелляционным судом к заключению в тюрьме, пока не достигнет 21 года, – за оскорбление полиции в речи, произнесенной на митинге. Председатель этого же самого митинга, за ту же самую вину, был присужден к годовому тюремному заключению и в настоящее время он давно уже выпущен на свободу, тогда как Сирье предстоит отсидеть еще несколько лет. Подобного рода приговоры со-

всем не редки в французском судопроизводстве.

Я мало знаком с французскими исправительными заведениями и колониями для малолетних преступников и мне приходилось слышать о них самые противоречивые отзывы. Так, некоторые говорили мне, что детей там обучают земледелию и, в общем, обращаются с ними довольно сносно, особенно, с тех пор как были сделаны некоторые реформы; но с другой стороны, мне приходилось слышать, что несколько лет тому назад в исправительной колонии в окрестностях Клэрво, лицо, которому дети были сданы в аренду государством, заставляло их работать через силу[50], и вообще обращалось с ними очень плохо. Во всяком случае, мне пришлось видеть в Лионской тюрьме изрядное количество мальчиков, – в большинстве случаев „неисправимых“ и беглецов из исправительных колоний, и деморализация, развивавшаяся среди этих детей, была поистине ужасна. Под игом грубых надзирателей, оставленные без всякого морализующего влияние, они становятся впоследствии постоянными обитателя-

ми тюрем и, достигнув старости, неизменно кончают свои дни в какой-нибудь центральной тюрьме, или же в Новой Каледонии. По единогласному свидетельству надзирателей и священника тюрьмы св. Павла, эти дети постоянно предаются известному пороку – в спальнях, в церкви, в двориках. Видя поразительное количество преступлений против нравственности, разбираемых ежегодно во французских судах, нужно помнить, поэтому, что само государство содержит в Лионе, да и в других тюрьмах, специальные рассадники этого рода преступлений. Вследствие этого, я серьезно советую тем, кто занимается разработкой планов для законного истребления рецидивистов в Новой Гвинее, прежде всего нанять на неделю-другую пистолю в Лионе и там пересмотреть заново свои нелепые планы[51]. Они убедятся тогда, что нельзя начинать реформу человеческого характера, когда он уже сформировался, и что действительная причина рецидивизма лежит в извращениях, рассадником которых являются тюрьмы, в роде Лионской. С моей же личной точки зрения, – запирать сотни мальчиков в такие оча-

ги нравственной заразы, значит совершать преступление гораздо большее, чем какое бы то ни было из совершенных этими несчастными детьми.

Вообще, тюрьмы не учат людей честности и тюрьма св. Павла не представляет исключение из общего правила. Уроки честности, даваемые сверху, как увидят читатели, мало чем отличаются от тех понятий честности, которые господствуют внизу, в арестантской массе. Во французских тюрьмах практикуется две разные системы снабжение арестантов пищей, одеждой и прочим. В некоторых тюрьмах государство само является в роли подрядчика, снабжающего пищей, одеждой и теми вещами, которые арестант может приобретать на собственные деньги в тюремной лавочке (хлеб, сыр, мясо; вино и табак для подследственных; ножички, гребешки, щетки, фуфайки, бумагу и т. д.). В таком случае государство само удерживает известную часть (от 3/10 до 9/10) из заработка арестанта, получаемого им за работу в тюрьме, исполняемую по заказу государства или для частного подрядчика. Три-десятых этой заработной платы

удерживается казной, если арестант находится в предварительном заключении; пять-десять – если он осужден в первый раз, а 6/10, 7/10, 8/10 и 9/10, – если он подвергался уже тюремному заключению дважды, трижды и т. д., но одна десятая заработной платы всегда оставляется для заключенного, сколько бы раз он уже ни отбывал наказание. В других тюрьмах снабжение арестантов предоставляется частному предпринимателю, который обязан доставлять все, согласно правилам. Подрядчик, в этом случае, получает вышеупомянутые доли заработной платы и, кроме того, государство платит ему несколько сантимов в день за каждого арестанта. Что же касается до тех заключенных, которые работают на частных заказчиков с воли (особенно искусные сапожники, портные и писцы), то они обязаны платить тюремному подрядчику известное „выкупное“, большею частью один франк (сорок копеек) в день, – и таким образом освобождаются от обязательной тюремной работы[52].

Тюрьма св. Павла придерживается второй из указанных систем: в ней все доставляется

тюремным подрядчиком, причем все доставляемые продукты бывают наихудшего качества. Подрядчик самым бессовестным образом грабит арестантов. Конечно, пища не так плоха, как она бывает в русских тюрьмах, но все же – в достаточной степени скверна, в особенности по сравнению с той, которую дают в Клэрво. Хлеб – очень низкого качества, а суп и каша (ratin) из вареного риса или бобов часто бывают отвратительны. В тюремной лавочке все дорого и скверно; в то время как администрация тюрьмы в Клэрво давала нам за 30 сантимов (12 копеек) кусок хорошего бифштекса с картофелем, в Лионской тюрьме мы платили вдвое за ломоть очень скверного вареного мяса, и так во всем.

Я не могу судить по моим личным наблюдениям, как оплачиваются в Лионской тюрьме работы; но рассказанное мною выше не внушает особенного доверия к честности всего предприятия. Что же касается одежды, то она очень плоха и гораздо хуже по качеству той, какую я видел в Клэрво, хотя и там она достаточно плоха. Совершая ежедневную прогулку в одном из дворов Лионской тюрьмы,

мне часто приходилось видеть, как только-что осужденные отправлялись сменять свою собственную одежду на арестантскую, доставляемую подрядчиком. Это были в большинстве случаев рабочие, бедно, но все же прилично одетые, как вообще одеваются даже беднейшие французские рабочие. Но когда они облекались в тюремный костюм: коричневую куртку, покрытую разноцветными заплатами и такие же заплатанные штаны, на шесть дюймов не достигающие до громадных деревянных сабо, — арестанты испытывали чувство глубокого замешательства в этом смешном и позорном одеянии. Таким образом, первым шагом заключенного в тюрьме является облачение в одежду, которая сама по себе служит клеймом унижения.

Мне не пришлось ближе ознакомиться с отношениями между тюремной администрацией и уголовными в Лионских тюрьмах. Но и того, что я видел, было совершенно достаточно, чтобы убедиться, что тюремные надзиратели — в большинстве случаев старые полицейские сержанты — сохранили все характерные особенности прежней наполеоновской

полиции, всегда отличавшейся грубой жестокостью. Что же касается высшей тюремной администрации, то она проникнута тем лицемерием, которое характеризует правящие классы Лиона. Приведу один образчик. Директор тюрьмы многократно давал мне формальное обещание не конфисковать моих писем, не уведомив меня каждый раз о факте конфискации. Это было все, чего я добивался в этом отношении. Но несмотря на эти обещания, несколько моих писем было конфисковано, при чем меня не сочли нужным уведомить об этом, и моя жена, которая была в это время больна, очень беспокоилась, не получая никаких известий от меня. Одно из моих писем, украденных таким манером, было даже передано прокурору Фабригет, который читал его в заседании апелляционного суда.

Во всякой тюремной системе имеется одна особенность, на которую давно следовало бы обратить внимание, но которую обыкновенно совершенно упускают из вида. Руководящей идеей нашей карательной системы несомненно является желание наказать человека, признанного „преступником“; между тем, в

действительности наказание несколькими годами тюремного заключения обрушивается всей тяжестью не столько на „преступника“, сколько на людей совершенно невинных, т.е. на его жену и детей. Как ни тяжелы условия тюремной жизни, человек так устроен, что он в конце концов приспособляется к ним, и раз он не в силах изменить их, относится к ним, как к неизбежному злу. Но есть люди – жена и дети заключенных, – которые никогда не могут примириться с лишением того, кто был их единственной поддержкой в жизни. Судьи и всякого рода законники, которые с таким легким сердцем присуждают людей к двум, трем, пяти годам заключения – задумывались ли они когда-нибудь над судьбою жены приговоренного? Знают ли они, как мала пропорция женщин, которые смогли бы зарабатывать более 3-х или 4-х рублей в неделю? И знают ли они, что жить с семьей на такой заработок, значит терпеть суровую нищету, со всеми её ужасными последствиями? Задумывались ли они над теми нравственными страданиями, которые они причиняют жене арестанта: презрение соседей и знакомых, стра-

дание самой жены, которая естественно преувеличивает в своем воображении тегости тюремной жизни мужа, которой приходится думать не только о сегодняшнем дне, но и заглядывать постоянно в безрадостное будущее?.. Кто измерил все эти страдание и кто сосчитал слезы, пролитые женами арестантов?

Если бы было обращено хотя бы малейшее внимание на страдание родственников арестанта, то, вероятно, составители планов новейших тюрем устроили бы приемные помещения как-нибудь иначе. Они поняли бы, что единственным утешением жены арестанта является возможность увидеть изредка своего мужа и они не стали бы причинять ей новое и совершенно бесполезное страдание своими ухищрениями. При постройке этих приемных зал, все, кажется, принято во внимание, за исключением чувств жены, которой разрешают раз в неделю взглянуть на мужа и перекинуться с ним несколькими словами.

Вообразите себе круглый сводчатый зал, скудно освещенный сверху. Войдя в него, в приемные часы, вы почувствуете себя бук-

вально оглушенным. Шум голосов нескольких сотен людей, говорящих, или точнее кричащих одновременно, подымается со всех сторон зала, ударяясь о свод, который отбрасывает эти звуки назад, и они смешиваются с пронзительными свистками надзирателей, скрежетом замков и звоном ключей, образуя, в общем, адский шум. Ваши глаза должны сначала привыкнуть к полумраку, прежде чем вы различите, что голоса принадлежат шести различным группам женщин, мужчин и детей, одновременно кричащих во все горло, стараясь быть услышанными теми, к кому они обращаются. За этими группами вы с трудом различаете вдоль стен шесть других групп человеческих лиц, которые едва можно рассмотреть вследствие заграждающей их проволочной сетки и железной решетки. Сначала вы не можете понять, что такое, в сущности, происходит. Дело в том, что для свидание с родными арестант вводится, вместе с четырьмя другими товарищами по заключению, в маленькую темную конурку, загражденную спереди железной решеткой и густой проволочной сеткой. Его родственники вво-

дятся в другое, подобное же помещение, также огражденное железной решеткой и отделенное от помещения, находящегося напротив проходом около трех футов ширины, в котором дежурит надзиратель. Таким образом, в каждом помещении находятся одновременно 5 арестантов, а в противоположное втискиваются около 15 мужчин, женщин и детей, – их родственники. Свидание продолжают не более 15-20 минут; все говорят одновременно, все спешат сказать, что нужно, и среди этого шума голосов, из которых каждый звучит все громче и громче, приходится кричать изо всех сил, если хочешь, чтобы тебя услышали. После нескольких минут подобного упражнения, и я и моя жена теряли голос, и мы были вынуждены просто глядеть друг на друга безмолвно, причем я взлезал по решетке, поближе к маленькому окошечку, освещавшему конуру сзади, чтобы жена моя могла по крайней мере увидеть мой профиль, слабо рисовавшийся на сером фоне окошечка. Уходя из приемного покоя, она обыкновенно говорила, что подобное свидание является лишь мучением.

Я должен бы был сказать несколько слов о „Дворце Справедливости“ (Palais de Justice) в Лионе, где нас держали десять дней во время суда над нами. Но при этом пришлось бы коснуться таких отвратительных подробностей, что я предпочитаю перейти к другому предмету. Достаточно упомянуть, что комнаты, в которых арестованные ожидают своей очереди явиться пред судебным следователем, бывают покрыты лужами всяких скверных жидкостей, и что в Лионском „Дворце“ есть несколько темных камер, имеющих попеременно двойное назначение: иногда они служат ватерклозетом, а вслед затем, после самой неприятельской очистки, в них снова помещают арестованных. Никогда в моей жизни я не видал ничего столь грязного, как этот „Дворец“, который навсегда останется в моих воспоминаниях, как дворец всевозможной грязи. С чувством истинного облегчения вернулся я из него в мою пистолу, где и прожил еще два месяца, покуда мои товарищи ходили в апелляционный суд. Последний, как и следовало ожидать, подтвердил приговоры, произнесенные по указке правительства су-

дом исправительной полиции, и несколько дней спустя, т.е. 17 марта 1883 года, ночью, с большой таинственностью, и с комическим по своей величине кортежем полиции, мы были отправлены на железнодорожную станцию. Здесь нас закупили в одиночные вагоны для отправки в Maison Centrale в Клэрво.

Приходится только удивляться, как все усовершенствование тюремной системы, несомненно придуманные с целью уменьшить какое-либо существующее зло, в свою очередь, сами создают новое зло и являются источником новых мучений для арестантов. Таким размышлением я предавался, когда меня заперли в конуре одиночного вагона, медленно катившегося по направлению в Клэрво. Чтобы сделать такой вагон, берут обыкновенный, и в нем строят из легких перегородок два ряда шкафиков, с проходом по середине. Я говорю „два ряда шкафиков“, потому что иначе нельзя назвать эти чуланы, в которых человек должен сидеть на узкой скамейке, касаясь своими коленями двери, а своими локтями – боковых стен. Не нужно быть особенно толстым человеком, чтобы найти затрудни-

тельным какое-либо движение в этом тесном пространстве, а дышать в нем положительно нечем. Хотя в дверях и прорезаны небольшие оконца, заделанные железной решеткой, но для того, чтобы заключенные не могли видеть друг друга имеется маленькое орудие пытки в виде заслонки, которую сторожа и закрывают, как только они заперли кого-нибудь в чулане. Другим инструментом мучительства служит железная печь, помещающаяся в проходе между шкафами, особенно когда сторожа ее топят во всю, чтобы варить на ней свой обед. Мои товарищи по заключению – почти все рабочие большого города, привычные к недостатку свежего воздуха в тесных мастерских, еще кое-как могли терпеть; но двое из нас избежали обморока, лишь благодаря разрешению выйти из наших шкафов и стоять в проходе. К счастью, наше путешествие продолжалось всего пятнадцать часов; но некоторым из моих русских друзей, изгнанным из Франции, пришлось провести более 48 часов в одиночном вагоне во время путешествия из Парижа до Швейцарской границы, так как вагоны отцеп-

ляли на целую ночь на некоторых станциях, когда надзирателям надо было посетить Маконскую и другие попутные тюрьмы.

Наиболее неприятным, однако, является то обстоятельство, что арестанты предоставлены вполне благоусмотрению двух надзирателей; если надзиратели пожелают, они могут надеть наручни арестантам, уже запертым в шкафы и они часто делают это без всякой разумной причины; мало того, они могут сковать ноги арестанта при помощи цепей, прикрепленных к полу шкафов. Все зависит от хорошего или скверного настроения надзирателей и от глубины их психологических выводов. В общем, 15 часов, которые мне пришлось провести в одиночном ваго́не, являются одним из наихудших воспоминаний, как моих лично, так и моих товарищей, и мы все были рады очутиться, наконец, в одиночных камерах тюрьмы Клэрво.

Центральная тюрьма в Клэрво стоит на месте, где когда-то возвышалось Сен-Бернадское аббатство. Великий монах двенадцатого века, которого статуя, высеченная из камня, до сих пор виднеется на одном из окрестных холмов,

с руками, простертыми по направлению к тюрьме, хорошо выбрал место для монастыря; он стоял в прекрасной маленькой долине, снабженной превосходной ключевой водой, при выходе долины на равнину, орошаемую рекою Aube. Громадные леса до сих пор покрывают низкие склоны холмов, из которых добывают хороший строевой камень. Несколько известковых печей и кузнечных заводов разбросаны вокруг, и железная дорога из Парижа в Бельфор проходит теперь в двух верстах от тюрьмы.

Во время великой революции аббатство было конфисковано государством, и его обширные и солидные здание были обращены, в первые годы девятнадцатого века, в Депо для нищих. Позднее они получили другое назначение и, наконец, теперь бывшее аббатство превращено в „Дом заключение и исправление“ („Maison de Détention et de Correction“), вмещающий около 1400, а иногда даже 2000 арестантов. Это – одна из самых больших тюрем во Франции. Ея внешняя ограда (mur d'enceinte), громадная каменная постройка около 20 футов высоты, тянется на

пять верст. Внутри её помещаются не только тюремные здание и дома, занятые администрацией, но также и казармы для солдат, огороды и даже хлебные поля. Здание, собственно тюрьмы, с её многочисленными мастерскими занимают квадрат в 1200 фут по каждой стороне и окружены другой, еще более высокой, двойной стеной (*mur de rouge*), внутри которой стоят караульные часовые.

Высокие трубы, из которых днем и ночью вылетают клубы дыма, ритмический шум машин, который слышится до поздней ночи, придают тюрьме вид маленького мануфактурного городка. И действительно, за тюремными стенами находится больше мастерских, чем во многих маленьких городах. Так, в тюрьме имеется громадная мастерская для изготовления железных кроватей и железной мебели, освещаемая электричеством, и в которой работает более 400 человек; имеются мастерские для выделки бархата, сукон и холста; для выделки картинных рам, зеркал, и деревянных метров; для гранение стекла и выделки всякого рода дамских безделушек из перламутра; каменотесный двор, паровая

мельница и множество мелких мастерских; вся одежда арестантов выделяется ими самими. Механизмы приводятся в движение четырьмя могучими паровыми машинами и турбиной. Громадный огород и хлебное поле, а также маленькие огороды, даваемые каждому надзирателю и служащим тюрьмы, находятся внутри её стен и обрабатываются заключенными.

Не выдавши самому, трудно вообразить, какая масса подготовлений и расходов необходимы для помещения и занятия работой 1400 арестантов. Несомненно, что государство никогда бы не решилось на такие огромные расходы, если бы не нашло готовых зданий в старых аббатствах, в Клэрво, Сен-Мишеле и других местах. Но все же едва ли ему удалось бы организовать такую обширную систему продуктивного труда, если бы оно не привлекло частных подрядчиков, сдавая им арестантский труд по очень низкой цене, в ущерб свободной частной промышленности. И при всем том текущие расходы государства по содержанию Клэрвской и других тюрем этого рода – должны быть очень высоки. Мно-

гочисленная и дорогая администрация (70 надзирателей, которые получают пищу и квартиру, с жалованьем от 450 до 560 руб. в год; кроме того, при тюрьме всегда находится рота солдат), которая должна ложиться тяжелым бременем на тюремный бюджет, не говоря уже о расходах на центральную администрацию, по перевозке арестантов, на госпитали и т. д. Очевидно, что упомянутый выше вычет известной доли из заработка арестантов, который, в общем, не превышает копеек тридцати в день на человека, едва ли покрывает все эти громадные расходы.

Не касаясь политических, которых изредка посылают в Клэрво, здесь имеются две различные категории заключенных. Большинство состоит из уголовных, осужденных более, чем на один год тюремного заключения, но без каторжных работ (присужденные к последним посылаются в Новую Каледонию); но кроме уголовных, в Клэрво обыкновенно содержится несколько десятков солдат, так наз. *détentionnaires*, осужденных военными судами. Эти арестанты – печальный продукт нашей системы военщины. Солдат, оскорбив-

ший унтер-офицера или офицера, присуждается обыкновенно к смертной казни. Но если будет доказано, что он был вызван на это оскорбление, как это бывает в большинстве случаев, смертную казнь заменяют двадцатилетним тюремным заключением, и его посылают в Клэрво. Я не знаю, как это случается, но имеются такие *détentionnaires*, которым приходится отсидживать двойные и тройные сроки наказания, вероятно за оскорбление, нанесенные начальству уже во время нахождения их в тюрьме. Во время нашего пребывания в Клэрво, много говорили об одном таком арестанте, которому было около сорока лет от роду, и которому, в общем, приходилось отсидеть еще 65 лет; ему нужно было дожить до ста слишком лет, чтобы отбыть весь срок наказания. В день национального праздника, 14-го июля, ему было сбавлено сразу 25 лет наказания, по декрету президента республики; но все же ему оставалось еще около сорока лет заключение. Это может показаться невероятным, но это – факт.

Всякому понятна нелепость подобных приговоров, и поэтому военные заключенные из-

бавлены от тех суровостей, которым подвергаются прочие заключенные. Они свободны от обязательного труда и работают в мастерских только в том случае, если сами желают этого. Им дают лучшую, по сравнению с другими арестантами, серую одежду и позволяют покупать вино из тюремного склада. Те из них, кто не ходит на работы, занимают отдельное помещение и проводят целые годы в совершенной бездеятельности. Легко можно себе представить, чем могут заниматься человек тридцать солдат, прошедших несколько лет в казармах и запертых теперь лет на двадцать в тюрьму, где они не заняты никаким умственным или физическим трудом. Их помещение пользуется, поэтому, такой репутацией, что тюремное начальство было бы радо, если бы его постигла „небесная кара“, в роде той, которая уничтожила библейские города.

Что же касается уголовных, то они подчинены системе принудительной работы и абсолютного молчания. Последнее, впрочем, настолько не свойственно человеческой природе, что от него пришлось более или менее от-

казаться. Совершенно предупредить разговоры заключенных между собою, во время работ в мастерских, – фактически невозможно. А если бы администрация пожелала не допускать разговоров во время отдыха от работ, или болтовни в спальнях, ей пришлось бы устроить штаты надзирателей и прибегнуть к самым суровым наказаниям. Поэтому, во время нашего пребывания в Клэрво, система абсолютного молчание приходила в упадок, и в настоящее время арестантам, сколько мне известно, запрещаются лишь громкие разговоры и ссоры.

Рано утром – в пять часов летом и в шесть зимою – раздается звон колокола. Заключенные должны немедленно подняться с постелей, свернуть свои тюфяки и сойти вниз во двор, где они выстраиваются рядами, разбиваясь на отряды по мастерским, с надзирателем во главе каждого отряда. По приказанию надзирателя, они маршируют гуськом, медленными шагами, по направлению к мастерским; надзиратель громко выкрикивает: „раз, два! раз, два!“ и топот тяжелых, деревянных башмаков мерно звучит в согласии с коман-

дой. Несколько минут спустя раздаются свистки паровых машин, и в мастерских начинается работа. В девять часов (летом – в половине девятого) работа приостанавливается на час, и заключенные маршируют в столовые. Здесь они усаживаются на скамейки, расположенные так, чтобы арестанты могли видеть лишь спины сидящих впереди, и получают завтрак. В десять часов они возвращаются в мастерские и работают до двенадцати часов, когда дается десятиминутный отдых; потом опять работают до половины третьего, когда все арестанты, моложе 35 лет и не получившие никакого образования, посылаются на один час в школу.

В четыре часа заключенные получают обед; он занимает полчаса, после чего начинается прогулка по двору. Арестантов опять выстраивают гуськом и они медленно маршируют кругом двора, под неизменный крик надзирателя: „раз, два!“ Эти прогулки называют на тюремном языке: „faire la gusue de saucissons“. В 5 часов опять начинается работа и продолжается до 8 часов вечера летом, и до наступления ночи в другие времена года.

Как только машины останавливают – обыкновенно в *шесть часов вечера*, и даже раньше, от сентября до марта, – арестантов запирают в спальни. Им приходится тогда лежать в кроватях от половины седьмого вечером до шести часов утра и я думаю, что эти часы насильственного отдыха являются для арестанта наиболее тяжелым временем. Правда, им позволяется читать в кроватях до двух часов, но этим позволением могут пользоваться лишь те, чьих кровати стоят вблизи газовых рожков. В девять часов вечера свет уменьшается. В течение ночи каждая спальня остается под наблюдением *privôts*, назначаемых из числа самих арестантов и получающих тем больше красных нашивок на рукава курток, чем усерднее они шпионят и доносят на своих товарищей.

По воскресеньям работа прекращается. Арестанты проводят весь день во дворах тюрьмы, если позволяет погода, или в мастерских, где они могут читать и разговаривать – только не громко, – или в школьных комнатах, где они пишут письма. Оркестр, составленный из тридцати человек, играет во дворе

и на полчаса выходит из-за тюремной ограды в cour d'honneur, т.е. двор, занятый зданием администрации; в это же время пожарная команда производит учение. В 6 часов все должны быть в кровати.

Помимо заключенных, занятых работами в мастерских, имеется еще так наз. вольная бригада, т.е. арестанты, производящие различные работы за стенами самой тюрьмы, но все же внутри главного ограждение; они занимаются починками, малярной работой, пилкой дров и т. д. Они же обрабатывают огороды тюрьмы и надзирателей, получая за это плату, не превышающую франка в день. Некоторых из них посылают также в лес для рубки дров, или же на очистку канала и тому подобные работы. В этих случаях не опасаются побегов, так как во внешнюю бригаду назначают только тех, кому остается пробить в Клэрво всего один или два месяца.

Такова обычная жизнь тюрьмы, тянущаяся годами, без малейшего изменения и действующая удручающе на заключенных, именно своей монотонностью и отсутствием новых впечатлений; жизнь, которую человек

может выносить целые годы, но которая, если у него нет другой цели, кроме самого процесса жизни, превращает его в покорную машину, лишённую своей воли; жизнь, которая заканчивается притуплением лучших качеств человеческой природы и развитием наихудших её сторон; жизнь, которая, если она продлится долгие годы, делает бывшего заключённого совершенно неспособным к сожительству в обществе вольных людей.

Что же касается нас, политических, то мы были подчинены специальным правилам: мы были поставлены в положение арестантов, находящихся в предварительном заключении, и с тех пор этот порядок применялся к попадавшим в Клерво анархистам из процесса тридцати, Герцогу Орлеанскому и социалистам, приговорённым за противувоенную пропаганду. Мы ходили в собственной одежде; нас не принуждали бриться, и нам разрешено было курить. Нам было отведено три поместительных залы и одна отдельная комната, поменьше, для меня; в наше распоряжение был также предоставлен маленький садик, сажен в двадцать длины и сажени четы-

ре ширины, в котором мы занимались огородничеством на узкой полоске земли вдоль стены и, на собственном опыте, могли убедиться в благодеяниях усиленной обработки почвы. Если бы я перечислил все количество овощей, которые мы выращивали из года в год, в нашем огороде, занимавшем менее 60-ти квадратных аршин, меня, вероятно, упрекнули бы в преувеличении.

Нас не заставляли работать, но мои товарищи – все рабочие, оставившие дома семьи без всяких средств, очень рады были всякой ручной работе. Они пробовали шить дамские корсеты, для одного подрядчика в Клэрво, но вскоре бросили эту работу, видя, что, за вычетом 3/10 из их заработка в пользу казны, они не смогут зарабатывать более десяти-двенадцати копеек в день. Вслед за тем они принялись за работы из перламутра, хотя они оплачивались немногим лучше предыдущей, но заказы были случайные, и их обыкновенно хватало всего на несколько дней – в неделю. Перепроизводство вызвало затишье в этом ремесле, а другими работами нельзя было заниматься в наших камерах, так как какое-ли-

бо сношение с уголовными было строго запрещено.

Таким образом, главными занятиями моих товарищей было чтение и изучение иностранных языков. Рабочие могут учиться лишь тогда, когда они попадают в тюрьму, и мои товарищи учились очень серьезно. Изучение языков сопровождалось большим успехом, и я с радостью убедился в Клэрво на практическом примере, в справедливости моего утверждение, основанного ранее на теоретических выводах, – а именно, что русские во все не являются единственным народом, который с легкостью может научиться иностранным языкам. Мои французские товарищи с большой легкостью изучали английский, немецкий, итальянский и испанский языки; некоторые из них успели овладеть во время двухлетнего заключения в Клэрво двумя иностранными языками. Переплетничество было нашим любимым занятием. В начале мы употребляли инструменты, сделанные нами самими из кусков железа и дерева, а вместо прессов пользовались тяжелыми камнями и маленькими столярными зажимами.

Когда же, в конце второго года заключение, мы позволили наконец завести настоящие инструменты, все товарищи научились переплету с той легкостью, с какой вообще интеллигентные рабочие обучаются новому ремеслу, и большинство из нас достигло совершенства в этом искусстве.

В наших помещениях всегда находился специальный надзиратель и, как только мы выходили во двор, он неизменно усаживался на ступенях у двери. Ночью нас запирали по меньшей мере на шесть или семь замков, и все же каждые два часа являлась к нам кучка надзирателей и они подходили к каждой кровати, освещая спящего фонарем в лицо, дабы убедиться, что никто из нас не исчез. Самый строгий, никогда не ослабляемый надзор, возможный лишь потому, что все надзиратели стоят друг за друга, практикуется над заключенными, как только они выходят из спален. В течение двух лет я встречал мою жену в маленькой комнатке, в стенах тюрьмы, возле караулки, и, захватив с собой какого-либо из болевших товарищей, мы выходили втроем на прогулку в уединенный маленький садик

директора или в большой огород; и никогда, в течении этих двух лет, надзиратель, сопровождавший нас в этих прогулках, не упустил меня из виду, хотя бы только на пять минут. Так смотрели за всеми в этой громадной тюрьме.

Газеты не допускались в наше помещение, за исключением научных периодических изданий и иллюстрированных еженедельников. Лишь на второй год нашего заключения, нам разрешили получать безцветный „Petit Journal“ и правительственную газету, издававшуюся в Лионе. Социалистическая литература, конечно, не допускалась, и я не мог получить даже одну из книг, написанных мною самим. Что же касается литературных работ, то все рукописи, которые я посылал из тюрьмы, подвергались строжайшему контролю. Статьи, посвященные социальным вопросам, и в особенности касавшиеся русских дел, не выпускались за тюремные стены. Уголовным преступникам разрешается писать письма раз в месяц и то лишь к ближайшим родным, но нам разрешалось корреспондировать с нашими друзьями, сколько нам было угодно, од-

нако, все письма, как посылаемые так и получаемые, подвергались самой придирчивой цензуре, что вызывало постоянные столкновения с тюремной администрацией.

Пища, по моему мнению, давалась в недостаточном количестве. Дневной рацион состоял главным образом из хлеба, которого выдавалось по 850 граммов (1 3/4 фунта) в день на человека. Хлеб – серого цвета (из ржи и пшеницы), очень хорошего качества, и если арестант жалуется, что обычной порции для него недостаточно, ему прибавляют один или два таких хлеба в неделю. Завтрак состоит из супа, сваренного из небольшого количества овощей, воды и американского свиного сала, при чем последнее нередко бывает не свежим и прогорьклым. На обед дается тот же суп с прибавлением тарелки (2 унцов) вареной фасоли, риса, чечевицы или картофеля. Дважды в неделю дается мясной суп; в этих случаях бульон дается на завтрак, а во время обеда, вместо супа, арестанты получают 2 унца вареного мяса. Вследствие такой скудной диеты, арестанты принуждены прикупать себе пищу в тюремной лавочке, где они могут получать

за очень сходную цену (от 3-х до 8 копеек) небольшие порции сыра, сосисок, свиного мяса, требухи, а также молока, фиг, варенья, а летом и фруктов. Эта дополнительная пища является прямо необходимой для поддержания сил; но многие из арестантов, в особенности люди пожилые, зарабатывают так мало, что, после отчисления известного процента заработка в казну, они не могут тратить даже пяти копеек в день на покупки в лавочке. Я прямо удивляюсь, как они ухитряются существовать.

В Клэрво арестанты заняты двумя родами работ. Некоторые из них работают для казны, занимаясь выделкой холста, сукна и одежды для арестантов, или же служат в самой тюрьме, в качестве столяров, маляров, бухгалтеров, госпитальных служителей и т. п. Все они зарабатывают от 30 к. до 40 копеек в день. Но большинство работает для частных предпринимателей, в вышеупомянутых мастерских. Их заработная плата, определяемая Коммерческой Палатой в Троя (Troyes), подвержена значительным колебаниям и в общем очень низка, особенно в тех ремеслах, где невоз-

можно установить определенную скалу заработной платы, вследствие большего разнообразия вырабатываемых образчиков и большого разделение труда. Очень многие зарабатывают всего (от 25 до 30 копеек) в день; только при выделке железных кроватей заработок доходит до 80 копеек, а иногда даже более. Я высчитал, что средний заработок 125 арестантов, занятых в различных ремеслах, не превышает 44-х копеек в день. Но эта цифра все-таки выше средней, так как значительное количество арестантов зарабатывают не более 28-и и даже 20-и копеек в день, особенно в мастерских для выделки носков, куда дряхлых стариков посылают умирать от чихотки, быстро развивающейся от пыли.

Конечно, можно указать на разные причины в объяснение такой низкой заработной платы; так, например, необходимо принять во внимание низкое качество тюремной работы, колебание рыночных цен и т. п. Но не должно забывать и того обстоятельства, что подрядчики, наживающиеся крупным состоянием на арестантском труде, вовсе не редкость; и поэтому арестанты, в свою очередь, правы,

утверждая, что их грабят, платя им всего несколько копеек за 12-ти часовый труд. Подобная плата тем более не достаточна, что половина её, а иногда и больше половины, отбирается казной, в то время как пища, даваемая той же казной арестантам, выдается в черезчур малых количествах, в особенности если принять во внимание, что арестантам приходится тяжело работать.

Если арестант, прежде чем он попал в центральную тюрьму, был уже раз осужден, а это случается очень часто, и если его заработок равен 40 копейкам в день, то казна отбирает шесть-десятых, т.е. 24 копейки, а остальные 16 копеек делятся на две равные части, из которых одна отчисляется в резервный фонд арестанта и выдается ему в день его освобождение, другая же, т.е. 8 копеек, записывается на его текущий счет и может быть расходована на покупки в тюремной лавочке. Но, очевидно, что рабочий не может жить и работать, тратя лишь 8 копеек на добавочную пищу. Вследствие этого введена система „наград“, которые колеблются между рублем и тремя в месяц, и эти награды целиком заню-

сются на текущий счет арестанта. Система наград очевидно скоро привела к различного рода злоупотреблением. Возьмем, для примера, опытного рабочего, который подвергнут осуждению в третий раз, и из заработка которого казна удерживает семь-десятых. Предположим далее, что его задельная плата доходит в течение месяца до 20-ти рублей. Государство берет из этого заработка 14 рублей, и таким образом, на его текущий счет может быть выписано только 3 рубля. В виду этого арестант предлагает подрядчику оценить его работу лишь в 10 рублей, но зато выписать ему 5 руб. „наградных“. Подрядчик принимает это предложение, и казне из заработка арестанта достается всего 7 рублей; подрядчик вместо 20 р. платит за работу лишь 15 руб., а арестант, помимо 1 р. 50 к., записанных на его текущий счет, получает туда же еще 5 рублей наградных; так что приход на его текущий счет доходит до 6 р. 50 к., вместо трех. Таким образом все удовлетворены и если казна теряет на этой операции 7 рублей, – *ma foi, tant pis!* Тем хуже для неё!

Дела заключенных обстоят еще хуже, если

принять во внимание великого соблазнителья рода человеческого – табак. Курение строго воспрещается в тюрьме, и курильщики наказываются штрафами от 20 копеек до 2-х рублей, – всякий раз, когда их поймают на месте преступления. Но, не смотря на это, почти все в тюрьме курят или жуют табак. Табак является меновой ценностью и притом столь высокой, что одна папироска, т.е. несколько затяжек, оценивается в 8 копеек, а за пакет табаку, стоящий в вольной продаже 20 копеек, платят 2 рубля и даже более, если случается нехватка. Этот драгоценный продукт имеет такую высокую ценность в тюрьме, что каждую щепотку табаку сначала жуют, потом высушивают и курят и, наконец, употребляют самый пепел в виде нюхательного табаку. Понятно, что находятся подрядчики работ, знающие, как эксплуатировать эту человеческую слабость и платящие за половину работ табаком по вышеуказанным ценам; находятся и среди надзирателей люди, небрезгающие этой прибыльной торговлей. Вообще, запрещение курить – является источником столь многих зол, что французская тюремная адми-

нистрация, вероятно, вскоре последует примеру немецкой и разрешит продажу табаку в тюремных лавочках. Такая мера несомненно поведет и к уменьшению числа курильщиков среди арестантов.

Мы прибыли в Клэрво в довольно благоприятный момент. Вся старая тюремная администрация была недавно уволена, и обращение с арестантами приняло менее жестокий характер. За год или за два до нашего прибытия, один заключенный был убит в одиночной камере. Надзиратели убили его ключами. Согласно официальному отчету, арестант сам покончил с собой, повесившись; но тюремный доктор отказался подписать этот отчет и подал отдельное заявление, в котором указал, что, по его мнению, арестант был убит. Это обстоятельство повело к радикальной реформе в деле обращение с арестантами и я с удовольствием отмечаю, что в Клэрво отношение между заключенными и надзирателями были несравненно лучше, чем в Лионе. Меньше было грубости и больше проявлений человечности, чем я ожидал встретить это, не смотря на то, что сама по себе си-

стема очень скверна и неминуемо влечет за собой самые губительные результаты.

Конечно, сравнительно благоприятный ветер, веявший в то время над Клэрво, может очень быстро измениться к худшему. Малейший признак бунта может вызвать крутой поворот, тем более, что имеется не мало надзирателей и тюремных инспекторов, вздыхающих по „старой системе“, которая до сих пор остается в ходу в других французских тюрьмах. Так например, когда мы были уже в Клэрво, был прислан туда арестант из Пуасси, центральной тюрьмы, находящейся вблизи Парижа. Он находил приговор суда не справедливым и по целым дням громко кричал в своей одиночке. Собственно говоря, у него были все признаки начинающегося безумия. Но тюремное начальство в Пуасси, чтобы заставить его замолчать, не нашло ничего лучшего, как ставить у дверей его камеры пожарную машину и окачивать его водой; затем его оставляли, совершенно мокрого, в его одиночке, не смотря на зимний холод. Нужно было вмешательство прессы, чтобы директор тюрьмы в Пуасси, виновный в этом варварстве,

был смещен. Многочисленные бунты, возникавшие в 1883-1885 годах, почти во всех французских тюрьмах, показывают, впрочем, что „старая система“ до сих пор в полном ходу.

Я сказал выше, что отношение между арестантами и надзирателями в Клэрво были лучше, чем в Лионе. Много глав можно было бы посвятить этому предмету, но я постараюсь быть по возможности кратким и укажу лишь на главные черты. Несомненно, что долгая совместная жизнь надзирателей и самый характер их службы развили между ними известный корпоративный дух, вследствие чего они действуют с замечательным единодушием по отношению к заключенным. Как только человека привозят в Клэрво, местные надзиратели сейчас же спрашивают у привезших новичка, *soumis ou insoumis*, т.е. отличается ли он покорностью или, напротив, строптивостью? Если ответ дается благоприятный, то жизнь заключенного может быть сравнительно сносной; в противном же случае, ему не скоро придется расстаться с тюрьмой и, даже когда его выпустят на волю, он обыкновенно выходит с расстроенным

здоровьем и с такой злобой против общества, что вскоре опять попадает в тюрьму, где и оканчивает свои дни – если только его не сошлют в Новую Каледонию.

Если арестант аттестуется надзирателями, как „непокорный“, на него сыплется град наказаний, снова и снова. Если он заговорит в рядах, хотя бы и не громче других, выговор будет сделан ему в такой форме, что он ответит и будет за это наказан, и каждое наказание будет настолько по своей тяжести несоответственно проступку, что он будет протестовать всякий раз, и за это его накажут вдвое. – „У нас, если кто раз попал в исправительное отделение, то, как только его выпустят оттуда, он через несколько дней опять попадет туда“. Так говорят надзиратели, даже наиболее добродушные из них. А наказание исправительным отделением – далеко не из легких.

Людей там не бьют; их не сваливают пинками на пол. Мы черезчур цивилизованы для подобных жестокостей. Наказанного человека просто ведут в одиночное отделение и запирают в одиночку. В ней ничего нет: ни кровати, ни скамейки. На ночь дается тюфяк, а

свою одежду арестант должен выставлять за двери одиночки. Пища состоит только из хлеба и воды. Как только утром раздается звон тюремного колокола, арестанта выводят в особый сарай, и там он должен – ходить. Ничего больше! но наша утонченная цивилизация сумела обратить в пытку даже это естественное движение. Тихим, мерным шагом, под неизменные крики: «un deux, un deux», несчастные должны ходить весь день, гуськом, вдоль стен сарая. Они шагают таким образом двадцать минут; затем следует перерыв, во время которого они должны просидеть десять минут неподвижно, каждый на своей пронумерованной тумбе, после чего они опять начинают ходить двадцать минут. И такая мука продолжается весь день, покуда гудят машины мастерских; и наказание длится не день, и не два; оно длится долгие месяцы, иногда годы. Оно так ужасно, что несчастные умоляют об одном: «позвольте вернуться в мастерские». – «Хорошо, мы это увидим недели через две, или через месяц», – таков обычный ответ. Но проходят две недели, затем другие две недели, а несчастный арестант

стант все продолжает прогуливаться по двенадцати и тринадцати часов в день. Наконец он не выдерживает и начинает громко кричать в своей камере и оскорблять надзирателей. Тогда его возводят в звание «мятежника», – звание чрезвычайно опасное для всякого, попавшего в руки надзирателей: он сгниет в одиночке и будет ходить долгие годы. За непослушание ему удвоят и утроят срок заключение в Клерво, а если он бросится на надзирателя, с намерением его убить, то его приговорят к каторге, но не отправят в Новую Каледонию: он все-таки должен будет отбыть сперва весь срок в Клерво. Он останется в своей одиночке и будет попрежнему ходить вокруг нумерованных тумб... В нашу бытность в Клерво один арестант, крестьянин, не видя выхода из этого ужасного положение, предпочел отравиться; он съедал все свои извержение и скоро умер в ужасных мучениях.

Когда я выходил с моей женой на прогулку в саду, находящемся недалеко от одиночного отделение, до нас иногда доносились оттуда ужасные, отчаянные крики. Моя жена, услышав их в первый раз, испуганная и дрожащая,

хватала меня за руку, и я рассказал ей, что это – крики арестанта, которого обливали водой из пожарной машины в Пуасси и которого, вопреки закону, перевели теперь сюда в Клэрво. Иногда по два, по три дня без перерыва он кричал: «Vaches, greudin, assassins!» (vaches – коровой, – на тюремном жаргоне называют надзирателя), или же он громко выкрикивал историю своего осуждения, пока не падал в изнеможении на пол. Он, конечно, протестовал против заключения в исправительном отделении в Клэрво и громко заявлял, что он убьет надзирателя, лишь бы не оставаться всю жизнь в одиночной камере. Затем, на два месяца он утих. Тюремный инспектор намекнул ему, что, может быть, после 14-го июля ему позволят идти в мастерские. Но вот прошел и национальный праздник 14-го июля, а несчастного все-таки не освободили. Тогда он дошел до отчаяние: он рыдал, ругал и всячески оскорблял надзирателей, разрушал деревянные части своей камеры и, наконец, был посажен в карцер, где ему надели тяжелые кандалы на руки и на ноги. Я сам не видал этих кандалов, но когда он

опять появился в одиночном отделении, он громко выкрикивал, что его держали в темном карцере два месяца в таких тяжелых ручных и ножных кандалах, что он не мог двигаться. Он тогда был уже полусумасшедший и его будут держать в одиночной камере, пока он не помешается окончательно... Тогда его подвергнут всем тем мучением, которые приходится претерпевать сумасшедшим в тюрьмах и в домах для умалишенных...

И вот, громадная задача, – как положить конец всем подобным жестокостям, – стоит перед нами во всей полноте. Отношение между тюремной администрацией и заключенными в Клэрво не проникнуты той грубостью, которая характеризует русские тюрьмы.

А между тем общепринятая система тюремного заключения неизбежно доводит до таких результатов. Они являются роковым последствием самой системы. Но ради чего людей подвергают таким мучением? Что достигается такими страданиями? В каком направлении искать разрешение громадной задачи, представляемой нашею системою нака-

заний и тюрем? Таковы вопросы, возникающие сами собой у каждого добросовестного наблюдателя.

Глава IX О нравственном влиянии тюрем на заключенных

Центральная тюрьма в Клэрво, описанная в предыдущей главе, может быть рассматриваема, как одно из типичных мест заключение. Во Франции она является одной из лучших тюрем, — я бы даже сказал, лучшей, если бы не знал от Элизе Реклю, что военная тюрьма в Бресте ничем не уступает Клэрвоской централке. Действительно, недавние рассуждение во Французской Палате Депутатов о состоянии мест заключение, а также бунты, вспыхнувшие в 1886 году почти во всех крупных французских тюрьмах, указывают, что большинство этих учреждений гораздо хуже того, с которым нам пришлось ознакомиться на основании личного опыта в Клэрво.

Если мы сравним тюремную дисциплину в Клэрво с дисциплиной английских тюрем — насколько о последних можно судить по отчетам тюремной комиссии 1863 года, а также по прекрасной книге ирландского патриота,

Михаила Дэвитта[53], и по работам Джона Кэмпбелля[54], дамы, избравшей псевдоним – «Тюремная надзирательница»[55], сэра Эдмунда Дю-Лэна[56], книге: «Пять лет заключение»[57] и письмам, напечатанным в прошлом году в «Daily News» за подписью «Бывший В. 24», – мы должны будем признать, что французские центральные тюрьмы несколько не хуже, а в некоторых отношениих человечнее, чем английские. Что же касается немецких тюрем, то насколько можно судить о них по литературе и по рассказам моих немецких друзей, испытавших их на себе, обращение, которому подвергаются арестанты в Германии, не может быть сравниваемо с режимом в Клэрво и отличается очень грубым характером. Относительно австрийских тюрем можно сказать, что они в настоящее время находятся в том положении, в каком они были в Англии, до реформы 1863 г. Таким образом, мы смело можем сказать, что тюрьма, описанная в предыдущей главе, не только не хуже тысяч подобных же учреждений, рассыпанных по всей Европе, но напротив может считаться одной из лучших.

Если бы меня спросили, какие реформы можно ввести в эту тюрьму и подобные ей, но при том условии, чтобы они все-таки *оставались тюрьмами*, я мог бы указать лишь на некоторые частичные улучшения, которые, в общем, немногим бы улучшили положение арестантов; но в то же время, я должен был бы откровенно признать, как трудно сделать какие бы то ни было улучшения, даже самые незначительные, когда дело касается учреждений, основанных на ложном принципе.

Можно бы, например, пожелать повышение платы арестантам за их труд, — на что тюремная администрация, вероятно, ответила бы, как трудно найти частных предпринимателей, готовых построить дорого стоящие мастерские в тюрьме и указала бы на вытекающую отсюда необходимость дешевого труда. С другой стороны, я не стал бы предлагать, чтобы арестанты работали исключительно для казны, так как я знаю, что казна стала бы платить арестантам не больше, если не меньше, чем некоторые подрядчики в Клэрво. Казна никогда не рискнет затратить миллионы на мастерские и на паровые машины, а, отказав-

шись от употребления усовершенствованных машин, она не в состоянии будет оплачивать арестантский труд лучше, чем теперь; значит, дело сведется опять-таки к тем же тридцати до сорока коп. в день. Кроме того, казна едва ли сможет занимать арестантов теми разнообразными ремеслами, которые я перечислил в предыдущей главе, а это разнообразие работ является одним из неперемennых условий нахождения постоянного занятия для арестантов. В Англии, где частное предпринимательство не допускается в стенах тюрьмы, средняя производительность каждого арестанта в 1877 г. не превышала двадцати девяти рублей, а максимум производительности достигал лишь 200 рублей[58].

Затем я, конечно, предложил бы, чтобы было снято запрещение разговора между арестантами, потому что это запрещение, существующее и во Франции, и в Англии[59], и в Америке, в сущности, остается мертвой буквой и только служит лишним отегощением участи. Я предложил бы также, чтобы было разрешено в тюрьмах употребление табаку, ибо это является единственным средством

прекратить гнусную тайную продажу этого запрещенного в тюрьмах продукта, практикуемую надзирателями в Англии[60], так же как и во Франции. Эта мера уже введена в Германии, где табак продается в тюремных лавочках. И наверное эта мера послужит к уменьшению числа курильщиков среди арестантов. Но подобные меры, конечно, являются лишь мелочами, не могущими в значительной степени улучшить наши карательные учреждения.

С целью улучшить их коренным образом можно бы, конечно, предложить, чтобы во главе каждой тюрьмы стоял Песталоцци и 60 других Песталоцци замещали бы должность надзирателей. Боюсь лишь, что тюремная администрация может ответить мне на подобие Александра II, написавшего однажды на административном отчете: «где мне взять людей?» – ибо несомненно, что покуда наши тюрьмы останутся тюрьмами, Песталоцци будут являться редким исключением среди заведующих тюрьмами и надзирателей, места которых по-прежнему будут заполняться отставными солдатами.

Чем более размышляешь о частичных улучшениях, которые могут быть введены, чем более обсуждаешь их реальное практическое значение, тем более убеждаешься, что те немногие из них, которые *могут* быть введены, не имеют существенного значения, а улучшение серьезного характера совершенно невозможны при настоящей системе. Значит, приходится искать какого-либо иного выхода. Теперешняя система ошибочна в самом основании.

Одним из наиболее поражающих в системе наших карательных учреждений обстоятельств является то, что раз человек побывал в тюрьме, имеется три шанса против одного, что он вскоре после освобождения опять попадет в нее. Конечно, имеются немногие исключения из этого правила. В каждой тюрьме вы найдете людей, которые попали туда случайно. В их жизни было такое фатальное стечение обстоятельств, которое вызвало бурное проявление страсти или слабости, и в результате они попали за тюремные стены. Я думаю, всякий согласится, относительно подобных лиц, что еслибы их совсем не запирали в

тюрем, общество от этого нисколько бы не пострадало. А, между тем, их мучают в тюрьмах и никто не сможет ответить на вопрос: – «зачем?» Они сами сознают вредоносность своих поступков и несомненно это чувство было бы в них еще глубже, если бы их совсем не держали в заключении.

Число подобных лиц вовсе не так мало, как это обыкновенно полагают и несправедливость их заключение настолько очевидна, что в последнее время раздаются многие авторитетные голоса, в том числе английских судей[61], настаивающие на необходимости дать судьям право освобождать таких лиц, не налагая на них никакого наказания.

Но криминалисты наверно скажут, что имеется другой многочисленный класс обитателей тюрем, для которых собственно и предназначаются наши карательные учреждения. И тут возникает вопрос: насколько тюрьмы отвечают своей цели, по отношению к этому разряду заключенных? насколько они улучшают их? и насколько устрашают, предупреждая таким образом дальнейшее нарушение закона?[62]

На этот вопрос не может быть двух ответов. Цифры с совершенной ясностью указывают нам, что предполагаемое двойное влияние тюрем – воздерживающее и нравственно-оздоровляющее – существует лишь в воображении юристов. Почти половина всех лиц приговариваемых во Франции и Англии окружными судами, – рецидивисты, уже раз или два побывавшие в тюрьме. Во Франции от двух-пятых до половины всех привлекаемых к уголовному суду присяжных и две-пятых всех привлекаемых к суду исправительной полиции, – уже побывали в тюрьмах. Каждый год арестуется не менее 70000 до 72,000 рецидивистов. От 42 % до 45 % всех убийц и от 70 % до 72 % всех воров, осуждаемых ежегодно – рецидивисты. В больших городах эта пропорция еще более высока. Из всех арестованных в Париже в 1880 году более одной четверти были уже приговорены в течение предыдущих десяти лет более четырех раз. Что же касается до центральных тюрем, то от 20 % до 40 % всех освобождаемых из них ежегодно арестантов снова попадают в центральные тюрьмы в течение первого же

года по освобождении и, – большею частью в первые же месяцы. Количество рецидивистов было бы еще более, еслибы не то обстоятельство, что многие освобожденные ускользают от внимания полиции, меняя свои имена и профессии; кроме того, многие из них эмигрируют или умирают скоро после освобождения[63].

Возвращение освобожденных обратно в тюрьму – настолько обычное явление в французских центральных тюрьмах, что вы часто можете слышать, как надзиратели говорят между собой: «Удивительное дело! N. до сих пор еще не вернулся в тюрьму! Неужели он успел уже перейти в другой судебный округ?» Некоторые арестанты, освобождаясь из тюрьмы, где они, благодаря хорошему поведению, имели какую-нибудь привилегированную должность, – например, в госпитале – обыкновенно просят, чтобы эта должность была оставлена за ними до их следующего возвращения в тюрьму! Эти бедняги хорошо сознают, что они не в состоянии будут противиться искушению, которые их встретят на свободе; они знают, что очень скоро опять попадут на-

зад в тюрьму, где и кончат свою жизнь.

В Англии, насколько мне известно, положение вещей не лучше, несмотря на усилия 63 «обществ для вспомоществование освобожденным арестантам». Около 40 % всех осужденных лиц – рецидивисты и, по словам м-ра Дэвитта, 95 % всех находящихся в каторжном заключении уже ранее получили тюремное образование, побывав однажды, а иногда и дважды в тюрьме.

Более того, во всей Европе замечено было, что если человек попал в тюрьму за какое-нибудь сравнительно мелкое преступление, он обыкновенно возвращается в нее, осужденный за что-нибудь гораздо более серьезное. Если это – воровство, то оно будет носить более утонченный характер по сравнению с предыдущим; если он был осужден ранее за насильственный образ действий, много шансов за то, что в следующий раз он уже попадет в тюрьму в качестве убийцы. Словом, рецидивизм вырос в такую огромную проблему, над которой тщетно бьются европейские писатели-криминалисты и мы видим, что во Франции, под впечатлением непреодолимой

сложности этой проблемы, изобретаются планы, которые в сущности сводятся к тому, чтобы осуждать всех рецидивистов на смерть, путем вымирание в одной из самых нездоровых колоний французской республики[64].

Как раз в то время, когда я писал эту главу, в парижских газетах печатался рассказ об убийстве, совершенном лицом, которое за день перед тем было выпущено из тюрьмы. Прежде чем этот человек был арестован в первый раз и присужден к 13-ти месячному тюремному заключению (за преступление сравнительно маловажного характера), он свел знакомство с женщиной, которая держала маленькую лавочку. Он хорошо знал образ её жизни и почти тотчас после освобождение из тюрьмы, отправился к ней вечером, как раз, когда она запирала лавочку, зарезал ее и хотел овладеть кассой. Весь план, до мельчайших подробностей был обдуман арестантом во время заключение.

Подобные эпизоды далеко не редкость в уголовной практике, хотя, конечно, не всегда имеют такой же сенсационный характер, как

в данном случае. Наиболее ужасные планы самых зверских убийств в большинстве случаев изобретаются в тюрьмах, и если общественное мнение бывает возмущено каким-либо особенно зверским деянием, последнее почти всегда является прямым или косвенным результатом тюремного обучения: оно бывает делом человека, освобожденного из тюрьмы, или же совершается по наущению какого-нибудь бывшего арестанта.

Не смотря на все попытки уединить заключенных, или воспретить разговоры между ними, тюрьмы до сих пор остаются высшими школами преступности. Планы благонамеренных филантропов, мечтавших обратить наши карательные учреждение в исправительные, потерпели полную неудачу; и хотя официальная литература избегает касаться этого предмета, те директора тюрем, которые наблюдали тюремную жизнь во всей её ноге, и которые предпочитают правду официальной лжи, откровенно утверждают, что тюрьмы никого не исправляют и что, напротив, они действуют более или менее развращающим образом на всех тех, кому приходит-

ся пробыть в них несколько лет.

Да иначе не может и быть. Мы должны признать, что результаты *должны* быть именно таковы, если только мы внимательно проанализируем влияние тюрьмы на арестанта.

Прежде всего, никто из арестантов, за редкими исключениями, не признает своего осуждение справедливым. Все знают это, но почему-то все относятся к этому слишком легко, между тем как в таком непризнании кроется осуждение всей нашей судебной системы. Китаец, осужденный семейным судом «неделенной семьи» к изгнанию[65], или Чукча, бойкотируемый своим родом, или же крестьянин, присужденный «Водяным Судом» (суд, ведающий орошение) в Валенсии или в Туркестане, почти всегда признают справедливость приговора, произнесенного их судьями. Но ничего подобного не встречается среди обитателей наших современных тюрем.

Возьмите, напр., одного из «аристократов» тюрьмы, осужденного за «финансовую операцию», т.е., за предприятие такого рода, которое целиком было рассчитано на «жадность и

невежество публики», как выражается один из героев замечательных очерков из тюремной жизни, принадлежащих перу Михаила Дэвитта. Попробуйте убедить такого человека, что он поступил неправильно, занимаясь операциями подобного рода. Он, вероятно, ответит вам: «Милостивый государь, маленькие воришки действительно попадают в тюрьму, но крупные, как вам известно, пользуются свободой и полнейшим уважением тех самых судей, которые присудили меня.» И вслед за тем он укажет вам на какую-нибудь компанию, основанную в Лондонской Сити со специальной целью ограбить наивных людей, мечтавших обогатиться путем разработки золотых рудников в Девоншире, свинцовых залежей под Темзой, и т. п. Всем нам знакомы такие компании, во главе которых в Англии всегда стоит лорд, священник и «М. Р.» (член парламента); все мы получаем их обольстительные циркуляры; все мы знаем, как выживают последние гроши из карманов бедняков... Что же мы можем сказать в ответ «тюремному аристократу»? Или же возьмем для примера другого, который был осужден за

то, что на французском жаргоне именуется *manger la grencuille*, и что мы русские называем «пристрастием к казенному пирогу», другими словами, осужденный за растрату общественных денег. Подобный господин скажет вам: «Я не был достаточно ловок, милостивый государь, в этом – вся моя вина». Что вы можете сказать ему в ответ, когда вы прекрасно знаете, какие огромные куски общественного пирога бесследно исчезают в пасти охотников до этого блюда, при чем эти гастрономы не только не попадают под суд, но пользуются уважением общества. «Я не был достаточно ловок», будет он повторять, пока будет носить арестантскую куртку; и будет ли он томиться в одиночной камере или осушать Дартмурские болота, его ум неустанно будет работать в одном и том же направлении: он будет все более и более озлобляться против несправедливости общества, которое усыпает розами путь достаточно ловких и сажает в тюрьму неловких. А как только он будет выпущен из тюрьмы, он попытается взобраться на высшую ступень лестницы; он употребит все силы ума, чтобы быть «достаточно лов-

ким» и на этот раз так откусит кусок пирога, чтобы его не поймали.

Я не стану утверждать, что каждый арестант смотрит на преступление, приведшие его в тюрьму, как на нечто достойное похвалы; но несомненно, что он считает себя несколько не хуже тех заводчиков, которые выделывают апельсинное варенье из репы и фабрикуют вино из окрашенной фуксином воды, сдобренной алкоголем, не хуже тех предпринимателей, которые грабят доверчивую публику, которые самыми разнообразными способами спекулируют на «жадность и невежество публики» и которые, тем не менее, пользуются всеобщим уважением. «Воруй, да не попадайся!» – такова обычная поговорка в тюрьмах всего мира и напрасно мы будем оспаривать её мудрость, пока в мире деловых сношений понятия о честном и безчестном будут столь шатки, каковы они теперь.

Уроки, получаемые заключенными в тюрьме, несколько не хуже чем те, которые он получает из внешнего мира. Я упоминал уже в предыдущей главе о скандальной тор-

говле табаком, которая практикуется в французских тюрьмах, но, до последнего времени, я думал, что в Англии неизвестно это зло, пока не убедился в противном из одной книги [66]. Характерно, что даже цифры почти те же самые. Так из каждых 20 шил., переданных заключенному, 10 должны быть отданы надзирателю, а на остальные десять он доставляет табак и прочую контрабанду, по фантастическому тарифу. Таковы нравы в Мюльбанке. Французский же тариф – из 50 фр. 25 фр. надзирателю, а затем на остальные 25 поставляется табак и пр. по упомянутым ценам. Что касается до работ, то и при казенной и при подрядческой системе, практикуемых в больших тюрьмах, совершается такая масса всякого рода мелких мошенничеств, что мне неоднократно приходилось слышать в Клэрво от арестантов: «настоящие воры, сударь, не мы, а те, которые держат нас здесь». Конечно, мне скажут, что администрация должна стремиться искоренить это зло и что многое уже сделано в этом отношении. Я даже готов признать справедливость этого замечание. Но вопрос в том, может ли зло этого рода быть со-

вершено искоренено? Уже одно то обстоятельство, что зло это существует в большинстве тюрем Европы, указывает, как трудно найти неподкупную тюремную администрацию.

Впрочем, упоминая об этой причине деморализации, я не стану очень подчеркивать ее; не потому, что я не признаю её чрезвычайно вредного влияние, но просто потому, что если бы вышеуказанная причина совершенно исчезла из тюремной жизни, то и тогда в наших карательных учреждениях осталось бы множество других развращающих причин, от которых нельзя избавиться, покуда тюрьма останется тюрьмой. К ним я и перейду.

Много было написано об оздоравлиющем влиянии труда – особенно физического труда – и я, конечно, менее всего стану отрицать это влияние. Не давать арестантам никакого занятия, как это практикуется в России, значит – совершенно деморализовать их, налагать на них бесполезное наказание и убивать в них последнюю искру энергии, делая их совершенно неспособными к трудовой жизни после тюрьмы. Но есть труд и труд. Существу-

ет свободный труд, возвышающий человека, освобождающий его мозг от скорбных мыслей и болезненных идей, – труд, заставляющий человека чувствовать себя частицею мировой жизни. Но есть также и вынужденный труд, труд раба, унижающий человека, – труд, которым занимаются с отвращением, из страха наказание, и таков тюремный труд. При этом я, конечно, не имею в виду такого гнусного изобретение, как вертящееся колесо английских тюрем, которое приходится вертеть человеку, подобно белке, хотя двигательную силу можно было бы получить и другим образом, гораздо более дешевым. Я не имею также в виду щипание конопати, при котором человек производит в день ровно на одну копейку [67]. Арестанты вправе рассматривать подобного рода труд, как низкую месть со стороны общества, которое не позаботилось, в дни их детства, указать им лучших путей к высшей, более достойной человека, жизни, а теперь мстит им за это. Я думаю, нет ничего более возмутительного, как чувствовать, что тебя принуждают работать не потому, что твой труд кому-либо нужен, а в виде наказание. В

то время как все человечество работает для поддержания жизни, арестант, щиплющий конопать или разбирающий нитки, занимается работой, которая никому не нужна. Он – отвержен. И если он по выходе из тюрьмы будет обращаться с обществом, как отверженец, мы не можем обвинять никого, кроме самих себя.

Но не лучше обстоит дело и с продуктивным трудом в тюрьмах. Государство редко может выступить в роли удачливого конкурента на рынке, где продукты покупаются и продаются ради тех выгод, которые могут быть реализованы при покупке и продаже. Вследствие этого, оно бывает вынуждено, с целью дать работу арестантам, прибегать к помощи подрядчиков. Но, чтобы привлечь этих подрядчиков и побудить их затратить деньги на постройку мастерских, – в то же время гарантируя определенное количество работы для известного числа арестантов, не смотря на колебание рыночных цен (при чем необходимо иметь в виду неблагоприятную обстановку тюрьмы и работу необученных ремеслу рабочих-арестантов), – чтобы привлечь таких под-

рядчиков, государству приходится продавать арестантский труд за безценок, не говоря уже о взятках, которые тоже способствуют понижению цен за труд. Таким образом, на кого бы ни работали арестанты, для казны или для подрядчиков, – их заработки ничтожны.

Мы видели в предыдущей главе, что наивысшая заработная плата, платимая подрядчиками в Клэрво, редко превышает 80 копеек в день, а в большинстве случаев она ниже 40 копеек, за 12-ти часовый труд, при чем половину этого заработка, а иногда и более, удерживает в свою пользу казна. В Пуасси (Poissy) арестанты зарабатывают у подрядчика по 12 копеек в день, и менее 8 копеек, когда работают для казны[68].

В Англии, с тех пор как тюремная комиссия 1863 г. сделала открытие, что арестанты зарабатывают черезчур много, их заработок свелся почти к нулю, если не считать небольшого уменьшения срока наказания для прилежно работающих арестантов. В английских тюрьмах заключенных занимают такого рода ремеслами, что лишь искусные рабочие могут заработать свыше 50 копеек в день (са-

пожники, портные и занимающиеся плетением корзин)[69]. В других же областях труда, арестантская работа, переведенная на рыночную ценность, колеблется между 12 и 40 копейками в день.

Несомненно, что работа, при таких обстоятельствах, лишенная сама по себе привлекательности, так как она не дает упражнение умственным способностям рабочего и оплачиваемая так скверно, может быть рассматриваема лишь, как форма наказания. Когда я глядел на моих друзей-анархистов в Клэрво, выдвигавших дамские корсеты или перламутровые пуговицы и зарабатывавших при этом 24 копейки за десяти-часовой труд, причем 8 копеек удерживалось казною (у уголовных преступников удерживалось 12 копеек, или даже более), – я вполне понял, какого рода отвращение должна вызывать подобного рода работа в людях, принужденных заниматься ею целые годы. Какое удовольствие может дать подобная работа? Какое моральное влияние может она оказать, если арестант постоянно повторяет сам себе, что он работает лишь для обогащения подрядчика?

Получивши 72 копейки за целую неделю труда, он и его товарищи могут только воскликнуть: «и подлинно, настоящие-то воры – не мы, а те, кто держит нас здесь».

Но все же мои товарищи, которых не принуждали заниматься этой работой, занимались ею добровольно, и иногда, путем тяжелых усилий, некоторые из них ухитрялись заработать до 40 копеек в день, особенно, когда в работе требовалось некоторое искусство или артистический вкус. Но они занимались этой работой потому, что в них поддерживался интерес к работе. Те из них, которые были женаты, вели постоянную переписку с женами, переживавшими тяжелое время, пока их мужья находились в тюрьме. До них доходили письма из дому, и они могли отвечать на них. Таким образом узы, связывающие арестантов с семьей, не порывались. У холостых же и у немевших семьи, которую надо было поддерживать, была другая страсть – любовь к науке и они гнули спину над выделкой перламутровых пуговиц и брошек, в надежде выписать в конце месяца какую-нибудь давно желанную книгу.

У них была страсть. Но какая благородная страсть может владеть уголовным арестантом, оторванным от дома и лишенным всяких связей с внешним миром? Люди, изобретавшие нашу тюремную систему, постарались с утонченной жестокостью обрезать все нити, так или иначе связывающие арестанта с обществом. Они растоптали все лучшие чувства, которые имеются у арестанта, также как у всякого другого человека. Так, например, в Англии, жена и дети не могут видеть заключенного чаще одного раза в три месяца; письма же, которые ему разрешают писать, являются издевательством над человеческими чувствами. Филантропы, изобретшие английскую тюремную дисциплину, дошли до такого холодного презрения к человеческой природе, что разрешают заключенным только подписывать заранее заготовленные печатные листы! Мера эта тем более возмутительна, что каждый арестант, как бы низко ни было его умственное развитие, прекрасно понимает мелочную мстительность, которой продиктованы подобные меры, — сколько бы ни говорили в извинение о необходимости поме-

шать сношением с внешним миром.

Во французских тюрьмах – по крайней мере, в центральных – посещение родственников допускаются чаще, и директор тюрьмы, в исключительных случаях, имеет право разрешать свидание в комнатах, без тех решеток, которые обыкновенно отделяют арестанта от пришедших к нему на свидание. Но центральные тюрьмы находятся вдали от больших городов, а между тем именно эти последние поставляют наибольшее количество заключенных, причем осужденные принадлежат, главным образом, к беднейшим классам населения и лишь немногие из жен обладают нужными средствами для поездки в Клэрво, с целью получить несколько свиданий с арестованным мужем.

Таким образом, то благотворное влияние, которое могло бы облагородить заключенного, внести луч радости в его жизнь, единственный смягчающий элемент в его жизни, – общение с родными и детьми – систематически изгоняется из арестантской жизни. Тюрьмы старого времени отличались меньшей чистотой; в них было меньше «порядка»,

чем в современных, но в вышеуказанном отношении они были более человечны.

В серой арестантской жизни, лишенной страстей и сильных впечатлений, все лучшие чувства, могущие улучшить характер человека, вскоре замирают. Даже рабочие, любящие свое ремесло и находящие в нем удовлетворение своим эстетическим потребностям, теряют вкус к работе. Тюрьма убивает, прежде всего, физическую энергию. Мне теперь вспоминаются годы, проведенные в тюрьме в России. Я вошел в каземат крепости с твердым решением – не поддаваться. С целью поддержания физической энергии, я регулярно совершал каждый день семи-верстную прогулку по каземату и дважды в день проделывал гимнастические упражнения с тяжелым дубовым табуретом. А когда мне было разрешено употребление пера и чернил, я занялся приведением в порядок обширной работы, а именно – подверг систематическому пересмотру существующие доказательства ледникового периода. Позднее, во французской тюрьме, я со страстью занялся выработкой основных начал того мировоззрения, которое я

считаю системой новой философии, – основы анархии. Но в обоих случаях я вскоре начал чувствовать, как утомление овладевало мною. Телесная энергия постепенно исчезала. Может быть, наилучшей параллелью состояние арестанта является зимовка в полярных странах. Прочтите отчеты о полярных экспедициях прежнего времени, напр. добродушного Пэрри или старшего Росса. Читая эти дневники, вы улавливаете чувство физического и умственного утомления, запечатленное на каждой их странице, и доходящее почти до отчаяния, пока, наконец, на горизонте не появится солнце, приносящее с собою свет и надежду. Таково же состояние арестанта. Мозгу не хватает энергии для поддержания внимания; мышление становится медленнее и менее настойчивым: мысли не хватает глубины. В одном американском прошлогоднем отчете говорится, между прочим, что, в то время, как изучение языков ведется арестантами с большим успехом, они редко могут настойчиво заниматься математикой; наблюдение это совершенно верно.

Мне кажется, что это подавление здоровой

нервной энергии лучше всего объясняется отсутствием впечатлений. В обыденной жизни тысячи звуков и красок затрагивают наши чувства; тысячи мелких разнообразных фактов запечатлеваются в нашем сознании и возбуждают деятельность мозга. Но жизнь арестанта в этом отношении совершенно ненормальна: его впечатление чрезвычайно скудно и всегда одни и те же. Отсюда – пристрастие арестантов ко всякого рода новинке, погоня за всяким новым впечатлением. Я никогда не забуду, с каким жадным вниманием я подмечал в крепости, во время прогулки по дворику Трубецкого бастиона, переливы света на золоченом шпиге собора, – розоватом при закате солнца и полном голубоватых оттенков по утрам; я замечал все оттенки красок, меняющихся в облачные и в ясные дни, утром и вечером, зимою и летом. Только цвета красок шпиге и подвергались изменению; остальное оставалось все в той же угрюмой неизменности. Появление воробья в тюремном дворе было крупным событием: оно вносило новое впечатление. Вероятно, этим объясняется и то, что арестанты так любят рисун-

ки и иллюстрации: они дают им новые впечатления необычным путем. Все впечатление, получаемые в тюрьме, путем чтения, или же из собственных размышлений, действуют не непосредственно, а путем воображения; вследствие чего мозг, плохо питаемый ослабевшим сердцем и обедневшей кровью, быстро утомляется, теряет энергию. Оттого и чувствуется в тюрьме такая потребность во внешних, непосредственных впечатлениях.

Этим обстоятельством, вероятно, объясняется также удивительное отсутствие энергии, увлечение в работе заключенных. Всякий раз, когда я видел в Клэрво арестанта, лениво передвигавшегося по двору, в сопровождении также лениво шагавшего за ним надзирателя, я мысленно возвращался к дням моей юности, в дом отца, в среду крепостных. Арестантская работа – работа рабов, а такого рода труд не может вдохновить человека, не может дать ему сознание необходимости труда и созидание. Арестанта можно научить ремеслу, но любви к этому ремеслу ему нельзя привить; напротив того, в большинстве случаев он привыкает относиться к своему труду с

ненавистью.

Необходимо указать еще на одну причину деморализации в тюрьмах, которую я считаю особенно важной, в виду того, что она одинакова во всех тюрьмах, и что корень её находится в самом факте лишение человека свободы. Все нарушение установленных принципов нравственности можно свести к одной первопричине: отсутствию твердой воли. Большинство обитателей наших тюрем – люди, не обладавшие достаточной твердостью, чтобы противустоять искушением, встречающимся на их жизненном пути, или подавить страстный порыв, мгновенно овладевший ими. Но в тюрьме, также как и в монастыре, арестант огражден от всех искушений внешнего мира; а его сношение с другими людьми так ограничены и так регулированы, что он редко испытывает влияние сильных страстей. Вследствие этого, ему редко представляется возможность упражнять и укреплять ослабевшую волю. Он обращен в машину и следует по раз установленному пути; а те немногие случаи, когда ему предстоит свободный выбор, так редки и ничтожны, что на

них развивать свою волю невозможно. Вся жизнь арестанта расписана впереди и распределена заранее; ему остается только отдаться её течению, слепо повиноваться, под страхом жестоких наказаний. При подобных условиях, если он даже обладал некоторой твердостью воли ранее осуждение, последняя исчезает в тюрьме. А потому, — где же ему найти силу характера, чтобы противустоять искушению, которые внезапно окружают его, как только он выйдет за порог тюрьмы? Как он сможет подавить первые импульсы страстного характера, если в течении многих лет употреблены были все старание, чтобы убить в нем внутреннюю силу сопротивления, чтобы превратить его в послушное орудие в руках тех, кто управлял им?

Вышеуказанный факт, по моему мнению, (и мне кажется, что по этому вопросу не может быть двух мнений), является самым строгим осуждением всех систем, основанных на лишении человека свободы. Происхождение наших систем наказание, основанных на систематическом подавлении всех проявлений индивидуальной воли в заключенных и на

низведении людей до степени лишенных разума машин, легко объясняется. Оно выросло из желание предотвратить всякие нарушение дисциплины и из стремление держать в повиновении возможно большее количество арестантов при возможно меньшем количестве надсмотрщиков. Действительно, мы видим целую обширную литературу о тюрьмах, в которой господа «специалисты» с наибольшим восхищением говорят именно о тех системах, при которых тюремная дисциплина поддерживается при наименьшем количестве надзирателей. Идеальной тюрьмой в глазах таких специалистов была бы тысяча автоматов, встающих и работающих, едящих и идущих спать под влиянием электрического тока, находящегося в распоряжении одного единственного надзирателя. Но если наши современные, усовершенствованные тюрьмы и сокращают, может быть, в государственном бюджете некоторые сравнительно мелкие расходы, зато они являются главными виновницами за тот ужасающий процент рецидивистов, какой наблюдается теперь во всех странах Европы. Чем менее тюрьмы прибли-

жаются к идеалу, выработанному тюремными специалистами, тем менее они дают рецидивистов[70]. Не должно удивляться, что люди, приученные быть машинами, не в силах приспособиться к жизни в обществе.

Обыкновенно бывает так, что тотчас же по выходе из тюрьмы арестант сталкивается со своими бывшими сотоварищами, поджидающими его при выходе. Они принимают его по-братски, и почти тотчас же по освобождении он снова попадает в тот же поток, который однажды уже принес его к стенам тюрьмы. Всякого рода филантропы и «общество для помощи освобожденным арестантам», в сущности, мало помогают злу. Им приходится переделывать то, что сделано тюрьмою, сглаживать те следы, которые тюрьма оставила на освобожденном. В то время, как влияние честных людей, которые протянули бы братскую руку *прежде*, чем человек попал под суд, могло бы спасти его от проступков, доведших его до тюрьмы, — теперь, когда он прошел курс тюремного обучения, все усилия филантропов, в большинстве случаев, не поведут ни к каким результатам.

И какая разница между братским приемом, каким встречают освобожденного его бывшие сотоварищи, и отношением к нему «честных граждан», скрывающих под наружным покровом христианства свой фарисейский эгоизм! Для них освобожденный арестант является чем-то в роде зачумленного. Кто из них решится, как это делал долгие годы д-р Кэмпбелль в Эдинбурге, пригласить его в свой дом и сказать ему: «Вот тебе комната; садись за мой стол и будь членом моей семьи, пока мы подыщем работу?» Человек, выпущенный из тюрьмы, более всякого другого нуждается в поддержке, нуждается в братской руке, протянутой к нему, но общество, употребивши все усилия, чтобы сделать из него врага общества, привив ему пороки, развиваемые тюрьмой, отказывает ему именно в той братской помощи, которая ему так нужна.

Много ли найдется также женщин, которые согласятся выйти замуж за человека, побывавшего в тюрьме? Мы знаем, как часто женщина выходит замуж, задавшись целью «спасти человека»; но, за немногими исклю-

чениями, даже такие женщины инстинктивно сторонятся от людей, получивших тюремное образование. Таким образом, освобожденному арестанту приходится подыскивать себе подругу жизни среди тех самых женщин – печальных продуктов скверно-организованного общества, – которые, в большинстве случаев, были одной из главных причин, приведших его в тюрьму. Немудрено, что большинство освобожденных арестантов опять попадает, проведя всего несколько месяцев на свободе.

Едва ли много найдется людей, которые осмелились бы утверждать, что тюрьмы должны оказывать лишь устрашающее влияние, не имея в виду целей нравственного исправления. Но что же делаем мы для достижение этой последней цели? Наши тюрьмы, как будто, специально устроены для того, чтобы навсегда унизить раз попавших туда, навсегда потушить в них последние искры самоуважения.

Каждому пришлось, конечно, испытать на себе влияние приличной одежды. Даже животные стыдятся появляться в среде подобных себе, если их наружности придан необы-

чайный, смешной характер. Кот, которого шалун-мальчишка разрисовал бы желтыми и черными полосами, постыдится явиться среди других котов в таком комическом виде. Но люди начинают с того, что облачают в костюм шута тех, кого они якобы желают подвергнуть курсу морального лечения. Когда я был в Лионской тюрьме, мне часто приходилось наблюдать эффект, производимый на арестантов тюремной одеждой. Арестанты, в большинстве рабочие, бедно, но прилично одетые, проходили по двору, в котором я совершал прогулку, направлялись в цейхгауз, где они оставляли свою одежду и облакались в арестантскую. Выходя из цейхгауза наряженными в арестантский костюм, покрытый заплатами из разноцветных тряпок, с безобразной круглой шапкой на голове, они глубоко стыдились показаться пред людьми в таком гнусном одеянии. Во многих тюрьмах, особенно в Англии, арестантам дают одежду, сделанную из разноцветных кусков материи, более напоминающую костюм средневекового шута, чем одежду человека, которого наши тюремные филантропы якобы пытаются ис-

правлять.

Таково первое впечатление арестанта, и в течение всей своей жизни в тюрьме он будет подвергнут обращению, которое проникнуто полным презрением к человеческим чувствам. В Дартмурской тюрьме, например, арестантов рассматривают, как людей, не обладающих ни малейшей каплей стыдливости. Их заставляют парадировать группами, совершенно обнаженных; перед тюремным начальством и проделывать в таком виде гимнастические упражнения. «Направо кругом! Поднять обе руки! Поднять левую ногу! Держать пятку левой ноги в правой руке!» и т. д. [71].

Арестант перестает быть человеком, в котором допускается какое бы то ни было чувство самоуважения. Он обращается в вещь, в номер такой-то, и с ним обращаются как с занумерованной вещью. Даже животное, подвергнутое целые годы подобному обращению, будет бесповоротно испорчено; а, между тем, мы обращаемся таким образом с человеческими существами, которые, несколько лет спустя, должны будут обратиться в полезных

членов общества. Если арестанту разрешают прогулку, она не будет походить на прогулку других людей. Его заставят маршировать в рядах, причем надзиратель будет стоять в середине двора, громко выкрикивая: «Un-deusse, un-deusse! arche-fer, arche-fer!» Если арестант поддается одному из наиболее свойственных человеку желаний – поделиться с другим человеческим существом своими впечатлениями или мыслями, – он совершает нарушение дисциплины. Немудрено, что самые кроткие арестанты не могут удержаться от подобных нарушений. До входа в тюрьму человек мог чувствовать отвращение ко лжи и к обману; здесь он проходит их полный курс, пока ложь и обман не сделаются его второй натурой.

Он может обладать печальным или веселым, хорошим или дурным характером, это – безразлично: ему не придется в тюрьме проявлять этих качеств своего характера. Он – занумерованная вещь, которая должна двигаться, согласно установленным правилам. Его могут душить слезы, но он должен сдерживать их. В продолжение всех годов каторги,

его никогда не оставят одного; даже в одиночестве его камеры глаз надзирателя будет шпионить за его движениями, наблюдать за проявлениями его чувств, которые он хотел бы скрыть, ибо они – человеческие чувства, не допускаемые в тюрьме. Будет ли это сожаление к товарищу по страданиям, любовь к родным, или желание поделиться своими скорбями с кем-нибудь, помимо тех лиц, которые официально предназначены для этой цели, будет ли это одно из тех чувств, которые делают человека лучше, – все подобные «сантименты» строго преследуются той грубой силой, которая отрицает в арестанте право быть человеком. Арестант осуждается на чисто животную жизнь, и все человеческое строго изгоняется из этой жизни. Арестант не *должен* быть человеком, – таков дух тюремных правил.

Он не должен обладать никакими человеческими чувствами. И горе ему, если, на его несчастье, в нем пробудится чувство человеческого достоинства! Горе ему, если он возмутится, когда надзиратели выразят недоверие к его словам; если он найдет унижительным

постоянное обыскивание его одежды, повторяемое несколько раз в день; если он не пожелает быть лицемером и посещать тюремную церковь, в которой для него нет ничего привлекательного; если он словом, или даже тоном голоса, выкажет презрение к надзирателю, занимающемуся торговлей табаком и таким образом вытягивающему у арестанта последние гроши; если чувство жалости к более слабому товарищу понудит его поделиться с ним своей порцией хлеба; если в нем остается достаточно человеческого достоинства, чтобы возмущаться незаслуженным упреком, незаслуженным подозрением, грубым задиранием; если он достаточно честен, чтобы возмущаться мелкими интригами и фаворитизмом надзирателей, – тогда тюрьма обратится для него в настоящий ад. Его задавят непосильной работой, или пошлют его гнить в темном карцере. Самое мелкое нарушение дисциплины, которое сойдет с рук арестанту, заискивающему перед надзирателем, дорого обойдется человеку с более или менее независимым характером: оно будет понято, как проявление непослушания и вызовет су-

ровое наказание. И каждое наказание будет вести к новым и новым наказаниям. Путем мелких преследований человек будет доведен до безумия, и счастье, если ему удастся, наконец, выйти из тюрьмы, а не быть вынесенным из неё в гробу.

Нет ничего легче, как писать в газетах о необходимости держать тюремных надзирателей под строгим контролем, о необходимости назначать начальниками тюрем самых достойных людей. Вообще нет ничего легче, как строить административные утопии! Но люди остаются людьми – будут ли это надзиратели или арестанты. А когда люди осуждены на всю жизнь поддерживать фальшивые отношения к другим людям, они сами делаются фальшивыми. Находясь сами до известной степени на положении арестантов, надзиратели проявляют все пороки рабов. Нигде, за исключением разве монастырей, я не наблюдал таких проявлений мелкого интригантства, как среди надзирателей и вообще тюремной администрации в Клэрво. Закупоренные в узеньком мирке мелочных интересов, тюремные чиновники скоро подпадают

под их влияние. Сплетничество, слово, сказанное таким-то, жест, сделанный другим, – таково обычное содержание их разговоров.

Люди остаются людьми, – и вы не можете облечь одного человека непререкаемой властью над другим, не испортив этого человека. Люди станут злоупотреблять этой властью и эти злоупотребление будут тем более бессовестны и тем более чувствительны для тех, кому от них приходится терпеть, чем более ограничен и узок мирок, в котором они враждуют. Принужденные жить среди враждебно настроенных к ним арестантов, надзиратели не могут быть образцами доброты и человечности. Союзу арестантов противопоставляется союз надзирателей, и так как в руках надзирателей – сила, они злоупотребляют ею, как все имеющие власть. Тюрьма оказывает свое пагубное влияние и на надзирателей, делая их мелочными, придирчивыми преследователями арестантов. Поставьте Песталоцци на их место (если только предположить, что Песталоцци принял бы подобный пост), и он скоро превратился бы в типичного тюремного надзирателя. И, когда я думаю об этом и

принимаю в соображение все обстоятельства, я склонен сказать, что все-таки люди – лучше учреждений.

Злобное чувство против общества, бывшего всегда мачихой для заключенного, постепенно растет в нем. Он приучается ненавидеть – от всего сердца ненавидеть – всех этих «честных» людей, которые с такой злобной энергией убивают в нем все лучшие чувства. Арестант начинает делить мир на две части: к одной из них принадлежит он сам и его товарищи, к другой – директор тюрьмы, надзиратели, подрядчики. Чувство товарищества быстро растет среди всех обитателей тюрьмы, причем все, не носящие арестантской одежды, рассматриваются как враги арестантов. Всякий обман по отношению к этим врагам – дозволителен. Эти «враги» смотрят на арестанта, как на отверженного, и сами, в свою очередь, делаются отверженными в глазах арестантов. И как только арестант освобождается из тюрьмы, он начинает применять тюремную мораль к обществу. До входа в тюрьму он мог совершать проступки, не обдумывая их. Тюремное образование научит его рас-

смагивать общество, как врага, теперь он обладает своеобразной философией, которую Золя суммировал в следующих словах: «*Quels gredins les honnêtes gens!*» («Какие подлецы эти честные люди!»)[72].

Тюрьма развивает в своих обитателях не только ненависть к обществу; она не только систематически убивает в них всякое чувство самоуважения, человеческого достоинства, сострадание и любви, развивая в то же время противоположные чувства, – она прививает арестанту самые гнусные пороки. Хорошо известно, в какой ужасающей пропорции растут преступление, имеющие характер нарушение половой нравственности, как на континенте Европы, так и в Англии. Рост этого рода преступности объясняется многими причинами, но среди них одной из главных является – заразительное влияние тюрем. В этом отношении зловерное влияние тюрем на общество чувствуется с особенной силой.

При этом я имею в виду не только те несчастные создание, о которых я говорил выше, – мальчиков, которых я видел в Лионской тюрьме. Меня уверяли, что днем и но-

чью вся атмосфера их жизни насыщена теми же мыслями, и я глубоко убежден, что юристам, пишущим о росте так называемых «преступных классов», следовало бы заняться, прежде всего, такими рассадниками испорченности, как отделение для мальчиков в Сен-Польской тюрьме, а вовсе не законами наследственности. Но то же самое можно сказать и относительно тюрем, в которых содержатся взрослые. Факты, которые сделали нам известны во время нашего пребывания в Клэрво, превосходят все, что может себе представить самое распущенное воображение. Нужно, чтобы человек пробыл долгие годы в тюрьме, вне всяких облагораживающих влияний, предоставленный своему собственному воображению и работе воображение всех своих товарищей, тогда только может он дойти до того невероятного умственного состояния, какое приходится наблюдать у некоторых арестантов. И я думаю, что все интеллигентные и правдивые директора тюрем будут на моей стороне, если я скажу что *тюрьмы* являются истинными рассадниками наиболее отвратительных видов преступлений против

половой нравственности[73].

Я не могу входить в детали по этому предмету, к которому слишком поверхностно отнеслись недавно в известного рода литературе. Я только замечу, что те, кто воображает, что помехою и уздою может послужить полное разделение арестантов и *одиночное заключение*, впадают в очень большую ошибку. Извращенность воображение является действительной причиной всех явлений этого порядка, и заключение в одиночной камере служит самым верным средством, чтобы дать воображению болезненное направление. Как далеко может доработаться воображение в этом направлении, едва ли даже известно главным специалистам по душевным болезням: для этого необходимо пробыть несколько месяцев в одиночках и пользоваться полным доверием арестантов, соседей по камере, как это было с одним из наших товарищей.

Вообще, одиночное заключение, имеющее теперь стольких сторонников, если бы оно было введено повсеместно, было бы бесполезным мучительством и повело бы только к еще большему ослаблению телесной и ум-

ственной энергии арестантов. Опыт всей Европы и громадная пропорция случаев умственного расстройства, наблюдаемая везде, среди арестантов содержащихся в одиночном заключении более или менее продолжительное время, ясно доказывает справедливость сказанного и остается только удивляться тому, как мало люди интересуются указаниями опыта. Для человека, занятого делом, которое доставляет ему некоторое удовольствие, и ум которого сам по себе служит богатым источником впечатлений; для человека, который не тревожится о том, что происходит за стенами тюрьмы, которого семейная жизнь счастлива, которого не тревожат мысли, являющиеся источником постоянного умственного страдания, — для такого человека отлучение от общества людей может не иметь фатального исхода, если оно продолжается всего несколько месяцев. Это для людей, которые не могут жить в обществе одних собственных мыслей и особенно для тех, сношение которых с внешним миром не отличаются особенной гладкостью и которые вследствие этого постоянно обуреваемы мрачными мыслями, —

даже несколько месяцев одиночного заключения являются чрезвычайно опасным испытанием.

Глава X Нужны ли тюрьмы?

Если мы примем во внимание все влияние, бегло указанные в предыдущей главе, то придется признать, что каждое из них в отдельности и все они взятые в совокупности, действуют в направлении, делающем людей, отбывших несколько лет тюремного заключения, все менее и менее пригодными для жизни в обществе. С другой стороны, ни одно, – буквально ни одно – из вышеуказанных влияний не ведет к росту интеллектуальных и нравственных качеств, не возвышает человека до более идеального понимания жизни и её обязанностей, не делает его лучшим, более человечным, по сравнению с тем, чем он был до входа в тюрьму.

Тюрьмы не улучшают нравственности своих обитателей; они не предотвращают дальнейших преступлений. И невольно возникает вопрос: что нам делать с теми, кто нарушает не только писанный закон, – это печальное наследие печального прошлого, – но которые нарушают принципы нравственности, написанные в сердце каждого человека? Этот во-

прос занимает теперь лучшие умы нашего века.

Было время, когда все искусство медицины сводилось на прописывание некоторых, эмпирическим путем открытых, лекарств. Больные, попавшие в руки врача, могли быть отравлены этими лекарствами, или могли выздороветь, вопреки им; но доктор всегда мог сослаться на то, что он делал, как все другие врачи: он не мог перерасти своих современников.

Но наше столетие, смело поднявшее массу вопросов, едва намеченных в предыдущие века, отнеслось к медицине иным образом. Не ограничиваясь одним лечением болезней, современная медицина стремится предотвратить их, и мы знаем, какой громадный прогресс достигнут в этом отношении, благодаря современному взгляду на причины болезней. Гигиена является самой успешной областью медицины.

Таково же должно быть отношение к тому великому социальному явлению, которое теперь именуется «Преступностью», но которое наши дети будут называть «Социальною Бо-

лезнью». Предупреждение болезней – лучший из способов лечения, – к такому заключению пришла целая молодая школа писателей, растущая с каждым днем, особенно в Италии и представителями этой школы являются: Полетти[74], Ферри[75], Коладжанни[76] и, до известной степени Ломброзо; к ним же должна быть причислена великая школа психологов, во главе которых стоят Гризингер[77], Крафт-Эббинг[78]), Дэпин[79] – на континенте и Маудсли[80] – в Англии; социологи, в роде Кэтле и его, к несчастью, малочисленных последователей; наконец современная школа психологии в её отношении к индивидууму и социальных реформаторов, рассматривающих общество. В их трудах мы находим уже готовые элементы, из которых должно создаться новое отношение к тем несчастным, которых мы теперь вешаем, обезглавливаем или посылаем в тюрьмы.

Три великие первопричины ведут к тому, что называют преступлением: социальные причины, антропологические и космические.

Влияние последней из этих причин до настоящего времени еще недостаточно обсле-

довано, хотя его нельзя отрицать: Кетле (Quetelet) давно уже доказал её значение. Из годовых отчетов английского Генерал-Почтмейстера нам известно, например, что количество писем, в которые вложены денежные знаки и которые опущены в почтовые ящики Англии без адреса, из года в год остается почти неизменным. Если такой капризный элемент нашей жизни, как рассеянность по отношению к одному, известного рода предмету, подчинен законам, почти столь же строгим, как те, которые управляют движением небесных тел, то тем более это справедливо по отношению к правонарушением. Мы с большою точностью можем предсказать за год вперед количество убийств, которые будут совершены в каждой из стран Европы; и если мы примем во внимание некоторые побочные влияния, могущие увеличить или уменьшить число убийств в течение следующего года, то цифра нашего предсказания будет отличаться еще большей аккуратностью.

Несколько лет тому назад, в английском журнале «Nature», был помещен статистический очерк о количестве буйств и убийств, со-

вершенных в Индии, в связи с температурой и влажностью воздуха. Всякому известно, что излишняя теплота и влажность воздуха делают людей более нервными, чем когда температура умеренна и дует сухой ветер. В Индии, – где температура иногда достигает чрезвычайной высоты, а воздух в то же самое время отличается необычайной влажностью, – расслабляющее влияние атмосферы, конечно, чувствуется в значительно большей степени, чем в наших широтах. Вследствие этого С. А. Гилл, из цифровых данных, охватывающих несколько лет, вывел формулу, которая позволяет вам, если вы знаете среднюю температуру и степень атмосферической влажности каждого месяца, предсказать с удивительным приближением к действительным цифрам количество самоубийств и кровавых насилий, которые будут зарегистрированы в течении рассматриваемого месяца[81]. Подобные вычисления могут, конечно, показаться очень странными людям, непривыкшим рассматривать психические явления в зависимости от их физических причин; но факты указывают на эту зависимость с такой ясностью,

что не остается места для сомнений. И люди, которым пришлось испытать влияние тропического жара в соединении с тропической влажностью на их нервную систему, не будут удивляться, что именно в подобные дни индусы склонны хвататься за нож для разрешения споров, и что люди, разочаровавшиеся в благах жизни, в такие дни охотнее решаются на самоубийство[82].

Влияние космических причин на наши действия еще не было подвергнуто всестороннему анализу; тем не менее, некоторые факты твердо установлены. Известно, напр., что покушение против личности (насилие, убийство и т. д.) возрастают в течении лета, а зимою достигают максимума покушение, направленные против собственности. Рассматривая кривые, вырисованные проф. Э. Ферри [83] и глядя одновременно на кривые температуры и кривые, указывающие количество покушений против личности, глубоко поражаешься их подобием: они иногда до того сходны, что трудно бывает различить одну от другой. К сожалению исследованиими подобного рода не занимаются с той энергией, ка-

кой они заслуживают, вследствие чего лишь немногие из космических причин анализированы в связи с их влиянием на человеческие поступки.

Необходимо, впрочем, признать, что исследование этого рода сопряжены со многими затруднениями, в виду того, что большинство космических причин оказывает влияние лишь косвенным путем; так, например, когда мы наблюдаем, что количество правонарушений колеблется, сообразно урожаю зерновых хлебов или винограда, влияние космических агентов проявляется лишь чрез посредство целого ряда влияний социального характера. Все же никто не станет отрицать, что при хорошей погоде, обильном урожае и вытекающем из них хорошем расположении духа жителей деревни, последние менее склонны к разрешению своих мелких ссор путем насилия, чем во время бурной или мрачной погоды, когда, в придачу ко всему этому, испорченные посевы тоже вызывают общее недовольство. Я думаю, что женщины, имеющие постоянную возможность наблюдать за хорошим и дурным расположением духа их му-

жей, могли бы сообщить много интересного о влиянии погоды на семейное благополучие.

Так-называемые «антропологические причины», на которые в последние годы было обращено много внимания, несомненно играют еще более важную роль, чем причины космические. Влияние унаследованных качеств и телесной организации на склонность к преступлению иллюстрировано за последнее время столь многими интересными исследованиями, что мы можем составить почти вполне обоснованное суждение относительно этой категории причин, приводящих людей к дверям наших судов. Конечно, мы не можем вполне согласиться с теми заключениями, к которым пришел один из наиболее видных представителей этой школы, д-р Ломброзо[84], особенно в одной из его последних работ[85]. Когда он указывает, что многие обитатели наших тюрем страдают недостатками мозговой организации, мы должны признать этот факт. Мы готовы даже допустить – если это действительно доказано, что большинство преступников и арестантов обладают более длинными руками, чем люди, находящиеся

на свободе. Опять-таки, когда Ломброзо указывает нам, что самые зверские убийства были совершены людьми, страдавшими от серьезных дефектов телесной организации, мы можем лишь преклониться пред этим утверждением и признать его точность. Но подобные утверждение остаются лишь заявлением факта, – не более того. А потому мы не можем следовать за г. Ломброзо, когда он делает черезчур широкие выводы из этих и подобных им фактов и когда он высказывает мысль, что общество имеет право принимать, какие ему заблагорассудится, меры по отношению к людям, страдающим подобными недостатками телесной организации. Мы не можем признать за обществом права истреблять всех людей, обладающих несовершенной структурой мозга и еще менее того сажать в тюрьмы всех, имевших несчастье родиться с черезчур длинными руками. Мы можем признать, что большинство виновников зверских деяний, от времени до времени, вызывающих общественное негодование, недалеко ушли от идиотов по степени своего умственного развития. Так, напр., голова некоего жестокого убийцы,

Фрея, рисунок которого обошел всю прессу в 1886-м году, может считаться подтверждающим фактом. Но, точно также как *не все* в Индии берутся за нож в жаркую погоду, точно также *не все* идиоты и еще менее того, *не все слабоумные* мужчины и женщины делаются убийцами; так что самому ярому криминалисту антропологической школы придется отказать от мысли всеобщего истребления идиотов, если только он припомнит, сколько из них находится на свободе (некоторые – под надзором, а многие – даже имея здоровых людей под своим надзором); а, между тем, вся разница между этими несчастными и теми, которых отдали в руки палача, является, в сущности, лишь разницей обстоятельств, при которых они были рождены и выросли. Разве во многих, в других отношениях вполне «респектабельных» семьях, а также во дворцах, не говоря уже об убежищах для умалишенных, мы не находим людей, страдающих такими недостатками мозговой организации, которые д-р Ломброзо считает характерными, как показателей «преступного безумия»? Болезни мозга *могут* содействовать росту пре-

ступных наклонностей; но при других условиях, такого содействия может и не оказать. Здравый смысл и доброе сердце Чарльза Диккенса помогли ему прекрасно понять эту простую истину и воплотить ее в образе мистера Дика.

Итак, мы не можем согласиться со всеми выводами д-ра Ломброзо, а тем менее – его последователей; но мы должны быть благодарны итальянскому писателю за то, что он посвятил свое внимание медицинской стороне вопроса и популяризировал такого рода изыскание. Теперь всякий непредубежденный человек может вывести из многообразных и чрезвычайно интересных наблюдений д-ра Ломброзо единственное заключение, а именно, что большинство тех, кого мы осуждаем в качестве преступников, – люди страдающие какими-либо болезнями или несовершенствами организма, и что, следовательно, их необходимо лечить, *а не усиливать их болезненное состояние путем тюремного заключения.*

Исследование Маудсли о связи безумия с преступлением хорошо известны в Англии

[86]. Читая внимательно его работы, нельзя не вынести впечатление, что большинство обитателей наших тюрем, осужденных за насильственные действия, – люди, страдающие какими-нибудь болезнями мозга. Мало того, «идеальный сумасшедший», созданный в воображении законников, которого они готовы признать неотвественным за его поступки, является такой же редкостью, как и «идеальный преступник», которого закон стремится наказать. Несомненно имеется, как говорит Маудсли, – широкая «промежуточная область между преступлением и безумием, причем на одной границе мы встречаем некоторое проявление безумия, но еще более того – проявление порочности, вернее было бы сказать: „сознательного желание причинить какое-нибудь зло“; вблизи же другой границы мы встречаем, наоборот, меньшее проявление порочности и большее – безумия». Но, прибавляет он, «справедливое определение нравственной ответственности несчастных людей, обитающих в этой промежуточной полосе», никогда не будет достигнуто, пока мы не отделаемся от ложных представлений о

«пороке» и «злой воле»[87].

К несчастью, до сих пор наши карательные учреждения являются лишь компромиссом между старыми идеями *мести, наказание «злой воли»* и «порока», и более новыми идеями *устрашение*, и причем обе лишь в незначительной степени смягчаются филантропическими тенденциями. Но мы надеемся, что недалеко уже то время, когда благородные воззрение, воодушевлявшие Гризингера, Крафт-Эббинга, Дэпина и некоторых современных русских, немецких и итальянских криминалистов, войдут в сознание общества; и мы тогда будем стыдиться, вспоминая, как долго мы отдавали людей, которых мы называли «преступниками», в руки палачей и тюремщиков. Если бы добросовестные и обширные труды вышеуказанных писателей пользовались более широкой известностью, мы все давно бы поняли, что большинство людей, которых мы теперь держим в тюрьмах или приговариваем к смертной казни, нуждаются, вместо наказания, в самом бережном, братском отношении к ним. Я, конечно, не думаю предложить замену тюрем приютами

для умалишенных; самая мысль об этом была бы глубоко возмутительна. Приюты для умалишенных, в сущности, – те же тюрьмы; а те, которых мы держим в тюрьмах, – вовсе не умалишенные; они даже не всегда являются обитателями той границы «промежуточной области», на которой человек теряет контроль над своими действиями. Я так же далек от идеи, которая пропагандируется некоторыми – отдать тюрьмы в ведение педогогов и медиков. Большинство людей, посылаемых теперь в тюрьмы, нуждаются лишь в братской помощи со стороны тех, кто окружает их; они нуждаются в помощи для развития высших инстинктов человеческой природы, рост которых был задушен или приостановлен болезненным состоянием организма (анемией мозга, болезнью сердца, печени, желудка и т. д.) или, еще чаще, – позорными условиями, при которых вырастают сотни тысяч детей и при которых живут миллионы взрослых в так называемых центрах цивилизации. Но эти высшие качества человеческой природы не могут развиваться и быть упражняемы, когда человек лишен свободы, и, стало быть,

лишен возможности свободного контроля над своими поступками; когда он уединен от многообразных влияний человеческого общества. Попробуйте внимательно проанализировать любое нарушение неписанного морального закона, и вы всегда найдете, как сказал добрый старик Гризингер, что это нарушение нельзя объяснить *внезапным* импульсом: «оно» – говорит он, «является результатом эффектов, которые за многие годы глубоко действовали на человека»[88]. Возьмем, для примера, человека, совершившего какой-нибудь акт насилия. Слепые судьи нашего времени, без дальнейших размышлений, посылают его в тюрьму. Но человек, не оравленный изучением римской юриспруденции, а стремящийся анализировать прежде, чем выносить приговор, скажет нечто другое. Вместе с Гризингером он заметит, что в данном случае, – если обвиняемый не мог подавить своих чувств, и дал им выход в акте насилия, то подготовка этого акта относится к более раннему периоду его жизни. Прежде, чем совершить этот акт, обвиняемый, может быть, в течение всей своей

предыдущей жизни, проявлял уже ненормальную деятельность ума путем шумного выражение своих чувств, заводя крикливые ссоры по поводу самых пустячных причин, или оскорбляя, по малейшему поводу, близких ему людей; при чем, к несчастью, не нашлось никого, кто бы уже с детства постарался дать лучшее направление его нервной впечатлительности. Корни причин насильственного акта, приведшего обвиняемого на скамью подсудимых, должно отыскивать таким образом, в прошлом, за многие годы тому назад. А если мы пожелаем сделать наш анализ еще более глубоким, мы откроем, что такое болезненное состояние ума обвиняемого является следствием какой-нибудь физической болезни, унаследованной или развившейся, вследствие ненормальных условий жизни, — болезни сердца, мозга, или пищеварительной системы. В течение многих лет эти причины оказывали влияние на обвиняемого, и результатом их совокупного действия явился наконец насильственный акт, с которым и имеет дело бездушный закон.

Более того, если мы проанализируем са-

мих себя, если мы открыто признаемся в тех мыслях, которые иногда мелькают в нашем мозгу, то мы увидим, что всякий из нас имеет задатки тех самых мыслей и чувств (иногда едва уловимых), которые становятся причинами актов, рассматриваемых, как преступные. Правда, мы тотчас же стремились отогнать подобные мысли; но если бы они встретили благоприятную почву для проявления снова и снова; если бы обстоятельства благоприятствовали им, вследствие подавление более благородных страстей: любви, сострадание и всех тех чувств, которые являются результатом сердечного отношение к радостям и скорбям людей, среди которых мы живем, – тогда эти мимолетные мысли, которые мы едва замечаем при нормальных условиях, могли бы вырасти в нечто постоянное и явиться болезненным элементом нашего характера.

Этому мы должны учить наших детей с самого раннего детства, вместо того, чтобы набивать их ум, с раннего детства, идеями о «справедливости», выражаемой в форме мести, наказание, суда. Если бы мы иначе вос-

питывали детей, то нам не пришлось бы краснеть от стыда при мысли, что мы нанимаем убийц для выполнения наших приговоров и платим тюремным надзирателям за выполнение такой службы, к которой ни один образованный человек не захочет готовить своих собственных детей. А раз эту службу мы сами считаем позорной, то какая же может быть и речь об её, якобы морализующем характере!

Не тюрьмы, а братские усилия для подавление развивающихся в некоторых из нас противу-общественных чувств, – таковы единственные средства, которые мы в праве употреблять и можем прилагать с некоторым успехом к тем, в которых эти чувства развились вследствие телесных болезней или общественных влияний. И не следует думать, чтобы подобное отношение к преступнику являлось утопией. Воображать, что наказание способно остановить рост противу-общественных склонностей, это – утопия, и притом еще подленькая утопия, выросшая из глубоко-эгоистического чувства: «оставьте меня в покое, и пусть все в мире идет по-прежнему».

му».

Многие из противу-общественных чувств, говорит д-р Брюс Томпсон[89], да и многие другие, – унаследованы нами, и факты вполне подтверждают такой взгляд. – Но что именно может быть унаследовано? Воображаемая «шишка преступности»? или же что-нибудь другое? – Унаследованы бывают: недостаточный самоконтроль, отсутствие твердой воли, желание риска, жажда возбуждения[90], несо-размерное тщеславие. Тщеславие, например, в соединении с стремлением к рискованным поступкам и возбуждению, является одной из наиболее характерных черт у людей, населяющих наши тюрьмы. Но мы знаем, что тщеславие находит много областей для своего проявления. Оно может дать маниака, в роде Наполеона I или Тропмана; но оно же вдохновляет, при других обстоятельствах, – особенно если оно возбуждается и управляется здоровым рассудком, – людей, которые прорывают туннели и прорезывают перешейки, исследуют арктические моря, или посвящают всю свою энергию проведению в жизнь како-го-либо великого плана, который они счита-

ют благодетельным для человечества. Кроме того, развитие тщеславия может быть приостановлено или даже вполне парализовано параллельным развитием ума. То же относится и к другим, названным сейчас, способностям. Если человек унаследовал отсутствие твердой воли, то мы знаем также, что эта черта характера может повести к самым разнообразным последствиям, сообразно условиям жизни. Разве мало наших самых милых знакомых страдают именно этим недостатком? И разве он является достаточной причиной для заключения их в тюрьму?

Человечество редко пыталось обращаться с провинившимися людьми, как с человеческими существами; но всякий раз, когда оно делало попытки подобного рода, оно было вознаграждено за свою смелость. В Клерво меня иногда поражала доброта, с какой относились к больным арестантам некоторые служители в госпитале. А доктор Кэмпбелль, который имел гораздо более обширное поле наблюдения в этой области, пробывши тридцать лет тюремным врачом, говорит следующее: «Обращаясь с больными арестантами с

деликатностью, – как будто с дамами, принадлежащими к высшему обществу, (я цитирую его слова буквально), я получал то, что в госпитале господствовал величайший порядок». Кэмпбелль был поражен «достойною высокой похвалы чертой характера арестантов, которая наблюдается даже у самых грубых преступников, – а именно, тем вниманием, с каким они относятся к больным». «Самые закоренелые преступники», говорит Кэмпбелль, «не лишены этого чувства». И он прибавляет далее: «хотя многие из этих людей, вследствие прежней безрассудной жизни и преступных привычек, считаются закоренелыми и нравственно оупевшими, тем не менее они обладают очень острым сознанием справедливого и несправедливого». Все честные люди, которым приходилось сталкиваться с арестантами, могут лишь подтвердить слова д-ра Кэмпбелля.

В чем же лежит секрет этой черты характера арестантов, которая должна особенно поражать людей, привыкших считать арестантов существами, недалеко отошедшими от диких зверей? *Служители в тюремных*

госпиталях имеют возможность проявлять присущие людям добрые чувства, и упражняют их. Они имеют возможность проявить чувство сожаление, и этим чувством окрашивались их поступки. Кроме того, они пользовались в госпитале большей свободой, чем другие арестанты, а те из них, о которых говорит д-р Кэмпбелль, были еще под непосредственным моральным влиянием доктора, – т.е. такого доброго и умного человека, как Кэмпбелль, а не какого-нибудь грубого отставного унтер-офицера.

Короче говоря, антропологические причины, т.е. недостатки организации – одна из главных причин, толкающих людей в тюрьму; но собственно говоря, их нельзя называть «причинами преступности». Те же самые антропологические недостатки встречаются у миллионов людей, принадлежащих к современному психопатическому поколению; но они ведут к противу-общественным поступкам лишь при известных благоприятных обстоятельствах. Что же касается до тюрем, то они не излечивают этих патологических недостатков: они лишь усиливают их; и когда

человек выходит из тюрьмы, испытав на себе, в течение нескольких лет, её развращающее влияние, он несравненно менее пригоден к жизни в обществе, чем был до заключение в тюрьму. Если общество желает предотвратить с его стороны совершение новых противу-общественных поступков, то достигнуть этого возможно, лишь переделывая то, что сделала тюрьма, т.е. сглаживая все те черты, которые тюрьма врезывает в каждого, имевшего несчастье попасть за её стены. Некоторым друзьям человечества удастся достигнуть этого в отдельных случаях, но в большинстве случаев подобного рода усилия не приводят ни к чему.

Необходимо сказать здесь еще несколько слов о тех несчастных, которых криминалисты рассматривают, как врожденных убийц и которых во многих странах, руководящихся старой библейской моралью, «зуб за зуб», посылают на виселицу. Англичанам может показаться странным, но по всей Сибири – где имеется обширное поле для наблюдений над различными категориями ссыльных – убийцы причисляются к самому лучшему классу

тюремного население. Меня очень порадовало, что Михаил Дэвитт, с такой проникательностью анализирувавший «преступность» и её причины в превосходных очерках тюремной жизни, сделал такое же наблюдение[91]. Всем известно в России, что русский закон не признает смертной казни впродолжение уже более, чем столетия; не смотря на то, что в царствование Александра ИИ-го и ИИИ-го политические посылались на виселицу в изобилии, смертная казнь не применяется в России к уголовным преступникам, за исключением редких случаев, военным судом. Она была отменена в 1753 г., и с того времени убийцы приговариваются лишь к каторжным работам, на сроки от 8 до 20 лет (отцеубийцы и матереубийцы на всю жизнь), по отбытии которых они становятся ссыльно-поселенцами и остаются в Сибири на всю жизнь. Вследствие этого Восточная Сибирь полна освобожденными убийцами; и несмотря на это, едва ли найдется какая-либо другая страна, в которой можно жить и путешествовать с большей безопасностью. Во время моих продолжительных путешествий по Сибири я никогда не

брал с собой никакого оружия; то же я могу сказать и относительно всех моих друзей; каждому из них приходилось, в общем, изъездить каждый год от 10.000 до 15.000 верст, по самым диким, незаселенным местностям. Затем, как уже сказано в одной из предыдущих глав, количество убийств, совершаемых в Сибири освобожденными убийцами и безчисленными бродягами, в общем, чрезвычайно незначительно; между тем, как постоянные грабежи и убийства, на которые жалуются сибиряки, совершаются обыкновенно в Томске и вообще на пространстве Западной Сибири, куда ссылаются менее важные уголовные преступники, а не убийцы. В более ранние периоды девятнадцатого века освобожденные убийцы, со следами каторжных клейм, нередко встречались в Сибири, в домах чиновников, в качестве кучеров, и даже нянек, при чем эти няньки относились к вверяемым им детям с самою материнскою заботливостью. Тем, которые сделали бы предположение, что, может быть, русские отличаются большей мягкостью характера, по сравнению с западно-европейцами, я могу в ответ указать на

сцены жестокости, происходящие во время усмирении русских крестьянских бунтов. Прибавлю только, что отсутствие казней и гнусных разговоров о подробностях этих казней, – разговоров, которыми арестанты в английских тюрьмах очень любят заниматься, – способствовало тому, что в русских арестантах не развивалось холодного презрение к человеческой жизни.

Позорная практика легальных убийств, до сих пор имеющая место в Западной Европе, позорная практика нанимание за гинею (десять рублей) палача[92], для приведение в исполнение приговора, выполнить который сам судья не имеет смелости – эта позорная практика и глубокий душевный разврат, вносимый ею в общество, не имеют оправдание даже в том, что этим будто бы предотвращаются убийства. Отмена смертной казни нигде не вызвала увеличение количества убийств. Если людей до сих пор казнят, то это является просто результатом постыдного страха, соединяемого с воспоминаниями о низшей ступени цивилизации, когда принцип «зуб за зуб» проповедывался религией.

Но если космические причины – прямо или косвенно – оказывают столь могущественное влияние на годовое количество противу-общественных поступков; если физиологические причины, коренящиеся в тайниках строения тела, являются также могучим фактором, ведущим к правонарушению, – что же останется от теорий создателей уголовного права, если мы к вышеуказанным причинам тех явлений, которые именуются преступлениями, прибавим еще социальные причины?

В древности был обычай, согласно которому всякая коммуна (клан, марка, община, вервь) считалась, вся, в её целом, ответственной за каждый противу-общественный поступок, совершенный кем бы то ни было из её членов. Этот древний обычай теперь исчез, подобно многим хорошим пережиткам старого общинного строя. Но мы снова возвращаемся к нему и, пережив период ничем не сдерживаемого индивидуализма, мы снова начинаем чувствовать, что все общество в значительной мере ответственно за противу-общественные поступки, совершенные в

его среде. Если на нас ложатся лучи славы гениев нашей эпохи, то мы не свободны и от пятен позора за деяние наших убийц.

Из года в год сотни тысяч детей вырастают в грязи – материальной и моральной – наших больших городов, растут заброшенными, среди населения, деморализованного неустойчивой жизнью, неуверенностью в завтрашнем дне и такой нищетой, о какой прежние эпохи не имели и представления. Предоставленные самим себе и самым скверным влиянием улицы, почти лишенные всякого присмотра со стороны родителей, пригнетенных страшной борьбой за существование, эти дети чужды даже представлению о счастливой семье; но зато, с самого раннего детства, они впитывают в себя пороки больших городов. Они вступают в жизнь, не обладая даже знанием какого-либо ремесла, которое могло бы дать им средства к существованию. Сын дикаря учится у отца искусству охоты; его сестра с детства приучается к ведению несложного хозяйства. Но дети, которых отец и мать должны с раннего утра покидать свои грязные логовища в поисках за какой-нибудь работой, чтобы как-

нибудь пробиться в течение недели, – такие дети вступают в жизнь менее приспособленными к ней, чем дети дикарей. Они не знают ремесла; грязная улица заменяет им дом; обучение, которое они получают на улицах, известно тем, кто посещал места, где расположены кабаки бедняков и места увеселение более состоятельных классов.

Разражаться негодующими речами по поводу склонности к пьянству этого класса населения, – нет ничего легче. Но если бы господа обличители сами выросли в тех же условиях, как дети рабочего, которому каждое утро приходится пускать в ход кулаки, чтобы занять место у ворот лондонских доков, – многие ли из них воздержались бы от посещения изукрашенных кабаков, – этих единственных «дворцов», которыми богачи вознаградили действительных производителей всех богатств.

Глядя на это подрастающее население всех наших крупных мануфактурных центров, мы перестаем удивляться, что наши большие города являются главными поставщиками человеческого материала для тюрем. Наоборот,

я всегда удивлялся, что такое сравнительно незначительное количество этих уличных детей становится ворами и грабителями. Я никогда не переставал удивляться тому, насколько глубоко вкоренены социальные чувства в людях девятнадцатого века, сколько доброты сердца в обитателях этих грязных улиц; лишь этим можно объяснить, что столь немногие из среды выросших в совершенной заброшенности объявляют открытую войну нашим общественным учреждениям. Вовсе не «устрашающее влияние тюрем», а эти добрые чувства, это отвращение к насилию, эта покорность, позволяющая беднякам мириться с горькой судьбой, не выращая в своих сердцах глубокой ненависти, — лишь они, эти чувства, являются той плотиной, которая предупреждает бедняков от открытого попра-ние всех общественных уз. Если бы не эти добрые чувства, давно бы от наших современных дворцов не оставалось камня на камне.

А в это же время, на другом конце общественной лестницы деньги, — этот овеществленный человеческий труд, — разбрасываются с неслыханным легкомыслием, часто лишь

для удовлетворение глупаго тщеславия. Когда у стариков и работающей молодежи часто не хватает хлеба, и они изнемогают от голода у дверей роскошных магазинов, – дворцов, в этих магазинах богачи тратят безумные деньги на покупку бесполезных предметов роскоши.

Когда все окружающее нас – магазины и люди, которых мы встречаем на улицах, литература последнего времени, обоготворение денег, которое приходится наблюдать каждый день, – когда все это развивает в людях ненасытную жажду к приобретению безграничного богатства, любовь к крикливой роскоши, тенденцию глупо швырять деньгами для любой явной, или сохраняемой в тайне цели; когда в наших городах имеются целые кварталы, каждый дом которых напоминает нам, как человек может превращаться в скота, несмотря на внешние причины, которыми он прикрывает это скотство; когда девизом нашего цивилизованного мира можно поставить слова: «Обогащайтесь! Сокрушайте все, что вы встретите на вашем пути, пуская в ход все средства, за исключением разве тех,

которые могут привести вас на скамью подсудимых!» – когда, за немногими исключениями, всех, от землевладельца до ремесленника, учат каждый день тысячами путей, что идеал жизни – так устроить свои дела, чтобы другие работали на вас; когда телесная работа настолько презирается, что люди, которые рискуют заболеть от недостаточного телесного упражнения, предпочитают прибегать к гимнастике, подражая движением пильщика или дровосека, вместо того, чтобы действительно заняться распиливанием дров или копанием земли; когда загрубевшие и почерневшие от работы руки считаются чем-то унижительным, а обладание шелковым платьем и умение держать прислугу в «ежевых рукавицах» считается признаком «хорошего тона»; когда литература является гимном богатству и относится к «непрактичным идеалистам» с презрением, – зачем толковать о «врожденной преступности»? Вся эта масса факторов нашей жизни влияет в одном направлении: она подготавливает существа, неспособные к честному существованию, насквозь пропитанные противу-общественны-

ми чувствами!

Если наше общество сьорганизуется так, что для каждого будет возможность постоянно работать для общепользньх целей, – для чего, конечно, понадобится полная переделка теперешних отношений между капиталом и трудом; если мы дадим каждому ребенку здоровое воспитание, обучив его не только наукам, но и физическому труду, дав ему возможность в течении первых двадцати лет его жизни приобрести знание полезного ремесла и привычку к честной трудовой жизни, – нам не понадобилось больше ни тюрем, ни судей, ни палачей. Человек является результатом тех условий, в которых он вырос. Дайте ему возможность – вырости с навыком к полезной работе; воспитайте его так, чтобы он с раннего детства смотрел на человечество, как на одну большую семью, ни одному члену которой не может быть причинено вреда без того, чтобы это не почувствовалось в широком круге людей, а в конце концов и всем обществом; дайте ему возможность воспитать в себе вкус к высшим наслаждениям, даваемым наукой и искусством, – наслаждением более

возвышенным и долговременным, по сравнению с удовлетворением страстей низшего порядка, – и мы уверены, что обществу не придется наблюдать такого количества нарушений тех принципов нравственности, с которыми мы встречаемся теперь.

Две-третьи всех правонарушений, а именно все так-называемые «преступление против собственности» или совершенно исчезнут, или сведутся к ничтожному количеству случаев, раз собственность, являющаяся теперь привилегией немногих, возвратится к своему действительному источнику – общине. Что же касается «преступлений, направленных против личности», то число их уже теперь быстро уменьшается, вследствие роста нравственных и социальных *привычек*, которые несомненно развиваются в каждом обществе и несомненно будут возрастать, когда общие интересы всех станут теснее.

Конечно, каковы бы ни были экономические основы общественного строя, всегда найдется известное количество существ, обладающих страстями более сильными и менее подчиненными контролю, чем у остальных

членов общества; всегда найдутся люди, страсти которых могут случайно побудить их к совершению поступков противу-общественного характера. Но в большинстве случаев страсти людей, ведущие теперь к правонарушению, могут получить другое направление, или же соединенные усилия окружающих могут сделать их почти совершенно безвредными. В настоящее время, в городах мы живем в черзъчур большом разъединении друг от друга. Каждый заботится лишь о себе или, самое большое, о ближайших своих родных. Эгоистический, т.е. неразумный индивидуализм в материальных областях жизни неизбежно привел нас к индивидуализму, столь же эгоистическому и вредоносному, в области взаимных отношений между человеческими существами. Но нам известны из истории, и даже теперь мы можем наблюдать сообщества, в которых люди гораздо более тесно связаны между собою, чем в наших западноевропейских городах. В этом отношении примером может служить Китай. «Неделеная семья» до сих пор является в его исконных областях основой общественного строя: все члены «неде-

ленной семьи» знают друг друга в совершенстве; они поддерживают друг друга, помогают друг другу – не только в материальных нуждах, но и в скорбях и печалях каждого из них; и количество «преступлений» против собственности и личности стоит в этих областях на поразительно низком уровне (мы, конечно, имеем в виду центральные провинции Китая, а не приморские). Славянские и швейцарские земледельческие общины являются другим примером. Люди хорошо знают друг друга в этих небольших общинах и во многих отношениях взаимно поддерживают друг друга. Между тем в наших городах все связи между его обитателями исчезли. Старая семья, основанная на общем происхождении, расчленилась. Но люди не могут жить в подобном разъединении, и элементы новых общественных групп растут. Возникают новые связи, между обитателями одной и той же местности, между людьми, преследующими какую-нибудь общую цель, и т. д. И рост таких новых группировок может быть только ускорен, если в обществе произойдут изменения, ведущие к более тесной взаимной зави-

симости и к большему равенству между всеми.

Не смотря на все эти изменения, все же несомненно останется небольшое число людей, которых противупобщественные страсти, – результат их телесных несовершенств и болезней – будут представлять некоторую опасность для общества. И потому является вопрос: должно ли будет человечество по-прежнему лишать их жизни, или запирает в тюрьмы? – В ответе не может быть сомнения. Конечно, оно не прибегнет к подобному гнусному разрешению этого затруднение.

Было время, когда с умалишенными, которых считали одержимыми дьяволом, обращались самым возмутительным образом. Закованные, они жили в стойлах, подобно животным, и служили предметом ужаса даже для людей, надзиравших за ними. Разбить их цепи, освободить их – сочли бы в то время безумием. Но в конце XIII-го века явился человек, Пинель, который осмелился снять с несчастных цепи, обратился к ним с дружественными словами, стал смотреть на них, как на несчастных братьев. И те, которых

считали способными разорвать на части всякого, осмелившегося приблизиться к ним, собрались вокруг своего освободителя и доказали своим поведением, что он был прав в своей вере в лучшие черты человеческой природы: они не изглаживаются вполне даже у тех, чей разум омрачен болезнью. С этого дня гуманность победила. На сумасшедшего перестали смотреть, как на дикого зверя. Люди признали в нем брата.

Цепи исчезли, но убежища для умалишенных – те же тюрьмы – остались, и за их стенами постепенно выросла система, мало чем отличающаяся от той, которая практиковалась в эпоху цепей. Но вот крестьяне бельгийской деревушки, руководимые лишь простым, здравым смыслом и сердечной добротой, указали новый путь, возможности которого ученые исследователи болезней мозга даже и не подозревали. Бельгийские крестьяне предоставили умалишенным полную свободу. Они стали брать их в свои семьи, в свои бедные дома; они дали им место за своим скудным обеденным столом и в своих рядах во время полевых работ; они допустили их к участию

на деревенских праздниках и вечеринках. И вскоре по всей Европе разнеслась слава о «чудесных» исцелениях, виновником которых якобы являлся святой, в честь которого построена церковь в Геле (Gheil). Лечение, применявшееся крестьянами, отличалось такой простотой, оно было настолько общеизвестно с давнего времени (это было свобода!), что образованные люди предпочли приписать достигнутые результаты божественному влиянию вместо того, чтобы смотреть на совершившееся просто, без предрассудков. Но к счастью, не оказалось недостатка в честных и добросердечных людях, которые поняли значение метода лечения, изобретенного Гельскими крестьянами; они стали пропагандировать этот метод и употребили всю энергию, чтобы побороть умственную инерцию, трусость и холодное безразличие окружающих [93].

Свобода и братская заботливость оказались наилучшим лекарством в вышеупомянутой обширной промежуточной области «между безумием и преступлением». Они окажутся также, мы в этом уверены, лучшим ле-

карством и по ту сторону одной из границ этой области, – там, где начинается то, что принято называть преступлением. Прогресс идет в этом направлении. И все, что способствует ему, приведет нас ближе к разрешению великого вопроса, – вопроса о справедливости, который не переставал занимать человеческие общества с самых отдаленных времен, но которого нельзя разрешить при помощи тюрем.

Приложение А Роль ссылных в деле колонизации Сибири (К стр. 116-121)

При неточности и разбросанности статистических данных относительно Сибири очень трудно определить, насколько ссылные способствовали увеличению населения Сибири. Следующие достоверные цифры, сообщенные в 1886 году в официальной «Тобольской газете» и перепечатанные в «Восточном Обзрении» (20 марта), заслуживают внимание. В течении 10 лет, с 1875 по 1885 г. в Тобольскую губернию было выслано 38,577 мужчин и 4285 женщин. За ними последовало в ссылку 23,721 свободных женщин и детей, в общем таким образом – 66,583 душ. В течении тех же 10 лет 11,758 ссылных умерло и 10,094 бежало: 4735 были осуждены вновь и высланы или переведены в другие части Сибири; 1854 были возвращены в Россию, и лишь 28,670 были зачислены в списки крестьян и мещан Тобольской губернии. Все

ссылное население Тобольска состояло в это время из 35,100 мужчин и около 12,000 женщин. Смертность этого населения включена в вышеприведенное число 11,758 умерших. Но, даже исключив вышеуказанную цифру из общей суммы, окажется, что по крайней мере 20,000 из 66,583 душ – приблизительно, одна треть – были высланы в Тобольскую губернию лишь за тем, чтобы умереть вскоре по прибытии в Сибирь, или убежать. Население Тобольской губернии в 1875 году равнялось 1.131,246 душ и оно увеличилось в течении 10 лет на 187,626 душ, между тем, как естественный прирост населения должен быть менее 100,000 душ. Оказывается, однако, что ссылки за этот период увеличили население не более чем на 45,000 душ; дальнейший же прирост объясняется свободной эмиграцией из России.

Что же касается до работоспособности этого ссылного населения, то о ней лучше всего можно судить по тому, что в 1875 г. между ссылными насчитывалось лишь 10,798 домовладельцев. В течении 10 лет 5,588 человек прибавилось к вышеуказанному числу, но

3,775 бросили свои дома, так что в 1885 году лишь 12,611 ссыльных обладали постоянными жилищами. Кроме того, из 20,846, приписанных к крестьянам, в 1875 году на местах приписки не оказалось 8,525 душ, – они исчезли.

Приложение В Выдержки из речи г-на Шакеева, произнесенной в Петербургском дворянском собрании 17 февраля 1881 года (К стр. 130)

Как известно, после взрыва в Зимнем Дворце, Лорис-Меликов был назначен на пост Министра Внутренних Дел и облечен почти диктаторской властью; фактически Александр II передал власть в его руки. Одним из первых шагов Лорис-Меликова было разрешение губернским земским и дворянским собраниям свободно высказывать свои мнения. Они воспользовались этим разрешением, и одним из первых желаний, высказанных собраниями, было желание уничтожение системы «административной ссылки». Петербургское дворянство было одним из первых, протестовавших против этой возмутительной системы и во время заседание 17 февраля 1881 года, оно вотировало резолюцию, в которой

находило необходимым подать императору адрес с просьбой, чтобы закон, гарантирующий неприкосновенность личности каждого гражданина, не был нарушаем.

Во время обсуждения этой резолюции Е. А. Шакеев прочел реферат о системе административной ссылки, в котором он, между прочим, говорил следующее:

«Обращаясь к русским законам, мы находим, что согласно им никакое наказание не может быть наложено без приговора суда... Казалось бы, что после обнародование закона 1864 года не может быть более речи о вмешательстве административных властей в функции властей юридических, и что наказание может быть лишь результатом приговора суда. Наказание без суда рассматривались государственным советом, как проявление произвола... Но, в последнее время наблюдается нечто новое. Права, даваемые каждому гражданину законом, сделались совершенно призрачными. Под предлогом очистки России от людей политически неблагонадежных, администрация начала прибегать к высылкам, сначала изредка, но в последние годы разме-

ры высылки растут все более и более... В начале общество возмущалось подобными действиями администрации, но с течением времени оно привыкло к этим проявлениям произвола, и внезапное исчезновение людей из недр их семейств перестало казаться чем-то необычным».

«Преследование направлялись главным образом против молодых людей, юношей и девушек, в большинстве случаев еще не достигших совершеннолетия. Часто, лишь за знакомство, родство, или даже принадлежность к какому-нибудь учебному заведению, пользовавшемуся плохой репутацией в глазах администрации, за какое-нибудь выражение в письме, за хранение фотографии (какого-либо политического ссыльного) молодые люди попадали в ссылку... Официальный „Правительственный Вестник“ привел недавно цифровые данные о лицах, сосланных таким образом (в Сибирь) лишь по приказанием администрации и цифры эти указывают, что количество сосланных колеблется между 250-2500 душ каждый год; но если к этим цифрам прибавить данные о лицах, ссылаемых таким же

порядком во внутренние губернии Европейской России, причем о количестве таких лиц мы можем лишь догадываться, перед нами получится настоящая гекатомба человеческих существ».

Г. Шакеев закончил свою речь предложением подписать вышеупомянутое заявление. Его речь часто прерывалась криками: «браво!» «совершенно справедливо!» Председатель собрания, барон П. Л. Корф, поддержал предложение г. Шакеева, прибавив, в свою очередь, что оно имеет очень глубокое значение для всей России.

Собрание, «принимая во внимание, что система административной ссылки не оправдывается законом», подписало петицию, которая и была передана императору. Конечно, все осталось по старому. Единственным нововведением в этой области явилось назначение специального комитета, который периодически пересматривает все дела об административной ссылке и периодически набавляет по три и по пяти лет ссылки тем лицам, которых он находит опасными. Ссылным, которым разрешено возвратиться в Россию, вос-

прецедента жительство в каком-либо из больших городов, где они могли бы найти средства к существованию.

Приложение С (К стр. 163)

Бунт юношей, которых держали в исправительной колонии в Поркеролле, послужил к раскрытию того возмутительного режима, которому они подвергались. Факты, выясненные перед судом, указали, между прочим, что пища, которую им давали, была чрезвычайно скверного качества и кроме того выдавалась в недостаточном количестве, так что им приходилось постоянно голодать. Режим в колонии был поистине ужасен. Дама, собственница колонии, и надзиратели употребляли для наказаний «сгараудине» – средневековый инструмент для пыток.

Что же касается колонии в Метро, которую часто хотели представить, как образцовую, – из дебатов в французской палате депутатов (31 марта 1887 года) оказалось, что обращение с детьми в этой колонии также отличалось чрезвычайной жестокостью. Факты, сделавшиеся известными вследствие вышеупомянутых дебатов, совершенно совпадают с теми сведениями о варварском обращении в этой колонии, которые были сообщены мне част-

НЫМИ ЛИЦАМИ.

Приложение D О «неисправимых преступниках» (К стр. 211)

Вильям Дуглас Моррисон (W. D. Morrison) в своей работе «Малолетние преступники» («Juvenile offenders»), изданной в 1897 году, как третий том серии «The Criminology Series», дал несколько статистических данных, подтверждающих сказанное в тексте относительно зловредного влияния тюрем. – «Всякому ученому, изучающему вопрос о наказаниях, в Англии или на континенте», говорит Моррисон, «хорошо известно, что пропорция „неисправимых“, сидящих в тюрьмах, ежегодно возрастает и никогда не стояла так высоко, как стоит теперь». – Это подтверждается тюремной статистикой Франции, Германии, Италии, Англии и других стран. И Моррисон доказывает, что «неисправимые» – это те, кто начал получать тюремное образование с ранних лет. Автор приходит к вполне определенному заключению, а именно: «Что касается, говорит он, до громадного большинства на-

шего тюремного население, то по отношению к ним уголовный закон и тюремное наказание окончательно оказались несостоятельными. Наша система наказаний оказалась несостоятельной в главной и первой своей цели, которая состояла в том, чтобы помешать преступнику совершать новые преступления. Наоборот, она, повидимому, плодит роковым образом обычного эксперта в противу-общественных поступках».

Заключение г. Моррисона, как и следует ожидать от такого писателя, отличаются крайнею умеренностью. Но по одному пункту они выражены с полною определенностью. Единственное действительное средство, говорит он, уменьшить число молодых преступников, это – «отстранить условия, общественные и экономические, создающие этих преступников». Тюремь же ни в каком случае этого не достигают. Они ведут, напротив, к увеличению преступности.

Примечания

n1

Писано в 1886 году.

[^^^]

n2

Писано в 1886 году. Как известно, теперь ссылка в Сибирь прекращена.

[^^^]

n3

Колесо только недавно уничтожено в Англии;
щипанье смоленого каната осталось.

[^^^]

n4

Старое Уложение о наказаниях продержалось
вплоть до самого последнего времени.

[^^^]

n5

Только недавно, в 1896 году, Судебные Уставы были распространены на Сибирь.

[^^^]

Теперь известно, что они были в Шлиссельбурге, где и пробыли двадцать пять лет (см. мемуары в журнале «*Былое*»). Но я оставляю эти строки без изменения, так как они показывают, в каком неведении было тогда русское общество.

[^^^]

Годовой отчет Главного Тюремного Департамента за 1882 г., см. «Вестник Европы», 1883, т. I.

[^^^]

В. Никитин. «Тюрьма и ссылка». Спб. 1880; «Наши карательные учреждение», «Русский Вестник», 1881; Отчет Медицинского Департамента Мин. Внутр. Дел за 1881 г.

[^^^]

Не предпринимая даже путешествия в Сибирь, можно удостовериться в справедливости вышеприведенных фактов. Они опубликованы в официальном издании (которое можно найти в Британском Музее), а именно – в «Журнале Судебной Медицины», издаваемом Медицинским Департаментом Министерства Внутренних Дел, см. журнал за 1874 г., т. III.

[^^^]

Ibidem, т. III.

[^^^]

См. д-р Леонтович в «Архиве Судебной Медицины и гигиены» за 1871 г., т. III; также «Сборник», публикуемый Медицинским Департаментом Мин. Внутр. Дел за 1873 г., т. III, стр. 127; считаю не лишним отметить, что и «Архив» и «Сборник» подверглись запрещению «за вредное направление». Даже официальная статистика оказывается «вредной» для русской бюрократии.

[^^^]

n12

Сборник сведений по России за 1883 г. Спб.
1886.

[^^^]

n13

Отчет Медицинского Департамента за 1883 г.
Спб. 1886.

[^^^]

n14

Тальберг в «Вестн. Евр.» кн. V, 1879 г.

[^^^]

Для людей, незнакомых с крепостной терминологией, может быть, не излишни будут следующие пояснения. Каждая крепость имеет форму многоугольника: на выделяющихся углах расположены бастионы, т.е. пятиугольные пространства, заключенные между двумя длинными и двумя короткими стенами и имеющие иногда еще вторые, внутренние постройки – редут, двухэтажный пятиугольный ряд сводчатых казематов, предназначенных для защиты бастиона, в случае разрушения наружных стен. Каждые два бастиона соединены куртеной. В виду того, что куртина и два внутренних угла бастионов являются слабейшими частями укреплений, они часто маскируются трехугольной постройкой вне самой крепости (но окруженными тем же гласисом), укрепление это носит название рavelина. Он состоит из двух стен, защищающих куртину и углы бастиона, делая невозможным доступ к бастиону, пока не взят самый рavelин. Петропавловская крепость имеет лишь два рavelина: Трубецкой на за-

падной стороне и Алексеевский – на восточной.

[^^^]

n16

Камеры в обычных тюрьмах, как напр. в Лионской во Франции, хотя имеют окна того же размера, по обилию света не могут быть сравнимаемы с крепостными казематами.

[^^^]

n17

Рассказ о заключении был опубликован в «Народной Воле» и позднее перепечатан в сборнике «На родине».

[^^^]

n18

«Вестник Народной Воли» № 3, 1883, стр. 180;
Стейнек «Russia under the Tzars», гл. XIX.

[^^^]

n19

«XIX Century», june, 1883.

[^^^]

n20

Их имена даны в приложении.

[^^^]

n21

«Вестник Народной Воли», № 1, Ноябрь 1883.

[^^^]

Сомневающиеся в справедливости вышеприведенного могут найти изложение этого возмутительного дела, сделанное г. Пругавиным в «Русской Мысли» (1881 г.); его же статьи об этом были помещены в «Голосе» и в, «Московском Телеграфе» (15 ноября 1881 г.).

[^^^]

И. Павловский, в серии статей, напечатанных в Парижском Temps, с предисловием И. С. Тургенева.

[^^^]

n24

Писано в 1882 году.

[^^^]

Я нарочно оставляю это место без перемены. Оно показывает, в каком неведении были все в России относительно того, что делалось в Шлиссельбурге. Теперь известно, что Минаков, действительно, был расстрелян, но Ашенбреннер остался в живых. Но и эта Бастилия теперь открыла свои тайны. Всеобщая стачка в октябре 1905 года освободила десять жертв даже из Шлиссельбурга.

[^^^]

Наша уголовная статистика страдает такими несовершенствами, что более или менее точная классификация ссыльных – очень затруднительна. Нам известна лишь одна хорошая работа, посвященная этому вопросу и принадлежащая перу г. М. Анучина; работа эта издана несколько лет тому назад Русским Географическим Обществом и награждена большой золотой медалью. В ней сведены данные уголовной статистики с 1827 по 1846 г. Несмотря на устарелость статистических данных, приводимых в этой работе, они дают приблизительное понятие о действительном положении дела в настоящее время, так как современная статистика указывает, что, с того времени, хотя *цифровые* данные должны быть удвоены, но относительная пропорция различных категорий ссыльных осталась *почти той же*. Так, напр., из 159,755 сосланных в период с 1827 по 1846 г. не менее 79,909 т.е., 50 % были высланы без суда, «административным порядком»; тридцать лет спустя, наблюдается почти та же пропорция, а именно в период

с 1867 по 1876 из 151,184 ссыльных, таких жертв произвола было 78,871 чел. То же наблюдается и по отношению к другим категориям ссыльных. Судя по данным, приводимым в работе г. Анучина, из 79,846 сосланных по приговору суда 14,531 (725 чел. в год) судились за убийство; 14,248 обвинялись в более тяжелых уголовных преступлениях, каковы поджог, грабеж и подлог; 40,666 судились за воровство и 1426 за занятие контрабандой; суммируя эти цифры, получаем 70,871 чел. (около 3545 чел. в год) таких преступников, которые были бы осуждены кодексами любой европейской страны (хотя, конечно, при суде с присяжными возможен был бы и значительный процент оправданий). Остальные (около 89000) попали в ссылку в громадном большинстве случаев за преступление, которые являлись прямым результатом политического строя России. А именно: за бунт против помещиков и властей – 16,456; проявление сектантского фанатизма – 2138 чел.; побег с военной службы (которая тогда продолжалась 25 лет) – 1651 и за побег из Сибири, в большинстве случаев из административной

ссылки, – 18,328. Наконец, мы находим громадное число – 48,466 чел. – «бродяг», относительно которых г. Анучин замечает: «Бродяжество это в большинстве случаев было ничто иное, как отлучка в соседнюю губернию *без паспорта*»; из вышеуказанного числа по меньшей мере 40.000 чел. «были высланы за проступки против паспортной системы», – (т.е., это были люди, у которых голодала семья и у которых не было 5 или 10 рублей для уплаты за паспорт, чтобы уйти искать работу напр. из Калуги или Тулы в Одессу или Астрахань). Далее г. Анучин замечает: «что же касается 80.000 чел., сосланных административным порядком, то мы не только сомневаемся в их преступности, но сомневаемся даже в самом существовании таких преступлений, которые были им приписаны». Число такого рода «преступников» с тех пор не уменьшилось. Оно почти удвоилось, как и цифры других категорий. Россия ежегодно посылает в Сибирь, в пожизненную ссылку, 4-5000 мужчин и женщин, которые в других странах были бы присуждены к нескольким рублям. К подобного рода «преступникам» необходимо прибав-

вить еще около 1500 женщин и 2-2500 детей, ежегодно следующих в Сибирь за мужьями и родителями, безвинно перенося все ужасы этапного путешествия по Сибири и все невзгоды ссылки.

[^^^]

Согласно русским законам, семьи арестантов не подчинены контролю конвоя; но, в действительности, с ними обращаются, как с арестантами. Приведу лишь один пример. Томский корреспондент «Московского телеграфа» (3 ноября, 1881 г.) писал: «Мы встретили арестантскую партию, вышедшую из Томска 14 сентября. Измученные женщины и дети буквально завязали в грязи и солдаты подгоняли их побоями, чтобы они не отставали от партии».

[^^^]

Согласно русским законам, которые в большинстве случаев были сочиняемы, не справляясь с действительностью, воспрещается высылка подобных, крупных по количеству, арестантских партий. В действительности же, теперь обыкновенная партия бывает около – 480 чел. В 1881 г., согласно сведением «Голоса», 6607 арестантов были высланы в составе 16 партий, таким образом, в среднем на партию приходилось – 406 чел. За этими партиями следовало 954 женщины и 895 детей; таким образом, в сущности, на партию приходилось до 521 душ. В 1884 г. средний размер партии был – около 400 чел. (300 мужчин и 100 женщин и детей).

[^^^]

Количество детей, следующих за арестантскими партиями, доходит теперь от 5000 до 8000 душ. Многим из них приходится проводить два года в пути. Согласно сведением, помещенным в «Юридическом Вестнике» (1883 г.) все девочки, достигшие 14-летнего возраста и даже моложе, подвергаются в пути растлению.

[^^^]

n30

«Сибирь и Каторга». 3 тома, СПб., 1871.

[^^^]

Кутомарские и Александровские серебряные рудники всегда пользовались репутацией очень нездоровых, вследствие мышьяковых испарений руды; не только люди, но даже скот страдал от них, так что крестьяне этих местностей принуждены выращивать скот в соседних деревнях. Что же касается до ртутных испарений, то каждому, знакомому с литературой о Нерчинском горном округе, известно, что серебряная руда этого округа сопровождается киноварью, особенно в Шахгаме и Култуме, где всегда работают каторжные. Правительство даже несколько раз пыталось начать добывание ртути в этих рудниках. Акатуйский серебряный рудник того же округа пользуется страшной репутацией, как одно из самых нездоровых мест.

[^^^]

«Сибирь, как колония». Спб., 1882, стр. 207.

[^^^]

См. приложение А.

[^^^]

n34

Писано раньше известного случая с Сигидой.

[^^^]

Из многочисленных образчиков подобного рода административного произвола, опубликованных в 1881 г., когда печать на короткое время пользовалась некоторой свободой, я приведу лишь один.

В 1872 г. Курское дворянство чествовало местного губернатора обедом. Крупному землевладельцу М. Анненкову было поручено произнести тост в честь губернатора. Он произнес этот тост, но в конце его прибавил: «Ваше Превосходительство, пью за Ваше здоровье, но вместе с тем от души желаю, чтобы Вы посвящали больше времени делам вверенной Вам губернии».

Неделю спустя после этого эпизода, у дверей его дома остановилась почтовая кибитка с двумя жандармами; и, не давая Анненкову проститься не только со своими друзьями, а даже – с женой, его отвезли в Вятку. Его жене и Курскому и Фатешскому предводителям дворянства пришлось в течении шести месяцев самым настойчивым образом хлопотать у различных очень влиятельных особ в Петер-

бурге, чтобы Анненкова вернули из ссылки.
(«Голос», «Порядок» и др. газеты, февр. 20-21,
1881 г.).

[^^^]

n36

В приложении приводится извлечение из речи Шакеева, произнесенной в Петербургском дворянском собрании.

[^^^]

В течении 1881 г. было рассмотрено 2837 «дел» о политических, сосланных административным порядком; из них – 1950 находились в то время в Сибири. («Порядок», сентябрь 17, 1881 г.).

[^^^]

«Голос», 12 февраля, 1881 г. С апреля 1881 г. газетам строжайше было воспрещено печатать какие-либо сведения об административно-ссылных, да и все газеты, носившие более или менее независимый характер, были закрыты.

[^^^]

См. приложение А.

[^^^]

Ив. Поляков. «Путешествие на остров Сахалин в 1881-2 году». Эта работа была напечатана в «Известиях Русского Географического Общества» (1883).

[^^^]

Jahresbericht der Geographischen Gesellschaft von Bern, 1883-84, см. стр 129 и 39. См. также «St. Petersburg's Herald», №№ 353-356, за 1884 г.

[^^^]

n42

Д-р Петри, I. с.

[^^^]

n43

По сведениям, приводимым д-ром Петри за сахалинский каменный уголь платят от 7 до 7 1/2 долларов за тонну, в то время, как японский и австралийский уголь обходится 5 дол.

[^^^]

Кеппен. «Сахалин». Его каменноугольные копи и каменно-угольная промышленность. Спб., 1875. (Очень ценная работа, которой можно доверяться).

[^^^]

Тальберг. «Ссылка на Сахалин». «Вестн. Европы», Май, 1879).

[^^^]

n46

Кеппен. И. с.

[^^^]

Писано в 1886 г.; с тех пор труды Чехова и Дорошевича пролили полный свет на Сахалинские порядки.

[^^^]

n48

«Порядок». 8 Сентября 1881 г.

[^^^]

n49

Все оставалось по-прежнему, покуда японцы не овладели Сахалином.

[^^^]

См. приложение С.

[^^^]

Закон о рецидивистах, проведенный министерством Вальдеко-Руссо, поистине ужасен. Смертность же в Новой Гвинее, куда ссылают рецидивистов, такова, что каждый год умирает *одна – треть* ссыльных. Так гласил один официальный отчет.

[^^^]

Так как во Франции народ никогда не ломает хлеба, а всегда режет его маленькими кусочками, то для арестантов заготавливают особые маленькие складные ножи, тупые, с закругленным концом и без пружины, удерживающей лезвие открытым.

[^^^]

n53

Michael Davitt, «Leaves from a Prison Diary»,
London, 1885.

[^^^]

John Campbell. «Thirty Years'Experiences of a Medical Officer in the English Convict Service» London, 1884.

[^^^]

n55

«Prison Characters», by *a Prison Matron*. London, 1886.

[^^^]

n56

Sir Edmund Du Cane, *The Punishment and Prevention of Crime.* – «English Citizen» series. London. 1885.

[^^^]

n57

Five Years' Penal Servitudes, by *One who has endured it.* (London, George Routledge and Sons.)

[^^^]

Он достиг 70 фунт. стерлингов (700 рублей) на Лукской тюремной ферме, где было всего 42 арест. (См. E. du Cane. *Punishment and Prevention of Crime*). С тех пор, как эти строки были написаны, во Франции уничтожили, едва ли не повсеместно, работу на частных подрядчиков в тюрьмах. Депутаты-социалисты подняли вопрос о конкуренции со стороны тюремных предпринимателей труду вольных рабочих, и во время дебатов члены французского парламента широко пользовались этой главой моей книги, чтобы критиковать организацию частных мастерских в тюрьмах. Сколько мне известно, частные предприниматели изгнаны теперь из Клэрво, но я очень сомневаюсь, чтобы положение арестантов вследствие этого улучшилось.

[^^^]

M. Davitt's «Leaves».

[^^^]

n60

«Five Years' Penal Servitude», стр.61.

[^^^]

Как известно, уже проведены законы – во Франции (закон Беранже) и в Англии, дающие право судье освободить подсудимого от отбывание наказание.

[^^^]

Compte Rendu général de l'Administration de la Justice Criminelle en France en 1878 et 1879; Reinach, Les Récidivistes. Paris, 1882.

[^^^]

«Если принять во внимание тех, которые умирают после освобождения и тех, которых преступление после выхода из тюрьмы остаются не раскрытыми, остается открытым вопросом – не равно ли число рецидивистов общему числу всех освобожденных из тюрьмы» (Lombroso, *L'Home delinquente*).

[^^^]

Сравни замечательные книги Liard-Curtois «*Souvenir da Bagne*» и «*Après le bagne*», Paris, 1904-5 г., изд. Tosquelle, основанные на личном опыте.

[^^^]

n65

Сравни Eugène Simon, *La Cité Chinoise*.

[^^^]

n66

«Five Vears' Penal Servitude», by One who has endured it, p. 61.

[^^^]

Du Cane, I. с. стр. 176. Другой вид «труда», придуманный в Англии, состоит в следующем: арестанту дают спутанный клубок разноцветных ниток. Он должен, за день, разобрать их по цветам. Когда работа сделана, в одиночку входит надзиратель, снова спутывает все нитки, и говорит: «это будет урок на завтра!»

[^^^]

Речь М. Дюпюи (de l'Aisne) во Французской Палате Депутатов, января 18, 1887 г.

[^^^]

«The Punishment and Prevention of Crime», стр.
176.

[^^^]

n70

В России количество рецидивистов не превосходит 18 %, в то время как в Западной Европе оно доходит до 40-50 %.

[^^^]

n71

«Dartmoor», by late B. 24, в «Daily News», 1886.

[^^^]

См. Приложение D.

[^^^]

Некоторые замечание М. Дэвитта в его «Leaves from a Prison Diary» показывают, что не лучше дело обстоит в этом отношении и в английских тюрьмах.

[^^^]

n74

Il Delinquente, Udine. 1875.

[^^^]

Nuovi orizzonti del Diritto e della Procedure penale; Socialismo e Criminalità, – и несколько других работ.

[^^^]

L'Alcoolismo, sue conseguenze morali e sua cause.
Catania, 1887. Эту работу я особенно рекомендую вниманию тех писателей об алкоголизме, которые так часто смешивают следствия с причинами.

[^^^]

n77

Gesammelte Abhandlungen. Berlin, 1882.
Pathologie der Psychischen Krankheiten.

[^^^]

n78

Zweifelhafte Geistzustände. Erlangen. 1873;
Grundzüge der Criminal-Psychologie, 1872;
Lehrbuch der gerichtlichen Psychopatie. Stuttgart.
1875.

[^^^]

n79

Psychologie Naturelle, Paris. 1868; *Congrès Pénitentiaire de Stockholm en 1878*. vol. II.

[^^^]

n80

Insanity with Relation to Crime, London. 1880.

[^^^]

S. A. Hill: «The Effects of the Weather upon the Death-Rate and Crime in India», *Nature*, vol. 29, 1884, стр.338 Формула, выработанная Гиллем, показывает, что количество самоубийств и актов насилия, совершаемых каждый месяц, равняется избытку средней цифры ежемесячной температуры над 48° Фаренгей, помноженному на 7.2; плюс цифра средней месячной влажности, помноженная на 2. Автор прибавляет: «Преступление насильственного характера в Индии, можно сказать, пропорциональны в своем количестве тенденции к „колючему жару“, этому мучительнейшему состоянию кожи, вызываемому высокой температурой в соединении с влажностью. Всякому, кому приходилось страдать от этой болезни, легко будет понять, почему причины, вызывающие это страдание, могут иногда повести к убийствам и другим преступлениям». При холодной погоде получится обратное влияние.

См. также Маур. «Gesetzmässigkeit in Gesellschaftsleben», Е. Ferri в *Archivis di Psychiatria*, fasc. 2; «La teoria dell'imputabilità e la Negazione del libero Arbitrio». Bologna. 1881, и мн. др.

[^^^]

Das Verbrechen in seiner Abgängigkeit von temperatur, Berlin, 1882; а также: Colojanni, «Oscillations termométriques et délits contre les personnes», в *Bibl. d'Anthropologie Criminelle*, Lyon. 1886.

[^^^]

n84

L'Homme delinquant. 3-е изд, Torino. 1884.

[^^^]

n85

Sull increments del delitto, Roma, 1879.

[^^^]

«Responsibility in Mental Disease», London, 1872;
Body and Will, London, 1883.

[^^^]

Maucisley's «Responsibility.»; на стр. 27 Маудсли говорит: «Хотя к преступнику можно относиться с состраданием, тем не менее необходимо лишить его возможности совершать дальнейшее зло; общество имеет полное право настаивать на этом; и хоть к нему можно относиться с заботливостью, но действительной добротой и заботливостью по отношению, как к нему самому, так равно и к другим, будет – *подвергнуть такого рода дисциплине, которая сможет, если возможно, привести его в здоровое состояние, пусть это будет даже каторжная работа, если только она ему по силам*». Не говоря ничего о «праве» общества налагать на кого-либо каторжный труд, в каком праве можно сильно сомневаться, ибо сам же Маудсли признает, что общество «само фабрикует преступников», – мы можем лишь высказать удивление, что человек такого ясного ума допустил, хотя бы на мгновение, *что тюремное заключение с каторжной работой может явиться наилучшим средством, чтобы привести чей-либо ра-*

зум в здоровое состояние. Здесь мы встречаемся с одним из тех противоречий, какими полна английская жизнь и английская литература, где гениальный талант уживается с самым узким филистерством.

[^^^]

n88

Vierteljahrsschrift für gerichtliche und
öffentliche Medicin, 1867.

[^^^]

n89

Journal of Mental Science, January, 1870, стр. 488
sq.

[^^^]

Важность этого фактора, на который указывал уже Эд. Дю-Кэн, доказывается уже тем обстоятельством, что так-называемый «преступный возраст», это – возраст между 25 и 34 годами. По миновании этого возраста, стремление к спокойной жизни чрезвычайно уменьшает число преступлений. Предложение Дю-Кэна («люди, карьера которых свидетельствует о преступных наклонностях, должны быть подвергнуты заключению или быть отданы под надзор, пока они не достигнут приблизительно сорокалетнего возраста») является типичным образчиком той особой логики, которая развивается у людей, бывших некоторое время директорами тюрем.

[^^^]

Он говорит: «Убийства иногда бывают связаны с грабежом, – этого нельзя отрицать; но почти всегда они являются при совершении грабежа случайностью и редко преднамеренны. Наиболее ужасное из преступлений – убийство, заранее обдуманное, обыкновенно является результатом мести или ревности, или же результатом политической или социальной несправедливости, и его скорее можно отнести к извращению более благородных сторон человеческой природы, чем к жизненным страстям и аппетитам». (*Leaves from a Prison Diary*, т. I, стр. 17).

[^^^]

Du Cane. Punishment and Prevention of Crime,
стр. 23.

[^^^]

Один из таких людей, д-р Артур Митчелль, хорошо известен в Шотландии. См. его «*Insane in Private Dwellings*», Edinburgh, 1864; также «*Care and Treatment of Insane Poor*», в *Edinburgh Medical Journal*, 1868.

[^^^]